

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Чжао Хуашэн

**КИТАЙ, ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ
И ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
СОТРУДНИЧЕСТВА**

Рабочие материалы

№ 5, 2005

М о с к в а

Серия «Рабочие материалы» основана в 1999 г.

© Carnegie Endowment for International Peace, 2005

Полная или частичная перепечатка данной публикации возможна только с письменного согласия Московского Центра Карнеги. При цитировании ссылка на издание обязательна.

Московский Центр Карнеги
Россия, 125009 Москва, Тверская ул., 16/2.
Тел.: (095) 935-8904.
Факс: (095) 935-8906.
Эл. почта: info@carnegie.ru.
Интернет: <http://www.carnegie.ru>.

Электронные версии всех публикаций Московского Центра Карнеги: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs>.

Статьи и доклады, издаваемые Московским Центром Карнеги в серии «Рабочие материалы», обеспечивают читательской аудитории оперативный доступ к наиболее актуальным исследованиям по вопросам внешней и внутренней политики в России и Евразии. В серии публикуются либо промежуточные итоги работы, либо материалы, заслуживающие немедленного внимания читателей. Ваши отклики и комментарии просим направлять авторам работ по вышеуказанному адресу.

Работа посвящена истории создания и развития Шанхайской организации сотрудничества. Рассмотрены основные направления деятельности ШОС, интересы трех великих держав — Китая, России и Соединенных Штатов — в Центральной Азии. Подробно анализируется влияние событий 11 сентября 2001 г. на функционирование ШОС.

Об авторе

Чжао Хуашэн — директор Центра России и Центральной Азии Фуданьского университета (Шанхай, Китай).

Содержание

Предисловие (<i>Дмитрий Тренин</i>)	4
Как создавалась Шанхайская организация сотрудничества	5
Имеет ли ШОС антиамериканскую направленность	8
Особенности ШОС	12
События 11 сентября 2001 г. и ШОС.....	17
Основные направления развития ШОС.....	22
Китай и ШОС	29
Интересы и положение Китая в Центральной Азии	31
Интересы и положение России в Центральной Азии.....	36
Интересы и положение США в Центральной Азии.....	41
Возможно ли сотрудничество Китая, России и США в Центральной Азии	44
Политика Китая в Центральной Азии	48
Примечания.....	58
О Фонде Карнеги	62

Предисловие

На рубеже XXI в. произошел резкий рост внимания к Центральной Азии. Практически одновременно с началом второй чеченской кампании Россия осознала, что наряду с кавказским фронтом борьбы с исламистским радикализмом у нее появился новый, центральноазиатский. США после 11 сентября 2001 г. нанесли ответный удар по «аль-Каиде» и ее укрывателям — талибскому режиму в Афганистане. Обеспокоился и Китай. Для Пекина «прорыв» исламистов в Центральной Азии угрожает активизацией сепаратистов в приграничном Синьцзян-Уйгурском автономном районе, т. е. создает прямую угрозу территориальной целостности Китая. В итоге Россия — как бывшая метрополия, США — как лидер антитеррористической коалиции и Китай — как крупнейший сосед оказались непосредственно вовлеченными в ситуацию в регионе, который еще недавно считался «сонной глубинкой».

Взаимодействие трех крупнейших держав представляет собой сложную проблему. Есть соблазн вернуться к стереотипам так называемой Большой игры — соперничества «великих» за влияние над «малыми». Нужно учитывать, однако, что век традиционного империализма давно прошел: территориальный контроль утратил прежнюю привлекательность и представляется скорее обузой; «невеликие» страны перестали быть лишь полем соперничества, простым объектом великодержавной политики и превратились в субъекты международных отношений. Кричащей проблемой современности является не межимпериалистическое соперничество, а увеличение числа стран и территорий, которые не способны эффективно управлять собою, но при этом никому не нужны. Сейчас нет недостатка в объектах возможной экспансии, но есть дефицит потенциальных империалистов. Фашоду (местечко в Восточном Судане, где в 1898 г. столкнулись отряды британских и французских колониальных войск) сменило failed state.

Есть, однако, другой соблазн — вернуться к геополитической геометрии «треугольников» и рассматривать действия Вашингтона, Москвы и Пекина как определяемые преимущественно логикой соперничества держав в глобальном и региональном масштабах. Этот стереотип времен 1960—1980-х годов так же мало применим к нынешним реалиям, как и аналогия с Большой игрой. Отношения Америки и Китая — сложное переплетение широких торгово-экономических связей и все более явного соперничества. Мировая держава США естественно воспринимает превращение КНР в великую державу глобального уровня как вызов своим позициям и возможную угрозу американским интересам. Россия же в обозримом будущем будет сосредоточена прежде всего на проблемах собственной трансформации и модернизации. Для нее актуален не столько пресловутый «треугольник», сколько перспектива оказаться между двух огней — в случае, если американо-китайские противоречия приведут к противостоянию или конфликту.

Гораздо продуктивнее, таким образом, рассматривать взаимодействие России, Китая и США в Центральной Азии не через призму абстрактных (и тем более устаревших) формул, а с точки зрения конкретных интересов этих стран и, разумеется, государств региона. Такой ракурс позволяет не заикливаться на соперничестве, а анализировать имеющиеся противоречия интересов наряду с их совпадениями и выстраивать на этой основе более адекватную политику. Иными словами, вместо затратной и малоэффективной стратегии «широкого фронта» реализовывать гораздо более выигрышную стратегию продвижения и защиты «точных интересов».

Интересы и политика России и США в Центральной Азии являются предметом широкой дискуссии как в своих странах, так и за их пределами. Гораздо меньше работ, посвященных региональной стратегии Китая, тем более написанных китайскими специалистами. Между тем Центральная Азия стала первым регионом, в котором Пекин обозначил цель закрепления и наращивания своего политического и экономического присутствия. Именно на этом направлении Китай впервые с XIX в. вышел за пределы своих границ и добился признания в качестве регионального игрока. Шанхайская организация сотрудничества означает именно это: Китай в Центральной Азии. Важно отметить при этом, что интересам Китая — точно так же, как интересам Америки и России, — соответствуют политическая стабильность, экономическое и социальное развитие стран региона и надежная изоляция экстремистских сил. Наряду с этим Китай преследует и специфические национальные интересы.

В этой связи особую ценность представляет оригинальная работа, написанная одним из ведущих китайских исследователей международных отношений в Центральной Азии, профессором Фуданьского университета (Шанхай), в прошлом многолетнего сотрудника Шанхайского института международных исследований, руководителя Центра изучения России, Восточной Европы и Центральной Азии Чжао Хуашэна. Работа профессора Чжао, написанная специально для настоящего издания, дает возможность русскоязычному читателю погрузиться в мир китайского внешнеполитического дискурса, получить представление как о приводимых в нем аргументах, так и о характере и даже стиле аргументации. Более точное и «объемное» представление об интересах, целях и задачах одной из ведущих держав, в свою очередь, делает более достоверной общую картину международных отношений в регионе, стратегическую важность которого в нынешних условиях невозможно не признавать.

Дмитрий Тренин
23 июня 2005 г.

Как создавалась Шанхайская организация сотрудничества

Понять сущность Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) невозможно, не зная ее истории. 14 июня 2001 г. было объявлено о создании ШОС. Это произошло не на пустом месте. Предшественницей ШОС является «Шанхайская пятерка», которая образовалась в результате советско-китайских переговоров по пограничным вопросам.

Формирование советско-китайской границы — длительный, сложный и исторически неоднозначный процесс. Во времена советско-китайской дружбы вопрос о границе практически не вставал, но после охлаждения отношений в 60-е годы прошлого столетия эта проблема резко обострилась.

В феврале 1964 г. прошел первый раунд советско-китайских переговоров по пограничным вопросам, стороны достигли устного соглашения о прохождении границы на ее восточном участке, но официальный документ подписан не был. Вскоре ушел с политической арены Никита Хрущев, во главе руководства Советского Союза встал Леонид Брежнев. Начался продолжительный период противостояния Китая и СССР. Пограничные переговоры были приостановлены.

В марте 1969 г. на границе произошли вооруженные столкновения, возникла реальная угроза войны, отношения двух стран резко обострились. К тому времени уже давно не проводились встречи в верхах. Председатель Совета министров СССР Алексей Косыгин и премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай провели внеочередную встречу в пекинском аэропорту. В октябре того же года начался второй раунд советско-китайских пограничных переговоров, продолжавшийся девять лет в обстановке острых дискуссий. В итоге стороны не достигли сколько-нибудь практически значимых результатов.

После ввода советских войск в Афганистан в 1979 г. советско-китайские пограничные переговоры были вновь прекращены. В марте 1985 г. высшим руководителем СССР стал Михаил Горбачев. В феврале 1987 г. пограничные переговоры были возобновлены, и на сей раз они шли очень активно. Стороны достигли соглашения о прохождении большей части восточной границы. В мае 1989 г. М. Горбачев посетил КНР с официальным визитом. Эта поездка растопила лед прежних отношений: было заявлено о возобновлении межгосударственных встреч на регулярной основе, состоялось подписание «Соглашения о советско-китайской государственной границе на ее восточном участке». Кроме того, стороны договорились о сокращении военного присутствия в приграничных районах и недопущении пограничных инцидентов. В ноябре того же года начались советско-китайские переговоры.

В апреле 1990 г. КНР и СССР подписали «Соглашение о руководящих принципах взаимного сокращения вооруженных сил и укрепления доверия в военной области в районе границы», но оно так и не было реализовано. В декабре 1991 г. произошел неожиданный распад Советского Союза, который в одночасье превратился в 15 независимых государств, из которых четыре — Россия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан — имели общую границу с Китаем. Таким образом, на границе общей протяженностью более 7 тыс. км сформировались китайско-российский, китайско-казахский, китайско-киргизский и китайско-таджикский участки. Их протяженность составила соответственно более 4300, 1700, 1000 и 450 км. Российско-китайская граница в основном сохранилась на восточном участке прежней границы, от западного участка осталось примерно 50 км. Граница с Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном полностью прошла по западному участку советско-китайской границы. Возник вопрос, в какой форме продолжать переговоры по пограничным вопросам. В ходе консультаций стороны пришли к следующему варианту: Китай на переговорах будет представлять одну сторону, а вторая сторона будет представлена совместно Россией, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном, т. е. сформировался двусторонний переговорный процесс с участием пяти государств. Так была создана «Шанхайская пятерка».

В апреле 1996 г. Китай, Россия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан достигли «Соглашения об укреплении доверия в военной области в районе границы», что стало первым важным достижением в сфере безопасности границ этих стран. Данная договоренность явилась результатом двустороннего переговорного процесса, и соответствующие документы подписали первые лица всех пяти стран — Цзян Цзэминь, Борис Ельцин, Нурсултан Назарбаев, Аскар Акаев и Эмомали Рахмонов, собравшиеся с этой целью в Шанхае, вследствие чего и возникло название «Шанхайская пятерка». Следует отметить, что это отнюдь не официальное наименование, которого организация так и не получила. Словосочетание «Шанхайская пятерка» придумано западными репортерами. Тем не менее оно отражает суть организации в области внешних отношений, полностью соответствуя истории и причине ее образования. Это название широко распространилось и было адекватно воспринято в широких кругах мировой общественности.

Возникает вопрос: почему столь важное официальное мероприятие было проведено в Китае, к тому же не в его столице, а в Шанхае? Это отнюдь не случайность. В то время Б. Ельцин находился в Китае с официальным визитом, а прибывшие для подписания «Соглашения об укреплении доверия в военной области в районе границы» Н. На-

зарбаев, А. Акаев и Э. Рахмонов официального визита не наносили. Поэтому местом встречи руководителей пяти государств был избран Шанхай, что подчеркивало принцип равноправия в отношениях сторон.

Церемония подписания соглашения состоялась 26 апреля 1996 г. Руководство города рассмотрело практически все имевшиеся в Шанхае крупные объекты для общественных собраний, и оказалось, что в огромном городе лишь несколько мест подходило для организации столь торжественного мероприятия. В конце концов остановились на Шанхайском выставочном центре, расположенном в бывшем Доме советско-китайской дружбы. Это впечатляющее сооружение в стиле сталинской эпохи с просторными залами, украшенными величественной отделкой и монументальными колоннами. Оно было построено в центре города в 50-е годы прошлого столетия и стало символом советско-китайской дружбы. Проведение церемонии в этом здании подчеркивало ее особое значение. Центральный зал сооружения оформлен в торжественном классическом стиле. С одной его стороны расположены массивные двери входа, с другой — арочная анфилада, ведущая в малые зальные помещения. Главы пяти государств неспешно прошли по красному ковру к столу для подписания, что подчеркивало атмосферу величия происходящего, его исторической значимости. Автор лично присутствовал при этом в качестве сотрудника служебного персонала и имел возможность наблюдать зарождение «Шанхайской пятерки». Эта картина оставила в памяти неизгладимый след.

Шанхайская встреча завершилась грандиозным успехом. Это побудило руководителей стран-участниц продолжить развитие сотрудничества. Встречи в верхах «Шанхайской пятерки» стали проводиться ежегодно, поочередно в каждой из стран.

24 и 25 апреля 1997 г. в Москве прошло второе совещание глав государств «Шанхайской пятерки». На этот раз было подписано «Соглашение о взаимном сокращении военных сил в районе границы» — важнейший документ в деле обеспечения безопасности на границе. Соглашение вошло в число основополагающих документов «Пятерки».

3 и 4 июля 1998 г. в Алма-Ате состоялась третья встреча в верхах. Там обозначился коренной перелом в развитии отношений государств-участников. В формальном плане начиная с этого совещания Россия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан перестали представлять одну сторону во взаимоотношениях «Пятерки». Руководители всех государств заняли самостоятельные позиции. Именно тогда диалог в «Шанхайской пятерке» преобразовался в беседы между представителями пяти стран. С точки зрения круга обсуждавшихся тем участники встречи в Алма-Ате перешли от вопросов пограничной безопасности к проблемам безопасности на региональном уровне и в сфере экономики, что дало существенный толчок развитию сотрудничества между странами «Пятерки». Таким образом, был формально обозначен выход за рамки начального этапа взаимодействия, и сотрудничество стало развиваться на новом уровне и в новых областях.

25 августа 1999 г. в столице Киргизии Бишкеке прошла четвертая встреча «Шанхайской пятерки» на высшем уровне, которая по основному содержанию явилась продолжением переговоров в Алма-Ате.

Пятая встреча состоялась в столице Таджикистана Душанбе. Она в основном напоминала предыдущие и вместе с тем имела определенные отличия. Впервые за пятилетнюю историю сообщества произошла смена представителя — после отставки Б. Ельцина Россию представлял новый руководитель Владимир Путин. Кроме того, в совещании «Пятерки» принял участие в качестве наблюдателя президент Узбекистана Ислам Каримов. Эта встреча стала следующим значительным шагом «Шанхайской пятерки», обозначив тенденцию перехода от структуры с ограниченным количеством участников к структуре «организационного» характера. Руководители стран-участниц договорились о включении в сферу сотрудничества вопросов предотвращения военной угрозы, проведения совместных учений и маневров, об обмене опытом в различных областях. Было решено проводить встречи министров обороны стран «Пятерки» и консультации других государственных структур; организовать регулярные встречи ответственных лиц органов государственной безопасности, юстиции, пограничной охраны и таможни; рассмотреть возможность проведения совместных учений по борьбе с терроризмом и стихийными бедствиями; поддержать создание анти-террористических структур и статус безъядерной зоны Средней Азии.

Пять саммитов «Шанхайской пятерки» за пять лет составили законченную историческую фазу. В результате поисков, согласования подходов и развития «Пятерка» практически завершила этап организационного становления. В итоге возникло несоответствие между формальной стороной организации и ее сущностным содержанием. «Пятерка» изначально была сформирована как совещательная структура для глав государств именно по вопросам обеспечения безопасности в пограничных районах, но с течением времени область интересов и сотрудничества изменялась, акценты смещались. Постепенно эта область охватила региональную безопасность, экономическое и культурное сотрудничество и другие сферы. Заинтересованность всех государств в деятельности «Шанхайской пятерки» возрастала, соответственно расширялись и функции организации, включая задачи обеспечения сотрудничества на все более высоких уровнях и во все более обширных областях. В то же время пятилетний опыт согласования подходов и совместной работы способствовал значительному укреплению и развитию отношений между

участниками. В этих условиях чисто совещательная структура «Шанхайской пятерки» перестала удовлетворять потребности сотрудничества. С другой стороны, «совещательный» вариант организации носит временный характер, он предназначен для становления некоего образования и не обладает характеристиками, необходимыми для долгосрочного планомерного развития. С точки зрения легитимности такая организация может в любой момент прекратить свою деятельность без обязательного соблюдения каких-либо организационных процедур. Поэтому после пяти лет существования «Пятерки» возник вопрос, каким образом она должна развиваться дальше.

«Шанхайская пятерка» оказалась перед выбором, важным для ее дальнейшей судьбы. В странах-участницах полным ходом шла подготовка. В ученых кругах высказывались самые различные точки зрения и обоснования относительно реорганизации «Пятерки» в структуру регионального сотрудничества. С точки зрения перспектив, например, преобладала точка зрения, что преобразование в организацию сотрудничества, конечно, необходимо. Но вместе с тем высказывались различные оценки и мнения относительно необходимости немедленного формирования структуры сотрудничества¹.

В китайских научных кругах прошли дискуссии о необходимости реорганизации «Шанхайской пятерки» и создания на ее основе региональной организации сотрудничества. Среди китайских ученых возобладала следующая точка зрения: «Пятерку» необходимо преобразовать в региональную организацию сотрудничества, но делать это следует последовательно, поэтапно, при возникновении соответствующих условий для каждой стадии преобразований.

В теоретическом аспекте в 2001 г. перед началом нового раунда встреч в верхах можно было исходить из двух вариантов: во-первых, в течение некоторого времени продолжить работу в прежних рамках (в этом случае «Пятерка» работала бы в качестве международного форума вплоть до момента, когда созреют условия для создания на ее основе региональной структуры сотрудничества), во-вторых, преобразовать ее в региональную структуру немедленно. Существовала также вероятность, что ни один из этих вариантов не сможет решить все проблемы «Шанхайской пятерки», так как каждый из них имел определенные недостатки.

Если «Пятерка» сохраняла статус международного форума, это обеспечивало ее организационно-структурную гибкость и возможность быстрого приспособления к изменениям. Но недостаток такого подхода заключается в разрозненности подобного образования, отсутствии эффективной исполнительной структуры, и влияние этих факторов должно усиливаться по мере развития организации. Кроме того, возрастет разрыв между формами и содержанием сотрудничества. В конце концов в результате отсутствия прочных внутренних связей мог произойти распад организации с непредсказуемыми последствиями.

Если «Шанхайская пятерка» преобразовывалась в региональную организацию сотрудничества, качественный уровень формы и содержания сотрудничества, несомненно, вырос бы, «Пятерка» из «поисковой» структуры превратилась в организацию с четко обозначенными целями, направлениями и требованиями, что, несомненно, следует отнести к преимуществам. Но недостатком такого подхода является то, что в этом случае к странам «Пятерки» предъявлялись бы совершенно другие требования, так как членство в организации сотрудничества предполагает определенные обязанности и качественно иной уровень ответственности. Вместе с тем ситуации в странах «Пятерки» существенно различались с точки зрения полномочий властных структур, внутреннего и внешнеполитического курса. Поэтому оставался открытым вопрос, смогут ли все государства после объединения жестко придерживаться единого курса. Следует также заметить, что создание на основе «Пятерки» региональной организации должно было привести к ее количественному росту, а следовательно, к росту разнообразия мнений и увеличению противоречий, что могло стать скрытой угрозой самому существованию организации.

Страны «Шанхайской пятерки» сделали выбор в пользу создания региональной организации сотрудничества. Конечно, это решение содержало известный риск но с точки зрения обеспечения продолжительного непрерывного развития создание организации сотрудничества представляется неизбежным этапом. Образование такой организации — не только воплощение надежд и чаяний, связанных с углублением взаимодействия между народами, оно отражает естественные потребности регионального сотрудничества в рамках процесса всеобщей глобализации.

Название «Шанхайская» не случайно. По этому поводу также высказывалось много мнений. Но несмотря на то что такие названия, как «Среднеазиатская», «Евразийская», «Азиатско-Европейская», предлагались исходя из существенных характеристик, они все-таки не прижились, и название «Шанхайская» оказалось наиболее подходящим. Шанхай — место зарождения «Пятерки». Кроме того, историческое событие — преобразование ее в региональную организацию сотрудничества — также происходило в Шанхае. Да и название «Шанхайская» уже стало привычным и было воспринято широкой общественностью во всем мире. И самый важный фактор — то, что для «Шанхайской пятерки» уже сформировался новый исторический символ, который можно назвать «духом Шанхая». Понятия «дух Шанхая» и «Шанхайская пятерка» неразрывны.

15 июня 2001 г. главы Китая, России, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана декларировали образование Шанхайской организации сотрудничества, тем самым официально заявив о ее создании. За день до этого

руководители шести государств выступили с совместным заявлением, в котором говорилось о готовности Узбекистана вступить в состав «Пятерки». Таким образом, она официально превратилась в «Шанхайскую шестерку», и шесть государств, объединенных в рамках этой структуры, стали основой ШОС.

Церемония образования ШОС проходила в шанхайской гостинице «Шангри-Ла». С момента образования «Шанхайской пятерки» прошло пять лет, и за эти годы в Шанхае произошли значительные изменения. В городе появилось много мест и сооружений, подходящих для проведения массовых общественных мероприятий, в том числе на международном уровне. В их число входил Шанхайский международный конференц-центр, построенный специально для организации масштабных международных встреч. Гостиница «Шангри-Ла» расположена в новом районе Пудун. Он является символом стремительного развития Шанхая и широко открытых дверей для связей с внешним миром. Хозяева мероприятия не случайно решили провести его в Пудуне. Фасад гостиницы «Шангри-Ла» выходит на реку Хуанпу. Рядом с гостиницей находятся третья по высоте в мире телевизионная башня «Жемчужина Востока» и самое высокое в Китае здание «Цзиньмао». Все это в совокупности формирует величественный облик набережной, который к тому же гармонично сочетается со староевропейским стилем окружающих построек.

Автору этих строк посчастливилось наблюдать церемонию подписания документа о создании ШОС, на сей раз в качестве специалиста, приглашенного Центральной народной радиостанцией Китая для проведения прямой трансляции с места событий.

Создание ШОС подтверждает правильность решения, принятого в подходящий момент. Но в те дни ни один человек не мог даже в малой степени предположить, что всего через несколько месяцев произойдут события 11 сентября, заставившие содрогнуться все человечество. Они привели к радикальной трансформации ситуации во всем мире и, естественно, к соответствующим изменениям политической обстановки в Центральной Азии и в вопросах обеспечения безопасности. Как знать, если бы ШОС не была создана в июне 2001 г., ее судьба, возможно, оказалась бы совсем иной и ей пришлось бы пройти куда более извилистый путь.

Имеет ли ШОС антиамериканскую направленность

Относительно «Шанхайской пятерки» и ШОС на протяжении всей их истории существовали неоднозначные мнения. Есть, например, точка зрения, гласящая, что ШОС имеет антиамериканскую направленность и создана в противовес блокам США и западных стран. Подобные суждения можно услышать от ученых не только западных стран, но и России и Китая.

Сущность ШОС непосредственно связана с ее положением в мире, влияет на ее взаимоотношения с мировым сообществом и определяет цели и направления ее развития. Поэтому крайне важно понимание характера этой организации. По мнению автора и его наблюдениям, ни «Шанхайская пятерка», ни ШОС не ставили целью своей деятельности противостояние с Америкой.

Обе структуры были созданы примерно в одинаковой обстановке, в условиях, когда российско-китайские отношения находились на пике развития, а китайско-американские и российско-американские отношения ухудшились. В 1996 г. (время создания «Шанхайской пятерки») как раз наступил «медовый месяц» в российско-китайских отношениях — обе страны заявили о стратегическом партнерстве. Одновременно происходило охлаждение китайско-американских отношений, которое началось после событий 1989 г. Российско-американское «стратегическое партнерство» сменилось «холодным миром». Таким образом, наблюдалось стремительное стратегическое сближение России и Китая на фоне отсутствия изменений к лучшему в их отношениях с США.

Образование ШОС в 2001 г. протекало в ситуации еще более ухудшившихся отношений России и Китая с США. Перед этим произошло несколько серьезных событий. В 1999 г. американские самолеты бомбили посольство КНР в Югославии, что вызвало кризис во взаимоотношениях двух стран. В апреле 2001 г. американский и китайский военные самолеты столкнулись над морской акваторией, прилегающей к острову Хайнань. При этом китайский самолет был выведен из строя и упал, его пилот пропал без вести. Американский разведывательный самолет, получив повреждения, совершил вынужденную посадку на китайском аэродроме. Его экипаж был арестован. Российско-американские отношения также характеризовались негативными событиями: в 1999 г., невзирая на резкий протест со стороны России, США развязали войну в Югославии. Одновременно, несмотря на возражения российской стороны, НАТО завершило первый этап своего расширения на восток. Кроме того, Соединенные Штаты угрожали выйти из Договора по противоракетной обороне (ПРО) от 1972 г., что могло привести к нарушению баланса стратегических вооружений России и США.

С учетом происходивших в то время событий легко увязать образование ШОС с целью объединения России и Китая в противостоянии США. К этому подталкивала международная обстановка, сама атмосфера того времени.

Тем не менее подобное впечатление было поверхностным. Образование «Шанхайской пятерки» в 1996 г. и ШОС в 2001 г. в основном было обусловлено логикой развития событий. «Шанхайская пятерка» сформировалась в 1996 г. потому, что именно в это время пять государств впервые достигли полноценного соглашения по вопросам границы, что, несомненно, являлось важнейшим фактором их взаимодействия. Учитывая сложность формирования границы между этими странами и ее состояние в недавнем прошлом, соглашение следует рассматривать как огромный успех всех стран-участниц. Это способствовало сближению государств, формированию дружественной атмосферы во взаимоотношениях, укрепило взаимное доверие, повысило интерес к сотрудничеству. Кроме того, мероприятия по обеспечению безопасности границ пяти государств не исчерпывались заключением соглашения. Соглашение главным образом предусматривало меры предупредительного характера, позволяющие укрепить взаимное доверие в военной области. Но оно не устанавливало конкретный допустимый уровень присутствия вооруженных сил, военной техники и вооружений в приграничных районах, а это наиболее важный фактор обеспечения безопасности. Поэтому у пяти государств впереди был еще огромный объем работы. Их руководители тогда отчетливо сознавали, что в ближайшем будущем предстоит дополнительные встречи и новые соглашения.

К тому же в 1996 г. произошли важные события в Афганистане. Власть в стране захватило движение «Талибан». Эта радикальная группировка выступала за создание исламского государства. Хотя в то время руководители будущей «Пятерки» еще не могли в полной мере оценить последствия появления на политической арене талибов, они все же проявили озабоченность.

В середине 1990-х годов России, Китаю и странам Центральной Азии пришлось столкнуться с серьезной опасностью терроризма, сепаратизма и экстремизма. В это десятилетие резко активизировалась деятельность сепаратистов из организации «Восточный Туркестан» в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая. С начала 1990-х ее члены организовали целый ряд взрывов, убийств и массовых беспорядков. В России в середине 1990-х прошла первая чеченская война, но чеченский вопрос не был решен. Террористы начали разворачивать свою деятельность на юге России и в Москве. В странах Центральной Азии в первой половине 1990-х значительное развитие получил религиозный фундаментализм, и исламские экстремистские течения стали представлять угрозу безопасности и стабильности. В то время Россия, Китай, Казахстан, Киргизия и Таджикистан еще не выступили с совместной позицией по борьбе с террористической угрозой, но уже формировали совместный подход к этой проблеме. Руководители стран начали понимать, что сотрудничество — один из путей преодоления данной угрозы.

Образование ШОС в 2001 г. также проходило в специфических условиях. Тогда только завершился первый цикл встреч в верхах «Шанхайской пятерки» и должен был начаться второй тур. Вставал вопрос: чем будет отличаться второй этап переговоров от первого и что он может принести? И если второй тур не приведет ни к чему новому в практическом развитии отношений и лишь повторит прежние политические декларации, то какой в нем смысл? Были убедительные аргументы в пользу того, что «Шанхайской пятерке» требуется новый толчок, в противном случае структура начнет работать вхолостую и естественным образом распадется. К тому же в результате пятилетней успешной работы стороны испытывали потребность в углублении сотрудничества. После того как в 1997 г. руководители стран «Пятерки» подписали «Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы», формирование правовой базы для обеспечения безопасности в приграничных районах было завершено, и сама проблема пограничной безопасности в основном была решена.

Начиная с 1998 г. в работе «Пятерки» наметилась новая тенденция — перенесение акцента с безопасности границы на борьбу с терроризмом и экономическое сотрудничество. Обе проблемы непосредственно затрагивали интересы безопасности и развития государств, формируя долгосрочные цели организации. Поэтому все участники были крайне заинтересованы в переориентации сотрудничества, надеясь на создание системы организационного обеспечения региональной безопасности, способствующей восстановлению и развитию экономики. Всему этому как раз соответствовало создание региональной организации сотрудничества. К тому же в тот период возросла угроза афганских талибов для безопасности всех стран Центральной Азии, и реакция на эту угрозу стала насущной задачей для всех государств. После прихода к власти талибов Афганистан стал базой международного терроризма. «Талибан» и другие фундаменталистские организации поддерживали действующих на территории Китая сепаратистов «Восточного Туркестана», вооруженные формирования чеченских сепаратистов в России и «Исламское движение Узбекистана». Талибы оказывали им материальную поддержку, обеспечивали обучение и подготовку личного состава. Еще большую опасность представляло непосредственное вторжение талибов в другие страны Центральной Азии. Силы обороны среднеазиатских государств довольно слабы, кроме того, там существует определенная почва для распространения терроризма и экстремизма. В случае проникновения талибов в страны Центральной Азии произошло бы слияние сил внутреннего и внешнего терроризма, чреватое крайней опасностью: в Центральноазиатском регионе зародилась бы мощная волна террористической угрозы, способная в дальнейшем выплеснуться на Россию и Китай. Талибский вопрос оказался слишком серьезным, чтобы решать его мирными средствами. В то же

время применение военной силы не было тогда возможным ни для России, ни для Китая, ни для стран Центральной Азии. Поэтому талибы превратились в сложную долгосрочную проблему. Китай, Россия и страны Центральной Азии рассматривали создание ШОС в качестве одного из важнейших средств противостояния данной угрозе.

Эти надежды со всей очевидностью подтвердило вступление в организацию Узбекистана. Весной 1999 г. и летом 2000 г. вооруженные экстремистские группы при поддержке талибов дважды вторгались на территорию Узбекистана и других среднеазиатских государств. Прошла волна терактов, в том числе и с целью ликвидации президента И. Каримова. Все эти события вызвали глубокие потрясения в Центральной Азии. Одной из целей вступления Узбекистана в Шанхайскую организацию сотрудничества было объединение с остальными государствами для совместной борьбы с террором. В то время никто не мог предположить что-то подобное событиям 11 сентября 2001 г., представить, что талибы и фундаменталисты перенесут острие своего удара далеко за океан, в Америку, что приведет к резкому изменению обстановки в Афганистане.

Создание ШОС в определенной степени связано с возросшим интересом Китая к Центральноазиатскому региону. В процессе пятилетней работы в рамках «Шанхайской пятерки» в Китае стали заметно лучше понимать страны Центральной Азии и придавать им больше значения. В результате создались благоприятные условия и прочная база для сотрудничества КНР с этими странами. Китай надеялся на этой основе продвинуться вперед, для чего следовало найти новую форму сотрудничества, обеспечить долгосрочное и стабильное развитие отношений с Россией и странами Средней Азии.

Все указанные факторы сформировали ту движущую силу, которая привела в 2001 г. к преобразованию «Шанхайской пятерки» в Шанхайскую организацию сотрудничества. Американский фактор играл для «Шанхайской пятерки» и ШОС весьма опосредованную, второстепенную роль. Его не следует относить к главным причинам образования «Шанхайской пятерки» и ШОС. Другими словами, основополагающими факторами формирования «Пятерки» и ШОС явились внутреннее структурное развитие и необходимость решения двусторонних и региональных проблем.

После того как главный акцент в работе «Шанхайской пятерки» в 1998 г. был перенесен с пограничной безопасности на борьбу с терроризмом и экономическое сотрудничество, она начала высказывать свои позиции по отношению к важнейшим международным проблемам. На прошедшем в 1999 г. в Бишкеке саммите было опубликовано совместное заявление, в котором говорилось, что руководители пяти стран выступают против применения или угрозы применения военной силы в международных отношениях без санкции Совета Безопасности ООН. Авторы заявления согласились с принятием многообразия форм общественного развития, с тем, что необходимо установить новый политический и экономический порядок в мире на основе принципов справедливости и целесообразности.

В заявлении глав пяти государств, опубликованном по результатам встречи в Душанбе в 2000 г., еще более решительно подчеркивалась необходимость поддержания авторитета ООН, высказывались возражения против монополизации права на решение международных вопросов любым государством или группой государств, против вмешательства во внутренние дела других стран под предлогом защиты прав человека. В заявлении содержалось требование безусловного выполнения всех статей Договора по ПРО 1972 г.

В заявлении глав государств — участников ШОС, опубликованном в 2001 г., вновь были высказаны поддержка многоплановости поддержания международных отношений, требование обеспечения полномочий ООН, неприятие вмешательства во внутренние дела других государств. Информированные представители общественности хорошо понимают, что обычно подобные высказывания воспринимаются как направленные против США. В связи с этим и возникло мнение об антиамериканской направленности создания и деятельности «Шанхайской пятерки» и ШОС. Тем не менее такой подход следует считать упрощенным толкованием событий.

Все изложенное следует рассматривать прежде всего применительно к политической платформе двух великих держав — Китая и России. Неприятие использования военной силы для решения международных вопросов без санкции Совета Безопасности ООН является общепринятым принципом, который в описанных конкретных условиях касался прежде всего войны, развязанной США в Югославии. Требование обеспечения стабильности в мире, очевидно, направлено против намерения США выйти в одностороннем порядке из Договора по ПРО 1972 г. Многополярный мировой порядок подразумевает отказ от американской однополярной политики и гегемонизма на международной арене. Конечно, и Китай, и Россия надеялись посредством создания ШОС упрочить свое положение и увеличить влияние на международной арене, усилить возможности контроля стратегической ситуации в Центральноазиатском регионе, уменьшить влияние США, но все это отнюдь не означает антиамериканскую направленность ШОС.

Общий подход Китая и России к строительству мирового порядка в период после «холодной войны» получил одобрение остальных членов «Шанхайской пятерки», что и было официально выражено в форме совместного

коммунике. Совершенно очевидно, что с точки зрения политической целесообразности Россия и Китай не могли не использовать «Шанхайскую пятерку» и впоследствии ШОС, особенно в конце 1990-х годов, когда возник ряд серьезных проблем в их отношениях с США. Тем не менее не следует присваивать ШОС антиамериканский статус только на основании ее отношения к этим важнейшим международным проблемам. Между главными задачами организации и указанными проблемами существует заметная дистанция.

Каждое государство, международная организация выражает политическое отношение к важнейшим событиям, происходящим в мире, но это не значит, что решение соответствующих проблем является для них приоритетом. Позиция ШОС по отношению к ООН и мировому развитию после «холодной войны» вовсе не подразумевает ее антиамериканскую сущность. Принадлежность и направленность любой организации зависят главным образом от круга решаемых ею вопросов и стоящих перед ней задач. Отношение же организации к определенным проблемам не может само по себе служить критерием определения ее сущности. ШОС не вынашивала антиамериканских намерений, она не определяла противоборство с Америкой в качестве своей цели или задачи, так что нелогично инкриминировать ей некую антиамериканскую направленность. С другой стороны, относительно важнейших международных вопросов не только ШОС высказывала свое несогласие с позицией США, но и Соединенные Штаты, в свою очередь, выступали против подхода ШОС. Разве можно утверждать, что политический курс США направлен против ШОС? Китай и Россия выступают в защиту авторитета ООН, против мирового диктата и гегемонизма. Эта точка зрения — основа подхода двух стран к организации мирового порядка. Такой позиции они придерживались и прежде, и, очевидно, их подход не претерпит изменений в будущем. Но из этого нельзя делать вывод о том, что Китай и Россия являются антиамериканскими государствами. Если тщательно исследовать проблему, легко видеть, что все политические заявления ШОС начиная с 2001 г. практически не содержат резких формулировок. При этом нет оснований для заключения, что Китай, Россия и другие участники ШОС изменили точку зрения на важнейшие проблемы мирового развития и тем более что каким-то образом изменилась сама сущность этих государств. Все это означает, что произошли определенные изменения в отношениях между Китаем, Россией и США до и после 2001 г., а также что влияние некоторых событий на взаимоотношения указанных государств уже не является столь острым.

Возникает следующий вопрос: почему Шанхайская организация сотрудничества не превратилась в структуру с антиамериканской направленностью? Поскольку имеются противоречия в подходе к важнейшим международным проблемам между Китаем и Россией, с одной стороны, и США — с другой, то почему бы Китаю и России не использовать свое влияние для превращения ШОС в антиамериканскую структуру?

Прежде всего, противостояние с Америкой не соответствует политическим намерениям ШОС и противоречит ее принципам. При образовании организации участники достигли политического консенсуса. Все они согласились с тем, что ШОС должна быть основана на новых принципах, соответствующих духу современного мира. ШОС стремится стать современной международной организацией, уровень которой отвечает атмосфере международной обстановки в эпоху после «холодной войны». Страны-участницы полагают, что одной из особенностей, отличающей ее от международных структур безопасности, создававшихся прежде, является то, что она создана не для противостояния, а для сотрудничества, и представляет собой открытую региональную международную организацию. ШОС неоднократно заявляла об этом своем основном принципе. В п. 7 Декларации о создании Шанхайской организации сотрудничества прямо говорится, что она придерживается принципа непревращения в блок и создается не для противостояния какому-либо государству или группам государств. В п. 2 Устава также указывается, что она не противопоставляет себя какому-либо отдельному государству или международной организации. В последней статье коммунике по результатам встречи глав государств-участников, проходившей в 2002 г. в С.-Петербурге, вновь подтверждалось, что ШОС не является блоком или закрытым союзом государств и, соответственно, не направлена против какого-либо другого блока или отдельного государства. ШОС не раз заявляла, что провозглашенный ею принцип неконфликтности не является просто декларацией, а действительно формирует практическую основу ее идеологии. Трудно представить, что ШОС, с одной стороны, выступает против блоковой политики, а с другой — в соответствии с такой идеологией формирует собственную структуру. Некоторые ученые высказывали мнение, что противостояние США является главным стратегическим направлением деятельности ШОС, иные аналитики и сейчас рассматривают организацию именно под таким углом зрения. Но это субъективный взгляд, который никогда не соответствовал истинной сущности политического курса организации.

При рассмотрении отношений Китая и России с США многие исследователи строят свой анализ главным образом на конфликтах и противоречиях между этими странами, пренебрегая аспектами взаимных интересов и взаимной выгоды. Такой подход легко приводит к тенденциозным выводам. Конечно, у Китая и России, с одной стороны, и США — с другой существует много противоречий в области важнейших геополитических интересов, но вместе с тем нынешние отношения этих государств развиваются по схеме, значительно отличающейся от «стратегического

треугольника» времен «холодной войны». Особенность этих отношений состоит в том, что они уже не носят характера «игры с нулевой суммой». И у Китая, и у России существуют важные общие интересы с США. Времена полного размежевания и четкого определения «друзей» и «врагов» прошли. Основное расхождение в подходах к организации мирового порядка, существующее у России и Китая с США, заключается в том, что Америка строит свою политику на основе диктата и монополизма, а это противоречит интересам Китая и России. Именно данный фактор и образует основную причину политических конфликтов между Россией и США, а также Китаем и США. И стремление России и Китая изменить такое положение дел к лучшему как раз и является основой для формирования отношений стратегического партнерства. Но при этом ни Китай, ни Россия не видят противостояние Соединенным Штатам в качестве своей стратегической политической платформы и цели. Как раз наоборот, оба государства поставили своей главной дипломатической целью всемерное улучшение отношений с США. И даже в самый напряженный период двусторонних отношений они ставили отношения с США во главу угла своей политики.

В качестве примера можно рассмотреть российско-американские отношения. Принято считать, что курс России изменился после событий 11 сентября 2001 г., и это изменение стало большим прорывом в отношениях двух стран. На самом деле теракты в Нью-Йорке и Вашингтоне лишь послужили толчком для ускорения их развития. После того как Джордж Буш стал в феврале 2001 г. президентом США, в российско-американских отношениях было много проблем. К ним можно отнести высылку из США 50 российских дипломатов и четко обозначенное американцами намерение выйти из Договора по ПРО. Тем не менее Россия продолжала прилагать все усилия, чтобы отношения с США развивались в позитивном направлении. Встречи В. Путина с Дж. Бушем в июне и июле 2001 г. — подтверждение этой тенденции.

Китай и Россия развивают отношения с США не потому, как многие говорят, что они считают США ближе, и не потому, что не доверяют друг другу. Основная причина заключается в том, что Америка — особо важный фактор, формирующий международную обстановку, поэтому связи с США соответствуют интересам как Китая, так и России, и развитие этих связей составляет насущную потребность обоих государств. А в аспекте ШОС сотрудничество Китая и России с США приобретают еще бóльшую значимость, и оба государства тем более не могут строить отношения с Америкой на основе противостояния. Китай и Россия не намерены рассматривать взаимные отношения в качестве некоего антиамериканского альянса и, естественно, тем более не намерены превращать Шанхайскую организацию сотрудничества в антиамериканскую структуру.

Центральноазиатские участники ШОС (Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан) имеют свои дипломатические интересы и самостоятельно определяют и реализуют свою внешнюю политику. Они стремятся строить отношения с Китаем, Россией и США на принципах равноправия и баланса. Развитие политического и экономического сотрудничества со всеми великими державами соответствует национальным интересам этих стран. Они вовсе не заинтересованы в том, чтобы Центральная Азия превратилась в арену противостояния великих держав, не хотят быть пешками в чужой политической игре. Поэтому страны Центральной Азии не стремятся «политизировать» Шанхайскую организацию сотрудничества, а тем более превращать ее в орудие противоборства между великими державами. Они рассчитывают на то, что ШОС станет структурой, которая поможет им решить практические проблемы безопасности и вопросы экономического развития. Противостояние Соединенным Штатам не соответствует интересам центральноазиатских членов ШОС. Если бы эта организация строилась на такой основе, она не могла бы быть притягательной для остальных стран Центральной Азии. В этом также состоит одна из причин, почему ШОС не может быть антиамериканской организацией.

Тот факт, что ШОС по сути своей не направлена против США, конечно, не означает, что подходы и интересы всех ее членов полностью соответствуют американским. Не означает это также, что государства ШОС не будут возражать против действий американской администрации, которые сочтут ошибочными. Не исключается и возможность возникновения осложнений в отношениях с США. Но все это вопросы совершенно иного свойства.

Особенности ШОС

С точки зрения политической географии ШОС представляет собой региональную структуру, центр которой находится в Центральной Азии. Центральноазиатский регион расположен в глубине Евразии, на стыке разных культур и цивилизаций. Новыми самостоятельными политическими образованиями там являются «продукты распада» Советского Союза, представляющие собой политические белые пятна, возникшие уже после «холодной войны». Они характеризуются неустойчивой внутренней структурой, склонностью к изменчивости во внешней политике. Регион располагает богатыми запасами стратегических природных ресурсов — нефти и газа, вызывающими значительный интерес внешних сил. В то же время центральноазиатские государства, озабоченные про-

блемами безопасности и экономики, активно стремятся к развитию внешних связей. Повышенный интерес извне к региону, а составляющих его стран — к поиску внешних партнеров, а также наблюдающийся там политический «полувакуум» — все это притягивает различные силы, постепенно проникающие в Центральную Азию. В их число входят религиозные и террористические группировки. Поэтому в регионе присутствуют самые разнообразные политические и экономические организации, а также структуры безопасности. Какие же особенности выделяют Шанхайскую организацию сотрудничества среди всего этого многообразия региональных структур?

ШОС — единственная структура международного сотрудничества, объединяющая Китай, Россию и страны Центральной Азии. Включение этих государств в состав участников ШОС позволяет с уверенностью отнести ее к самым представительным организациям международного сотрудничества. Все центральноазиатские республики за исключением проводящей политику нейтралитета Туркмении являются ее членами. Китай и Россия — две великие державы, территориально замыкающие организацию с юга и севера. Происходящие в регионе события и наблюдающиеся там тенденции, как благоприятные, так и негативные, в известной степени затрагивают все находящиеся там государства. В геополитическом отношении Китай и Россия — соседи, оказывающие самое большое влияние на Центральноазиатский регион. Они имеют естественные экономические связи, их объединяют общие горы и реки. Китай и Россия — главное окно во внешний мир для стран Центральной Азии. С точки зрения обеспечения безопасности помимо вопросов безопасности границ Китай, Россия и страны региона вместе стоят перед лицом террористической угрозы. Поэтому участие Китая и России в работе ШОС позволяет сформировать оптимальные рамки и условия для решения региональных вопросов во всех областях — геополитической, экономической и обеспечения безопасности. Особенности состава ШОС позволяют обеспечить широкие возможности для регионального сотрудничества и простор для развития связей в сферах политики, экономики и безопасности.

ШОС имеет еще одну отличительную особенность — это единственная региональная структура международного сотрудничества в Центральной Азии, в состав которой входит Китай. Данное обстоятельство важно как для организации, так и для самого Китая. Для ШОС вступление в нее КНР означает не просто появление еще одного участника. Китай оказывает вполне определенное влияние на саму сущность организации, основные темы сотрудничества, стратегические направления развития, внутренние и внешние отношения, а также на ее имидж.

С точки зрения функциональных особенностей специфика ШОС заключается в том, что в ней сведены воедино самые разные сферы деятельности. Остальные региональные структуры в Центральной Азии характеризуются в основном одноплановым функциональным предназначением, представляя собой политические и экономические организации либо структуры обеспечения безопасности. Шанхайская же организация является комплексной структурой, охватывающей самые различные аспекты политики, экономики, культуры, безопасности, гуманитарных отношений и др. Специфика ШОС состоит также в том, что она поступательно расширяет сферу своей деятельности. Организация начала работу с обеспечения безопасности в пограничных районах и постепенно перешла к борьбе с терроризмом, экономическому сотрудничеству, охране окружающей среды, гуманитарному сотрудничеству и т. д. Все это позволило сформировать традиции открытости в работе ШОС. Иными словами, задачи ШОС не установлены раз и навсегда, а формируются в процессе сотрудничества, поэтому ее функции развиваются параллельно структурным характеристикам и, соответственно, также обладают потенциалом для расширения.

В настоящее время главными функциями ШОС являются обеспечение борьбы с террористической угрозой и развитие экономического сотрудничества. Эти функции в принципе присущи всем региональным структурам, поэтому ШОС стыкуется с ними во многих областях. Но и здесь есть отличия. С точки зрения борьбы с терроризмом ШОС — самая комплексная организация, так как в нее входит абсолютное большинство стран региона. Современный терроризм отличается региональным и международным характером. Террористы в странах Центральной Азии существуют не сами по себе. Субъекты террора в разных странах могут несколько различаться. В Китае это «Восточный Туркестан», в России — Чечня, в странах Центральной Азии — «Исламское движение Узбекистана» и образовавшееся из него «Исламское движение Туркестана», «Хизб ат-тахрик» и др. Но все эти террористические организации тем не менее представляют собой общую угрозу региональной безопасности в Центральной Азии. Следовательно, эффективная борьба с терроризмом может быть обеспечена объединением всех усилий, и чем сплоченнее будет это объединение, тем эффективнее станет противодействие террору.

ШОС обладает значительными возможностями для борьбы с терроризмом. В ее рамках действует шесть соответствующих структурных подразделений — юстиции, исполнения законов, военное, по охране границ, внутренних дел и безопасности. Объединение сил и средств всех стран-участниц позволило сформировать мощное и эффективное орудие борьбы с терроризмом. В июне 2004 г. в Ташкенте в рамках ШОС была создана региональная структура по борьбе с терроризмом. Она должна стать информационным антитеррористическим центром и играть определяющую роль в борьбе с терроризмом. ШОС обладает еще одной функциональной особенностью: ее члены способны противопоставить террористам не только военную силу. Организация может вести многоплановую всестороннюю

борьбу. Терроризм — отнюдь не простое явление. Его зарождение связано с целым комплексом сложных причин. Военная сила, конечно, неотъемлемый компонент борьбы против терроризма, однако только с ее помощью эту проблему решить нельзя. И тем более невозможно одними военными средствами ликвидировать почву для возникновения и распространения терроризма. У ШОС имеются все средства для обеспечения долгосрочного, комплексного и всестороннего сотрудничества в борьбе с террористической угрозой. Все участники организации расположены в одном регионе. Их беспокоит не столько уничтожение нескольких отдельных террористических групп, сколько решение проблемы в целом.

В области экономики страны ШОС заинтересованы в первую очередь в региональном сотрудничестве. Целью является обеспечение комплексного всестороннего развития всего региона, использование в полной мере взаимодополняемости экономических структур государств-участников, установление более тесных экономических связей, содействие развитию каждой из стран. Долгосрочная перспективная цель состоит в создании региональной свободной торгово-экономической зоны. Китай, Россия и четыре центральноазиатских государства обладают огромными возможностями с точки зрения людских ресурсов, территории, природных ресурсов и объема рынка. Если ШОС сможет обеспечить успешное развитие сотрудничества, возможно формирование важной региональной экономической структуры.

Помимо сотрудничества в экономике и борьбе с терроризмом не следует забывать еще одну важную функцию ШОС — обеспечение безопасности и высокого уровня доверия на границах. Это направление деятельности не отменяется в связи с переносом акцента на борьбу с терроризмом. Таким образом, ШОС оказывается незаменимой и в этом смысле — ни одна региональная структура в Центральной Азии не обладает подобными функциями. Важность обеспечения безопасности границы Китая с Россией, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном для каждого из этих государств ни у кого не вызывает сомнений. Исторические условия формирования границы были достаточно сложны, на ней уже происходили вооруженные конфликты. В напряженный период отношений между КНР и СССР обе стороны сосредоточили вблизи границ большое количество личного состава и военной техники. После распада Союза Казахстану, Киргизии и Таджикистану достался в наследство участок границы с КНР длиной более 3 тыс. км.

Соглашения об укреплении доверия в военной области в районе границы и о взаимном сокращении там вооруженных сил внесли огромный вклад в дело обеспечения безопасности. Для понимания важности этих документов необходимо вернуться к их содержанию. Основное содержание «Соглашения об укреплении доверия в военной области в районе границы» таково: недопустимость наступательных действий войсковых группировок, дислоцированных в пограничных районах; недопустимость проведения войсковых учений, направленных против соседей, ограничение масштабов учений, районов и периодичности их проведения; взаимное информирование о важных военных мероприятиях, проводящихся в 100-километровой зоне вдоль границы; обязательное приглашение наблюдателей на учения; недопущение действий войск, представляющих угрозу; укрепление дружественных связей и расширение обмена между войсковыми формированиями в пограничных районах и частями пограничной охраны сопредельных стран.

«Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы» предусматривает дальнейшее сбалансированное сокращение военного присутствия. В нем содержатся следующие требования: сокращение в пограничных районах вооруженных сил до уровня, разумно приемлемого для сопредельной стороны, оставшиеся войсковые формирования должны иметь чисто оборонительную функцию; взаимный отказ от применения вооруженной силы и угрозы ее применения, отказ от стремления к военному превосходству; недопущение ведения наступательных действий войсковыми формированиями, дислоцированными в пограничных районах; сокращение и ограничение численности личного состава и основных вооружений сухопутных войск, авиации, ПВО и пограничных войск, дислоцированных в 100-километровой приграничной полосе, установление их максимально допустимого уровня после сокращения; определение способов и сроков сокращения; взаимный обмен информацией в военной области, касающейся пограничных районов; осуществление мер взаимного контроля за соблюдением условий соглашения. Каждая сторона после сокращения имеет право размещать в приграничной полосе глубиной 100 км формирования сухопутных войск, ВВС и ПВО общей численностью не более 130 400 человек.

В 1999 г. пять государств сформировали из дипломатических сотрудников и военнослужащих специальную инспекторскую группу, которая ежегодно проводит встречи с целью контроля за соблюдением условий указанных соглашений. Это базовые документы организации сотрудничества, которые обязательны для выполнения. На их основе формируется структура безопасности на границах Китая, России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана, обеспечивающая прочную безопасность рубежей пяти государств.

В политическом аспекте ШОС стремится к новым принципам и новой атмосфере. В вопросах внутренних взаимоотношений между государствами-участниками она придерживается принципов «взаимного доверия, взаимной

выгоды, равноправия, взаимодействия, уважения культурных различий, стремления к совместному развитию». Все это составляет основное содержание так называемого «шанхайского духа». Во внешних отношениях ШОС стремится к соблюдению принципов открытости и отказа от противостояния, т. е. она не направлена против какого-либо отдельного государства или международной организации. Двери в нее открыты для других стран. ШОС руководствуется новым подходом к обеспечению безопасности, соответствующим современным веяниям в мире. Это общая безопасность, равная безопасность, безопасность посредством сотрудничества. ШОС надеется путем воплощения нового подхода к безопасности решить трудную дилемму, связанную с безопасностью в международных отношениях. Она заключается в том, что одно государство, укрепляя собственную безопасность, ослабляет при этом безопасность другого государства, вынуждая его принимать соответствующие меры. При этом обе страны начинают ощущать большую угрозу, и возникает порочный круг. Цель нового подхода — обеспечение равного уровня безопасности для всех стран, т. е. создание такой обстановки, при которой каждое государство в отдельности и все вместе будут чувствовать себя в безопасности. В этом случае образуется благоприятный цикл безопасности. ШОС прилагает все усилия, чтобы сформировать именно такой подход к коллективной безопасности в международных отношениях.

ШОС получила международное признание благодаря широкому региональному представительству, творческому подходу к политическим процессам, борьбе с террористической угрозой и развитию экономического сотрудничества. Все это уже сформировало ей определенный международный имидж. Можно сказать, что она стала самой представительной региональной организацией с потенциалом развития, которым невозможно пренебречь.

ШОС — молодая региональная организация. Она обладает возможностями для дальнейшего развития. Но вместе с тем в ней наличествуют явные и скрытые элементы неопределенности, которые скорее всего не помешают ее развитию. Тем не менее представляется вполне вероятным, что они окажут на организацию определенное влияние.

Одним из ключевых факторов развития ШОС являются отношения между Россией и Китаем. Поддержание стратегического партнерства и сотрудничество в Центральной Азии между Россией и Китаем — важнейшая предпосылка успешной деятельности ШОС. Высказываются мнения, что между Китаем и Россией в этом регионе существует конкуренция. Так, некоторые американские ученые утверждают: «...Что касается российско-китайских отношений, следует отметить, что ШОС выявила тот факт, что между двумя странами присутствуют отношения не только партнерства, но и конкуренции. С одной стороны, Россия осознаёт, что она не в состоянии в одиночку поддерживать стабильность в Центральноазиатском регионе, и Китай в этом аспекте может принести немалую пользу. Но, с другой стороны, ШОС стала структурой, которая позволяет России контролировать и ограничивать действия Китая в Центральной Азии»². Если рассуждать реально, нет ничего ненормального в том, что и между дружественными странами могут быть отношения конкуренции в определенных областях. По ряду геополитических, экономических и исторических причин Китай и Россия в Центральной Азии не только сотрудничают, но и конкурируют. Центральная Азия полтора века была частью сначала Российской империи, а затем Советского Союза, поэтому она, несомненно, относится к сфере влияния России.

После распада СССР центральноазиатские республики стали самостоятельными государствами. В регионе начали действовать другие великие державы, в их числе КНР. Китай больше столетия не имел никаких связей со странами Центральной Азии, потому что политически ее не существовало. Теперь он вышел на арену в качестве нового игрока. Конечно, Россия не может не испытывать сложных чувств по этому поводу. По мере восстановления своей мощи Россия, естественно, будет усиливать влияние в Центральной Азии. Китай же, в свою очередь, развивая отношения с центральноазиатскими странами, начинает все глубже втягиваться в региональные процессы и укреплять там свои позиции. Точек соприкосновения у России и Китая в регионе становится все больше. В этих условиях возможны два сценария развития российско-китайских отношений — либо укрепление сотрудничества, либо возрастание конкуренции. Если конкуренция одержит верх, это окажет крайне негативное влияние на будущность ШОС вплоть до того, что может оказаться под вопросом само ее существование. Поэтому и для России, и для Китая крайне важно сдерживать конкуренцию и в итоге превратить сотрудничество в фактор, определяющий их политику в регионе.

Государства Центральной Азии проводят многовекторный внешнеполитический курс. Вследствие специфики политики, экономики, безопасности и географического положения, в условиях, когда великие державы и союзы великих держав активно воздействуют на регион, проникая в него и расширяя свое влияние, центральноазиатские страны осуществляют уравновешенную внешнюю политику, стремятся к сбалансированному развитию отношений со всеми великими державами. Такой курс наиболее соответствует интересам стран региона и разумной логике их развития. Тем не менее в отношении ШОС подобный подход обуславливает влияние скрытых факторов. Страны Центральной Азии поддерживают связи и развивают отношения сотрудничества в вопросах обеспечения безопасности с США и странами НАТО. Туркмения, Казахстан, Киргизия и Узбекистан участвуют в организованной НАТО

программе «Партнерство во имя мира». В апреле 2001 г. Таджикистан тоже вступил в эту структуру. С 1996 г. ежегодно проводятся совместные войсковые учения «Центразбат» с участием США и стран НАТО. Особенно крупные учения проводились в 1997 г. США направили для участия в них 500 десантников, которые высадились непосредственно в Центральноазиатском регионе. В 2000 г. в учениях «Центразбат» приняли участие десять государств.

После событий 11 сентября 2001 г. военное сотрудничество стран Центральной Азии с США углубилось, на их территории появились американские военные базы. Несмотря на то что проводимые совместно с США и НАТО войсковые учения, равно как и сотрудничество в военной области вообще, в первую очередь направлены против международного терроризма, что не противоречит целям сотрудничества в рамках ШОС, если рассматривать вопрос с иной точки зрения, такое сотрудничество приводит к наращиванию военного присутствия великих держав, а это может вызвать обострение отношений между ними и в результате превратить Центральноазиатский регион в еще одну арену конкурентной борьбы. В то же время программа «Партнерство во имя мира» на практике представляет собой одну из особых форм расширения НАТО. Таким образом, хотя военное сотрудничество центральноазиатских государств с США и НАТО и не противоречит целям ШОС в области безопасности, оно может сыграть для организации определенную негативную роль.

Нынешние лидеры центральноазиатских государств в большинстве своем пришли к власти после распада Советского Союза, и в соответствии с конституционными положениями и по естественным причинам эти страны через несколько лет войдут в период смены руководства. Во всех центральноазиатских республиках государственная власть сосредоточена в руках президента, что обеспечивает относительную стабильность. Однако поскольку власть в Центральной Азии в определенной степени основана на авторитарных принципах, там отсутствует сбалансированная структура политических сил, несовершенны структура и механизм нормальной передачи власти. Поэтому уход президента может привести к обострению борьбы за власть, что при неблагоприятном развитии событий способно вызвать значительные политические и социальные потрясения и, как следствие, резкие изменения политического курса. Это скрытый фактор неопределенности в отношении ШОС. Опыт Грузии 2003 г. и Украины 2004 г. показывает, что смена руководства в бывших советских республиках часто выливается в ожесточенную политическую борьбу, чреватую серьезными осложнениями и нестабильностью.

Вызывают озабоченность также взаимные противоречия между центральноазиатскими государствами. Отношения между ними довольно сложны. Все эти страны неразрывно связаны между собой политически, экономически, исторически, а также в области традиций, религии и национальных особенностей. Поэтому у них имеются обширные совместные интересы и стремление к взаимовыгодному сотрудничеству. В то же время между ними существуют очень сложные и запутанные противоречия (национальные, территориальные), разногласия в вопросах использования энергетических и водных ресурсов, а также многие другие. В течение десяти лет, прошедших после обретения независимости, странам Центральной Азии удавалось поддерживать между собой достаточно дружественные отношения. Казахстан, Узбекистан и Киргизия заключили договор о вечной дружбе. Сотрудничество между всеми странами региона постоянно углублялось. Тем не менее по-прежнему есть ряд спорных вопросов, которые при определенном развитии событий могут привести к обострению обстановки. А это, в свою очередь, может перерасти в фактор нестабильности внутри ШОС в целом.

Одной из специфических особенностей Центральной Азии является присутствие там большого числа различных структур организаций сотрудничества. Мало где в мире столь активна деятельность многих великих держав. Помимо ШОС здесь присутствуют СНГ, Организация договора о коллективной безопасности, Евроазиатское экономическое сообщество, программа «Партнерство во имя мира», Центральноазиатская организация сотрудничества, Сопредседательство по взаимодействию и мерам доверия в Азии. К этому следует добавить американское военное присутствие, частичное присутствие ГУУАМ (объединения Грузии, Украины, Узбекистана, Азербайджана и Молдавии), активное расширение влияния Европейского союза в Средней Азии, Турции, Иране, Индии, Японии и других государствах. Различные структуры пересекаются по составу участников. Все страны Центральной Азии в той или иной степени участвуют в деятельности этих структур. Перечисленные организации достаточно близки по функциям, особенно в области борьбы против терроризма, но руководящую роль в них играют разные государства или союзы государств, между которыми существует скрытая или явная конкуренция. Одним из последствий такого положения является наличие многочисленных политических центров. Кроме того, образовалось большое число структур обеспечения безопасности, разных направлений экономического сотрудничества и различных моделей развития. Другим следствием этой ситуации является взаимная функциональная нейтрализация таких структур, что приводит к снижению их эффективности и распылению организационных ресурсов. Чрезмерное увеличение числа организаций с подобными целями не приводит к повышению их эффективности, а, наоборот, обратно пропорционально ему.

Экономическое сотрудничество — одно из приоритетных направлений деятельности ШОС. Но, к сожалению, развивается оно относительно медленно в отличие от борьбы с терроризмом. В сфере экономики ШОС приходится

сталкиваться со значительными сложностями. С одной стороны, участники организации и в особенности страны Центральной Азии переживают период экономических затруднений, возлагая при этом большие надежды на международное сотрудничество. При этом его эффективность в такой ситуации для них крайне важна. Они стремятся как можно скорее ощутить практическую отдачу. С другой стороны, по разным причинам (проблемы инвестиций, базовых отраслей промышленности, структурная специфика внутренних рынков, особенности экономического законодательства и нормативных актов, покупательная способность и общий уровень развития экономики), несмотря на то что ШОС обладает потенциалом и перспективами для развития экономических связей, все же весьма затруднительно в короткий срок в полной мере развернуть эту деятельность и получить быструю выгоду. ШОС все-таки остается объединением довольно бедных стран, экономическая основа которых относительно слаба. Конечно, масштабы экономики Китая и Россия достаточно велики, но их инвестиционные возможности сильно ограничены. Это противоречие между потребностями и реальными возможностями относится к числу основных экономических проблем ШОС. Члены организации сейчас совместно прилагают огромные усилия для решения этого вопроса. Ведется подготовка к формированию фонда развития ШОС, что рассматривается в качестве одной из важнейших мер. Это позволит улучшить имидж организации, дать толчок ее внутреннему развитию и получить наконец реальные результаты. Идет работа по определению источников формирования, форм и методов распределения и использования средств фонда, а также контроля и управления им.

События 11 сентября 2001 г. и ШОС

Вечером 11 сентября 2001 г. автор этих строк вместе с директором Института стратегических исследований при президенте Казахстана М. Ашимбаевым и заместителем директора этого института Б. Сутановым ужинал в алма-тинском ресторане «Жер-уйык». Неожиданно М. Ашимбаеву позвонили по телефону, и он сообщил нам, что в США произошел невероятный террористический акт, удары были нанесены по разным объектам, в том числе по Министерству обороны, и число жертв огромно. На следующее утро на территории посольства США в Казахстане появились бронетранспортеры и вооруженные солдаты, что подтверждало усиление мер по охране посольства. Обстановка накалялась.

Через четыре месяца автор увидел руины Центра международной торговли в Нью-Йорке. Однако в то время никто не мог предположить, что эта страшная трагедия приведет к столь резким и значительным изменениям обстановки в очень далекой от Америки Центральной Азии.

После событий 11 сентября Соединенные Штаты развернули вооруженное наступление на талибов. Россия фактически не препятствовала вводу американских войск на территорию стран Центральной Азии. Российско-американские отношения резко потеплели, и влияние США в регионе существенно возросло. Сразу после 11 сентября было опубликовано совместное коммюнике глав правительств государств — членов ШОС, в котором осуждались теракты и декларировались твердые антитеррористические позиции. Но в целом ШОС как организация, которая одной из своих главных целей провозгласила борьбу с терроризмом, не заняла ведущей позиции в условиях резкого изменения международной обстановки после 11 сентября. Это вызвало много неоднозначных оценок перспектив организации. Например, в одной из статей говорилось: «На практике эта организация в значительной мере утратила свое значение после событий 11 сентября 2001 года, когда входящие в нее центральноазиатские страны заключили двусторонние соглашения об участии в возглавляемых Соединенными Штатами антитеррористических операциях в этом регионе»³. Подобные оценки разделяли и некоторые российские ученые⁴. Объективности ради следует отметить, что ШОС действительно не играла ведущей роли в тех переменах, которые произошли в Центральноазиатском регионе после 11 сентября. Это объясняется многими причинами.

С момента создания ШОС прошло немногим более трех месяцев. Она практически не приступила к работе, не имела устава и рабочих органов. В условиях резкого изменения международной обстановки членам ШОС было трудно выработать совместную позицию. За исключением коммюнике на встрече премьеров в Алма-Ате, которая как раз проходила во время трагических событий в Америке, других совместных действий участников организации практически не было.

Цели и задачи, изначально поставленные ШОС, равно как и методы их достижения и реализации, были рассчитаны исходя из обстановки, значительно отличавшейся от сложившейся после сентябрьской трагедии. Организация делала ставку на продолжительную и комплексную борьбу с терроризмом, имеющую оборонительный характер и не предусматривающую военного вмешательства. Все было ориентировано на укрепление оборонительной функции государств, поэтому ШОС оказалась не готова к тем формам и средствам борьбы с террором, которые стали применяться после 11 сентября 2001 г.

Кроме того, ШОС не является блоком государств. В ее задачи главным образом входит координация действий всех участников по борьбе с терроризмом, по развитию экономического сотрудничества и обеспечению безопасности границ. Она не ставит задачу координации внешнеполитического курса государств. После 11 сентября главным вопросом дипломатической деятельности центральноазиатских стран была не столько борьба с терроризмом, сколько определение форм и способов сотрудничества с США. При этом каждая из них преследовала собственные интересы и применяла свою шкалу оценок. В рамках ШОС было сложно свести воедино и скоординировать позиции всех государств в отношении США. Центральноазиатские страны, исходя из своих интересов, предоставили в распоряжение США военные базы на своей территории. ШОС при этом не находила причин для неодобрения таких решений.

После 11 сентября Соединенные Штаты резко вышли на передний край войны с талибами в Афганистане и, применяя собственные стандарты, заставили все страны высказать отношение к своей позиции и к сотрудничеству в этом вопросе. «С нами или против нас» — таков выбор, перед которым США поставили все государства, и каждое из них самостоятельно принимало соответствующее решение. В то же время Китай придерживался осторожной позиции относительно того, какую роль должна и может играть ШОС в быстро меняющейся обстановке. Россия справлялась с проблемами в этом регионе в основном посредством двусторонних отношений и через те структуры, в которых она играла ведущую роль, например, СНГ и Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). У стран Центральной Азии были определенные политические и практические нужды и пожелания к США. Придерживаясь принципа «сбалансированной дипломатии» в отношениях с Россией, США и Китаем, каждая из них сформировала независимый политический курс в отношении позиции США. Интересы государств Центральной Азии в огромной степени зависели от США, поэтому американцы имели большое влияние в этих странах, которое в некоторых областях превосходило влияние ШОС. Все центральноазиатские страны в различной степени приветствовали углубление американского проникновения в регион и поэтому не намеревались рассматривать в рамках ШОС неожиданно открывшиеся перспективы сотрудничества с США.

События 11 сентября стали полной неожиданностью для ШОС и оказали на нее шоковое действие. Соответственно любые изменения обстановки в Центральноазиатском регионе приводят к переменам в ситуации и условиях существования и действия организации. После событий 11 сентября и свержения режима талибов в Афганистане стратегическая расстановка сил в регионе претерпела значительные изменения. Одно из них заключается в том, что исчезло политическое препятствие, которое ранее отрезало Центральную Азию от части окружающих стран и регионов — Афганистана, Пакистана, Южной и даже Западной Азии.

Прежде, когда в Афганистане правил «Талибан», близкие в географическом и прочих аспектах страны Центральной, Южной и Западной Азии были разделены, находясь в недружественных или враждебных отношениях. Между ними не было единства относительно курса, который талибы проводили в Афганистане. Наблюдались противоречия и даже враждебность, в том числе между центральноазиатскими государствами и Афганистаном, центральноазиатскими государствами и Пакистаном, Россией и Пакистаном, Туркменией и остальными центральноазиатскими государствами. Свержение талибов устранило основную причину раскола. В стратегическом плане такое развитие событий создало благоприятные условия для формирования в более широких политических и пространственных масштабах структур содействия и взаимодействия в сферах политики и безопасности, для развития региональной экономики, в том числе в области энергического сотрудничества. Кроме того, появились большие возможности для взаимного регулирования отношений.

Другим важнейшим фактором, изменившим стратегическую ситуацию в регионе, стало полномасштабное присутствие США. Проникновение Соединенных Штатов в этот регион, в том числе военное, началось сразу после распада Советского Союза. Но после 11 сентября оно приобрело размеры, имеющие последствия стратегического характера. С одной стороны, американцы сознательно укрепляли связи со всеми странами региона, кроме Ирана, в том числе и с теми, с которыми у них были традиционно прохладные отношения, а также с государствами, подвергавшимися ранее резкой критике со стороны США из-за их политического режима и политической культуры. С другой стороны, проникновение Соединенных Штатов в Центральную Азию приобрело долгосрочный и многоплановый характер, включающий военный, политический и экономический аспекты.

С учетом заметного укрепления позиций США в Центральной Азии и Закавказье, улучшения отношений с Индией и Пакистаном, определяющей роли США в политике Афганистана, а также традиционно прочных союзнических связей с Турцией можно считать, что большой Центральноазиатский регион (т. е. Центральная Азия и части сопредельных территорий) впервые в истории превратился в целостный район американских стратегических интересов. США же, в свою очередь, стали там наиболее влиятельной державой, располагающей самыми значительными дипломатическими ресурсами. После того как американцы сделали в Центральную Азию столько политических, военных и экономических вложений, значимость для них этого региона очевидным образом возросла. Соединенные Штаты уже не могут уйти оттуда в стратегическом плане, причем независимо от того, насколько долго

они будут вынуждены и смогут сохранять там свое военное присутствие. Даже после вывода дислоцированных в Центральной Азии войсковых формирований американцы сохраняют в регионе возможности для стратегического свободного входа и контроля.

В отношениях великих держав также произошли большие перемены. До событий 11 сентября положение Китая, России и США в регионе было следующим. Россия оставалась самой влиятельной державой, несмотря на значительное ослабление своего контроля и авторитета. Более того, после прихода к власти в России В. Путина в 2000 г. новая администрация стала обращать существенное внимание на проблемы СНГ и, соответственно, Центральной Азии. В результате влияние России в регионе вновь стало возрастать. Россия по-прежнему рассматривает Центральную Азию в качестве особого района стратегических интересов, своеобразного «заднего двора», и в ее планы не входит полностью открывать этот регион другим великим державам. В военном отношении Россия практически занимает здесь монопольное положение, оставаясь единственной из мировых держав, продолжающей сохранять постоянное военное присутствие.

Китай установив дипломатические отношения с пятью государствами Центральной Азии, приступил ко все более активным дипломатическим действиям, которые значительно усилились после возникновения «Шанхайской пятетки» и ШОС. Эти международные механизмы со всей очевидностью усилили позиции Китая и дали ему возможность строить долгосрочные планы. Образование ШОС сделало отношения Китая со странами региона более прочными и институциональными, обеспечило КНР больше пространства и возможностей для усиления своего влияния в Центральной Азии.

США начали проникновение в Центральную Азию с начала 90-х годов прошлого века, но в первые годы после распада СССР в центре внимания их внешней политики по отношению к бывшим советским республикам находилась Россия, а Центральная Азия оставалась на задворках американской дипломатии⁵. Во второй половине 90-х годов американцы стали придавать больше значения Центральной Азии. Значительно увеличился приток американских инвестиций, расширилась экономическая и военная поддержка. Военные и политические отношения США со странами Центральной Азии быстро развивались.

Тем не менее на фоне активной деятельности и содействия Китая и России до конца 90-х годов расширение американского влияния замедлилось. Центр сотрудничества в сферах безопасности явно смещался в сторону Китая, России и ШОС. Улучшились политические и экономические отношения Узбекистана и Туркмении с Россией. Углубилось сотрудничество в рамках Договора о коллективной безопасности. Страны Центральной Азии были недовольны политикой диктата со стороны США и вмешательством в их внутренние дела. Их также раздражало то обстоятельство, что Соединенные Штаты извлекают чрезмерные выгоды из сотрудничества в области энергоресурсов. По мнению М. Ашимбаева, до событий 11 сентября 2001 г. в присутствии в регионе трех великих держав — России, США и Китая — поддерживалось равновесие, хотя и неустойчивое. Они независимо друг от друга создавали опорные базы и сферы влияния. Причем Россия занималась этим главным образом в политической и военной областях, прерогативой США были инвестиции в разработку энергоресурсов, а Китай прорубал свое окно в регион в направлении торговли товарами народного потребления и сырьевыми материалами⁶.

После 11 сентября произошел поворот в отношениях между великими державами, в том числе в Центрально-азиатском регионе. Развитие СНГ и ОДКБ, подконтрольных России, затормозилось. ШОС, которую Россия и Китай активно поддерживали, встала перед серьезным выбором. В результате позиции России и Китая в Центральной Азии были ослаблены, и центр сотрудничества стран региона в вопросах политики и безопасности стал смещаться в сторону США. Вновь наметился разрыв в отношениях России и Узбекистана, только недавно сблизивших свои позиции, всегда имевшие тесные связи с Россией Казахстан, Таджикистан и Киргизия тоже стали понемногу разворачиваться к США. М. Ашимбаев полагает, что такое положение привело к нарушению и без того неустойчивого баланса присутствия России и Соединенных Штатов в регионе. США расширили свою сферу влияния, распространив ее на военную и политическую области, начали занимать те позиции, которые традиционно находились под контролем России. Постепенно США превратились в самую влиятельную в Центральной Азии великую державу.

В двусторонних отношениях Китая, России и США также произошли заметные изменения. Для Китая и России непосредственное американское военное присутствие в Центральной Азии является серьезным геополитическим вызовом. Но в отличие от обычной в таких случаях реакции обе державы в известной степени выразили согласие на сотрудничество с США. Это можно объяснить следующим образом: во-первых, после событий 11 сентября США имели не вызывавшее сомнений моральное право на использование войск для борьбы с терроризмом; во-вторых, и Китай, и Россия полагали, что победа американцев над талибами соответствует и их собственным интересам; в-третьих, ни Китай, ни Россия не обладали достаточными возможностями для сдерживания американского военного присутствия в регионе; в-четвертых, ни Китай, ни Россия не желали ухудшения отношений с США и возникновения конфликтов на этой почве.

Значительные изменения произошли также в состоянии безопасности в Центральной Азии. В результате свержения режима талибов был устранен самый серьезный источник угрозы. Это смягчило озабоченность стран региона проблемами безопасности, хотя остатки «Талибана» еще сохранялись. Изменение ситуации способно заставить государства Центральной Азии пойти на пересмотр стратегических акцентов, целей, направлений и методов обеспечения безопасности и самого ее места в региональной политике. В то же время свержение талибов привело к исчезновению общего для них врага.

Изменение обстановки в Центральной Азии поставило ряд новых проблем перед ШОС. Исходной причиной образования организации была необходимость обеспечения безопасности пограничных районов государств-участников. Граница относится к сфере интересов государственной безопасности, а наличие общих участков границы составляло основу для развития особых отношений между сопредельными странами. Тем не менее, несмотря на то что безопасность границ относится к важнейшим факторам обеспечения стабильности в международных отношениях, она не является движущей силой расширения и углубления отношений между странами. Поэтому когда вопросы обеспечения пограничной безопасности были в основном решены, основным направлением деятельности ШОС стала борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Активное развитие этих «трех зол» в Центральной Азии обусловлено двумя группами причин: внутренними особенностями государств региона и внешними факторами. Внешние факторы главным образом были представлены «Талибаном». В середине 1990-х годов талибы захватили власть в Афганистане, что привело к возникновению серьезной угрозы безопасности. С учетом слабости государств региона и недостаточности имеющихся у них сил и средств все они испытывали естественную потребность в формировании структуры, обеспечивающей региональную безопасность. Поэтому ШОС была естественно воспринята всеми государствами в качестве гаранта безопасности.

После событий 11 сентября произошло изменение отношения к ШОС как к гаранту региональной безопасности. Это было обусловлено двумя факторами. Первый — падение режима талибов. Конечно, с разгромом талибов угроза терроризма не была искоренена вовсе, но ее уровень значительно снизился. До 11 сентября существовала непосредственная угроза применения талибами военной силы. Террористы разных толков и течений получали от «Талибана» масштабную материальную, военную и политическую поддержку. Кроме того, режим талибов предоставил базу для торговцев наркотиками, контрабандистов и других представителей организованной преступности. После его устранения в значительной степени уменьшились угрозы безопасности, связанные с криминальной деятельностью. В определенной степени это, конечно, повлияет и на изменение отношения к ШОС как к структуре обеспечения региональной безопасности.

Другим фактором, обусловившим изменение отношения к ШОС, является военное присутствие США в регионе. Вооруженные силы Соединенных Штатов впервые в истории были дислоцированы в странах Центральной Азии. Это предоставило государствам региона новое, очень сильное средство обеспечения безопасности. Прежде основными структурами, обеспечивавшими региональную безопасность, являлись ОДКБ и ШОС. Кроме того, отмечалось также присутствие НАТО в форме «Партнерства во имя мира». Появление США стало для стран Центральной Азии новой гарантией безопасности и усилило их зависимость и надежды на Соединенные Штаты⁷.

Увеличились и возможности влияния США на внешнюю политику стран Центральной Азии. После событий 11 сентября Узбекистан и ряд других государств заявили, что они продолжают придерживаться многовекторного и сбалансированного внешнеполитического курса, установление отношений военного сотрудничества с США не направлено против интересов других великих держав и не может повлиять на их отношения с Китаем и Россией. То, что центральноазиатские страны сохраняют прежний политический курс, сомнений не вызывает, но фактом является и то, что в их внешней политике заметен определенный дрейф. После того как американцы получили новые мощные средства влияния на Центральную Азию, у них появилась возможность в большей степени навязывать свою волю государствам региона. То есть Америка может в определенной степени влиять на деятельность ШОС. Это скрытый фактор, воздействующий на развитие организации. Кроме того, вследствие различного уровня отношений участников ШОС с США эти государства по-разному относятся к военному присутствию США в регионе и возрастанию там американского влияния. В связи с этим в организации возникли новые внутренние проблемы, которые необходимо было урегулировать.

События 11 сентября оказали весьма сложное влияние на ШОС, привели к росту трудностей и проблем, но вместе с тем стимулировали ее развитие. Несмотря на то что в отношении ШОС высказывается много неблагоприятных оценок и прогнозов, существует достаточно причин для продолжения ее деятельности и немалое пространство для развития.

Ни события 11 сентября, ни изменившаяся обстановка в Центральной Азии тем не менее не подтверждают мнения, что основополагающие принципы и идеология, которыми руководствуется ШОС, ошибочны или не соответствуют современной обстановке. Напротив, развитие ситуации в регионе подтвердило правильность идеологии

и базовых принципов ШОС. Это означает, что организации требуется не пересмотр принципов и идеологии, а повышение интенсивности и эффективности работы.

Два основных направления деятельности ШОС — борьба с терроризмом и экономическое сотрудничество — соответствуют долгосрочным насущным потребностям региона. Несмотря на то что режим талибов в Афганистане был свергнут, в результате чего была устранена угроза непосредственного вторжения в страны Центральной Азии, терроризм, сепаратизм и экстремизм в регионе искоренены далеко не полностью. Этого не отрицают и западные политологи⁸. Для полного искоренения трех указанных угроз потребуются длительное время, принятие комплексных мер и совместные усилия всех государств. Разгром талибов и фундаменталистских группировок до известной степени ослабил напряженность, но чувство облегчения постепенно проходит. Афганский вопрос до сих пор окончательно не решен, угроза терроризма в регионе по-прежнему сохраняется и, судя по всему, еще долго будет одной из важнейших проблем. Доходит до того, что даже звучит вопрос, станет ли Центральная Азия более безопасной, чем до 11 сентября. Каким бы ни был ответ на него, ясно, что борьба с терроризмом — одна из долгосрочных задач, стоящих перед государствами региона. ШОС, обеспечивающая комплексное сотрудничество между ними, обладает совершенно очевидными преимуществами и имеет большой потенциал в разрешении проблемы терроризма.

К 11 сентября 2001 г. ШОС уже представляла собой не только структуру обеспечения безопасности. Она определила обеспечение экономического сотрудничества между странами в качестве приоритетного направления своей деятельности. Вопросы экономического развития для стран Центральной Азии стоят не менее остро, чем проблемы борьбы с терроризмом, а в каком-то смысле являются даже более важными. Поэтому основа для существования ШОС сохранится даже при улучшении общей обстановки безопасности. Можно утверждать, что влияние, которое события 11 сентября оказали на ШОС, затронуло главным образом функцию безопасности, не коснувшись ее экономического направления. Более того, роль экономической составляющей повысилась. Хотя вряд ли следует ожидать быстрых успехов от экономической деятельности ШОС, темпы развития в этой области достаточно высоки, общая обстановка характеризуется поступательным движением вперед, государства-участники связывают большие надежды с экономическим сотрудничеством.

Обеспечение безопасности в пограничных районах остается важнейшей функцией ШОС. Эта функция не свойственна другим структурам сотрудничества в регионе. Все участники ШОС либо имеют общую границу, либо расположены вблизи друг друга. Поэтому они придают большое значение безопасности и стабильности в пограничных районах. Эта деятельность ШОС не претерпела изменений после событий 11 сентября. Отказ от участия в организации так или иначе затрагивает вопрос о признании и соблюдении всех соглашений о безопасности в пограничных районах, достигнутых ее членами, что касается и обеспечения долгосрочной безопасности и стабильности на границах. В то же время ШОС выполняет функцию взаимного обеспечения безопасности. Все принятые в ней новые подходы к обеспечению безопасности — совместная безопасность, равноуровневая безопасность, безопасность через сотрудничество — это не только принципы, на которых члены организации строят отношения с другими странами и союзами государств. Они являются основополагающими и внутри самой ШОС. Таким образом, ШОС повышает степень взаимной гарантии безопасности между государствами-участниками.

В новой обстановке подавляющее большинство членов ШОС сохраняет активную позицию по отношению к ее развитию. Двумя главными движущими силами организации являются Китай и Россия. Их мнение является решающим для судьбы ШОС. После 11 сентября Китай и Россия неуклонно продолжали продвигать деятельность ШОС на более высокий уровень. После сентябрьских событий в разной степени получили развитие отношения стран Центральной Азии с США. Тем не менее их сбалансированный и многовекторный подход к отношениям с великими державами не претерпел серьезных изменений. Некоторая корректировка внешней политики, происходившая во всех странах региона, заключалась не в отказе от сбалансированности и многовекторности вообще, а лишь в некотором смещении курса в сторону США. Это не означает, что страны региона полностью перешли под американское влияние. Расположенные между Россией и Китаем, они не могут игнорировать интересы и перспективные планы этих двух великих держав. Основой дипломатической деятельности государств региона является обеспечение безопасности и следование собственным экономическим интересам. У них нет намерения провоцировать великие державы на конфликт, они всегда будут стремиться к тому, чтобы в регионе существовало определенное равновесие между великими державами. Сбалансированные отношения с великими державами полностью соответствуют национальным интересам всех центральноазиатских государств и могут принести им максимальную практическую выгоду. И после 11 сентября они продолжают рассматривать ШОС в качестве одной из важнейших структур сотрудничества и надеются на продолжение ее развития. Такой подход всех участников к организации является основным политическим обеспечением ее развития⁹.

В регионе существует объективная необходимость в структуре, обеспечивающей сотрудничество в сферах политики, экономики и безопасности. Регионализация — тенденция, которая быстро распространяется в современном

мире. Региональное сотрудничество становится все более важной и эффективной формой развития экономики. Данный процесс охватывает и Центральную Азию. Это относительно самостоятельный регион и политически, и экономически, и географически. Он имеет свои особенности в сферах политики, экономики и безопасности. Вместе с тем Центральная Азия — новый, недавно возникший субъект международных отношений, ей присущи многие недостатки с точки зрения структуризации, политики, экономики, обеспечения безопасности. Крайне слаба там и степень регионального интеграционного процесса. По мере постепенного формирования самосознания стран Центральной Азии объективно становится необходимой региональная структура сотрудничества, предназначенная для удовлетворения потребностей государств региона и соответствующая требованиям его развития. ШОС соответствует этим требованиям. Странам Центральной Азии необходима единая структурированная платформа для взаимного обмена, общения и сотрудничества. ШОС из временной структуры, предназначенной исключительно для решения вопросов пограничной безопасности, выросла в региональную организацию сотрудничества. Это само по себе служит дополнительным подтверждением необходимости регионального сотрудничества. Можно сказать, что если бы не была создана ШОС, на ее месте в любом случае возникла бы подобная структура. Но судьба такие обязанности предназначила именно ШОС. Сотрудничество в ее рамках в областях политики, экономики и безопасности приносит пользу всем ее участникам. Кроме того, ШОС достаточно гибка, что обеспечивает ее высокую жизнеспособность.

Все это дает основания утверждать, что ШОС оправдала возлагавшиеся на нее надежды. Ей удалось преодолеть трудный период усиления факторов неопределенности и восстановить ведущее положение в региональном развитии. В июне 2002 г. в С.-Петербурге прошла вторая встреча ШОС в верхах. Лидеры государств-участников впервые встретились после событий 11 сентября, что имело особое значение. В ходе саммита был утвержден Устав ШОС, принято решение о формировании постоянно действующего секретариата, ускорении создания антитеррористического центра. Это обеспечило основу деятельности ШОС в правовом и организационном аспектах.

Третья встреча глав государств — участников ШОС состоялась в Москве в мае 2003 г. На ней было официально утверждено создание секретариата организации и региональных антитеррористических структур, составлен проект сметы расходов, назначен руководитель секретариата, утверждена символика ШОС. Были решены и другие текущие вопросы.

Следующая встреча в верхах прошла в июне 2004 г. в Ташкенте. Ее можно считать завершением периода становления ШОС. Она обозначила переход организации к повседневной нормальной работе. Символично и место ее проведения — впервые за всю историю существования «Шанхайской пятерки» и ШОС саммит проводился в Узбекистане, что свидетельствует об активной позиции и повышенном интересе этой страны к деятельности организации. После трех встреч в верхах, проведенных после 11 сентября, мало кто сомневается в перспективах ШОС. Она не только продолжила свое деятельность, но и смогла превратиться в крупную международную организацию, постепенно занимающую все более важное место в мировом сообществе.

Основные направления развития ШОС

История ШОС коротка. Другие успешные региональные организации существуют уже десятки лет. В качестве примера можно указать на АСЕАН и Европейский союз. С момента создания ШОС прошло всего несколько лет. Ее предшественница — «Шанхайская пятерка» — действовала пять лет. Встреча в верхах в Ташкенте в июне 2004 г. завершила этап формирования и становления ШОС. Тем не менее работу по ее укреплению и совершенствованию нельзя считать полностью завершенной. Успех зависит от того, сумеет ли организация найти для этого подходящие формы, и в еще большей степени от того, сумеет ли она обеспечить непрерывное расширение и углубление сотрудничества во всех областях.

Сейчас перед ШОС стоит вопрос, который неизбежно приходится решать любой региональной организации сотрудничества: какой путь развития избрать и каких форм при этом придерживаться? Ответ на него определяется перспективными планами и возможностями участников. Кроме того, следует принимать во внимание опыт других региональных структур. Сейчас в мире существуют две принципиальные наиболее представительные формы регионального объединения: Европейский союз и АСЕАН.

Главной особенностью Евросоюза является то, что основой объединения его членов служит сходство политических и экономических структур, близость взглядов на общечеловеческие ценности. Государства Евросоюза проводят единую внешнюю политику: курс каждого участника должен совпадать с курсом объединения в целом.

Участники АСЕАН объединены не на основе близких идеологий или каких-то внутривнутриполитических либо экономических систем. Организация координирует внешнюю политику стран-участниц, но при этом каждая из них проводит независимый внешнеполитический курс.

По своим характерным чертам ШОС близка к АСЕАН, ее сути наиболее соответствует форма объединения, принятая в этой ассоциации. Тем не менее ШОС скорее всего выберет собственный уникальный вариант. Идеологические платформы ее членов неодинаковы, внутривосточные и экономические структуры также значительно различаются. Каждая страна имеет собственные ориентиры и приоритеты во внешней политике. Фактором, объединяющим участников ШОС, являются «неполитизированные» практические интересы. Поэтому ШОС следует прежде всего исходить из того, что движущей силой объединения ее членов должны быть только практические интересы, на основе которых нужно формировать единую политическую платформу и общие принципы. При этом нет необходимости навязывать им единый внешнеполитический курс.

ШОС имеет множество специфических черт, которые отличают ее от других международных региональных организаций. Различия между участниками организации очень велики. В нее входят Китай и Россия — страны с самым большим населением и самой большой территорией в мире, а также государства с населением всего несколько десятков миллионов человек. Комплексные возможности членов ШОС неодинаковы. Они отличаются друг от друга по политическим и социальным системам, религиозным и культурным обычаям, а также по уровню экономического развития. Непосредственным поводом образования ШОС была необходимость решения пограничных вопросов. Постепенно она переросла в организацию политического сотрудничества. Сотрудничество в области безопасности в организации не отделяется от экономического сотрудничества. Кроме того, точка зрения на безопасность, принятая в организации, отличается от традиционной. Члены ШОС расположены в специфическом регионе, перед ними стоят специфические проблемы, требующие разрешения в специфических условиях. ШОС образовалась после «холодной войны», поэтому ее руководящие принципы и идеология резко отличаются от существовавших в предшествующий период. Все это может обусловить выбор собственного уникального пути. Причем для развития организации придется использовать нестандартные, нигде прежде не применявшиеся формы. Их поиск будет происходить непосредственно в процессе развития. Они могут корректироваться и совершенствоваться в соответствии с практическими потребностями и возможностями.

Среди различных международных и региональных организаций есть относительно разрозненные и весьма сплоченные. ШОС следует отнести к «полусплоченным». Она не является союзом или блоком, в ней отсутствует требование единства внутривосточных, идеологических систем и внешнеполитических курсов участников. Но при этом членство в ШОС не представляет собой «вольницу». Организация имеет устав, программу действий и исполнительные структуры, т. е. в ней существуют обязательные принципы и требования. Участники наделены правами, в то же время для каждого предусмотрены определенные обязанности и уровень ответственности. «Полусплоченное» структурное построение ШОС в принципе соответствует ее особенностям и сущности. Это связано со значительной разницей в возможностях входящих в нее государств, большими отличиями в их политических и экономических условиях. Кроме того, эти страны придерживаются разных внешнеполитических курсов. Поэтому существование и успешное развитие ШОС возможны только при тщательном подборе уровня унификации требований к членам организации. Он не должен быть слишком высоким, но и не может быть чрезмерно низким. Кроме того, такой подход предоставляет широкие допуски в деятельности организации, в результате чего она приобретает столь необходимую для обеспечения жизнеспособности гибкость. Диапазон сотрудничества в рамках ШОС включает в себя такие многоплановые сферы, как политика, безопасность, экономика и культура. По мере необходимости требования унификации применительно к определенным областям могут быть повышены, с другой стороны, в иных областях они могут быть ниже. Можно сказать, что структурная сплоченность ШОС является переменным параметром, т. е. по мере развития организации уровень ее унификации будет постепенно изменяться от низкого к высокому.

В процессе перехода ШОС к более сплоченному состоянию неизбежно понадобится укрепление организационной структуры. От ее членов потребуются солидарно выступать на международном и региональном уровнях. Необходимо будет демонстрировать единую позицию. Это позволит превратить Шанхайскую организацию сотрудничества в деятельную силу, которая будет признана мировым сообществом. ШОС должна расширить свой кругозор, и в первую очередь ей следует обратить свое внимание на соседние государства и регионы, прежде всего на Афганистан и Южную Азию. Безопасность Центральной Азии тесно связана с ситуацией в этих регионах, поэтому ШОС должна энергично расширять там свое политическое влияние, принимать активное участие в восстановлении Афганистана, устранении регионального кризиса, обеспечении региональной безопасности и стабильности, в сотрудничестве в сфере борьбы с терроризмом и контрабандой наркотиков. В то же время организация должна принять более широкую концепцию развития, создать себе более открытый международный имидж. Наряду с учетом региональной специфики ШОС следует подчеркивать свою неконфликтность и неприверженность ксенофобии, готовность к сотрудничеству в самых различных областях со всеми государствами и международными организациями. Следует активно участвовать в многостороннем сотрудничестве в регионе, избегать проявлений политической игры великих держав и блокового мышления.

Развитие функций ШОС также должно протекать динамично. Тем не менее количественное увеличение выполняемых организацией функций и их качественное изменение должны происходить естественно и постепенно, соразмерно уровню развития самой организации. В этом не следует забегать вперед и проявлять субъективизм. Расширение функций ШОС — неизбежный результат динамики ее развития. Соответственно будут возрастать роль и значение организации на международной арене. Если допустить переоценку реального положения, занимаемого организацией, поставить непомерно высокие цели и трудновыполнимые задачи, последствия могут быть самыми неблагоприятными.

ШОС должна своевременно корректировать структурный центр своих интересов. Организация зиждется на двух основаниях — безопасности и экономике, причем ведущую роль играют вопросы обеспечения безопасности. Это правильно в ситуации, когда угроза безопасности является самой серьезной для региона. В то же время с точки зрения долгосрочных перспектив центр тяжести интересов ШОС может быть смещен в сторону экономики, которая займет столь же важное место, как и безопасность. Общая обстановка в Центральной Азии характеризуется следующей тенденцией: по мере постепенной стабилизации в вопросах безопасности резко возрастают потребности всех стран в развитии экономики. Это в равной мере относится и к глобальным тенденциям развития. Экономическое сотрудничество — наиболее притягательный аспект, имеющий самый мощный потенциал расширения. Это самый прочный и долговечный связующий элемент в отношениях между странами. С точки зрения долгосрочных перспектив экономическое сотрудничество, очевидно, станет одним из важнейших и наиболее активных факторов, стимулирующих развитие ШОС, являясь одновременно наиболее привлекательным компонентом для ее участников, и в первую очередь для стран Центральной Азии. Если ШОС не сумеет своевременно поднять экономическое сотрудничество на должный уровень, возможности ее развития окажутся весьма ограниченными. Поэтому организация должна решительно и в широком плане заняться вопросами развития экономического сотрудничества и постепенно превратить эту функцию в одно из надежных и прочных оснований своего существования и развития.

Конечно, в этом отношении существует немало проблем, которые быстро решить невозможно. Необходимо разумно сочетать долгосрочные перспективные и среднесрочные цели, формы многостороннего и двустороннего сотрудничества, вести совместную работу в самых различных сферах и на разных уровнях. Кроме того, ШОС должна наметить конкретные цели и задачи в таких аспектах своей деятельности, как охрана окружающей среды, утилизация отходов, охрана флоры и фауны, рациональное использование природных ресурсов. Важно, чтобы намеченные цели реализовывались на практике. Эти направления воспринимаются в азиатских странах с особым энтузиазмом. Они приносят практическую пользу всем государствам. Кроме того, такая работа, несомненно, получит одобрение и поддержку мировой общественности, что весьма благоприятно скажется на авторитете ШОС. Важным направлением развития организации является налаживание гуманитарных и культурных связей. Одновременно ШОС должна активно развернуть деятельность в сферах культуры, туризма, спорта и т. д. Причем все это должно осуществляться с учетом национальных особенностей государств-участников.

Опыт показывает, что достаточно трудно управлять организацией регионального сотрудничества, которая совмещает функции обеспечения безопасности и экономического развития. Большинство региональных объединений во главу угла ставит либо политические и экономические аспекты, либо вопросы обеспечения безопасности. Например, в Европейском союзе главной является политико-экономическая функция, в НАТО — военная безопасность, в АСЕАН — политико-экономическая деятельность. ШОС совмещает все три функции. Кроме того, с точки зрения приоритетности эти функции являются равнозначными. Но сотрудничество в политико-экономической области значительно отличается от сотрудничества в сфере обеспечения безопасности, что вызывает определенные затруднения в управлении организацией. Этот вопрос встанет еще острее в случае расширения ШОС. Для решения данной проблемы в рамках ШОС можно разделить ее деятельность на два относительно самостоятельных направления — политико-экономическое и обеспечение безопасности и в соответствии с их спецификой выделить для них отдельные стратегические курсы, формы и пути развития. Это позволит устранить неудобства контактов ШОС с другими странами и международными организациями. Таким образом, можно выделить два направления сотрудничества: одно — для развития отношений в политико-экономической области, другое — для процессов, протекающих в сфере обеспечения военной безопасности. В результате появится возможность, исходя из специфики объекта, сотрудничать с ним либо на обоих направлениях, либо на одном из них. Кроме того, можно будет выбирать партнеров применительно к конкретным критериям и требованиям каждого из направлений, не принуждая их обеспечить соответствие требованиям всего диапазона сотрудничества. Это позволит упростить процесс управления организацией, придаст гибкость ее внешним связям. Тот же принцип можно будет использовать и в дальнейшем, при расширении ШОС. Применение такого подхода позволит принимать новых участников без риска ущерба для организации. Он сведет к минимуму негативное влияние фактора неопределенности, неизбежно возникающего в процессе расширения любой структуры, риск которого особенно велик именно для ШОС.

Расширение ШОС — тема постоянных дискуссий. В ближайшем будущем вступление новых членов в ШОС не предвидится. Главная причина состоит в недостаточном уровне ее развития, она политически и психологически не готова к расширению своего состава. Организация находится в стадии укрепления, и в ее повестке дня прием новых членов стоит далеко не на первом месте. Ни одно из государств-участников также не высказывало стремления к расширению ШОС. Для этого еще не разработаны необходимые документы, а также критерии, требования и процедура. Тем не менее с точки зрения более далекой перспективы вопросы расширения должны быть рассмотрены. И прежде всего потому, что ШОС объявила себя открытой всем странам. Кроме того, в процессе развития организации наверняка возникнет необходимость в расширении, вытекающая из внутренних факторов. И наконец, если другие государства выскажут желание участвовать в работе ШОС, она не сможет долго это игнорировать. Можно предположить, что в случае успешного развития ШОС многие страны начнут проявлять интерес к участию в ней. Вопрос расширения имеет для организации практическое значение. Не принимая во внимание вариант Туркмении, можно считать, что вступление любого нового государства в состав организации будет означать не просто арифметический рост числа участников, а повлечет за собой изменения в определенных сферах ее деятельности. Скорее всего будущее расширение организации будет происходить за счет стран, географически близких к Центральной Азии, — Монголии, Туркмении, Ирана, Афганистана, закавказских государств, Пакистана, Индии. В долгосрочной перспективе все эти страны могут считаться объектами расширения ШОС. Тем не менее обстановка в них очень различна.

Туркмения расположена в Центральной Азии, является единственным государством региона, не входящим в ШОС, и во многих отношениях соответствует специфике деятельности организации. Но в настоящее время она проводит «нейтральную внешнюю политику», не участвует в многостороннем сотрудничестве. Она не выражала намерения вступить в ШОС. Если в будущем курс руководства Туркмении изменится, ее можно будет рассматривать в качестве самого перспективного кандидата на вступление, причем ее участие, по всей вероятности, не вызовет больших внутренних проблем в ШОС.

Монголию также можно рассматривать в качестве беспроblemного перспективного участника. Ее возможное членство в организации не вызовет сколько-нибудь существенных разногласий. Не случайно в 2004 г. Монголия стала первым наблюдателем в ШОС. Однако влияние терроризма, сепаратизма и экстремизма в Монголии незначительно, в вопросах обеспечения ее безопасности терроризм занимает далеко не ведущее место. Она не сможет существенно влиять на деятельность организации в этой сфере. В геополитическом и геоэкономическом отношении Монголия рассматривается как государство Северо-Восточной Азии, она сама рассматривает Северо-Восточную Азию в качестве приоритетного направления своего внешнего развития. Зато в географическом отношении Монголия имеет универсальный статус. По меридиональному направлению она находится между Россией и Китаем, по широтному — между Восточной и Центральной Азией. Поэтому в случае вступления в организацию она наверняка будет играть роль связующего звена, объединяющего эти обширные регионы в единое политическое целое, что предоставит ШОС важный потенциал для дальнейшего развития.

Интерес к ШОС проявляют также Индия и Пакистан. Оба государства занимают важное место в сфере борьбы с терроризмом не только в регионе, но и во всем мире. В них наблюдается концентрированная террористическая деятельность. Кроме того, Южная Азия — сопредельный с Центральной Азией регион. Соответственно центральноазиатские террористы имеют тесные связи с террористами Южной Азии. Поэтому Индия и Пакистан легко смогут найти общий язык со странами ШОС в борьбе с терроризмом. В аспекте экономического сотрудничества Южная Азия — это выход к Индийскому океану. Китай, к чему Россия и страны Центральной Азии испытывают огромный интерес. Россия и Индия уже договорились о создании меридионального коридора, соединяющего Россию с Индийским океаном. Центральноазиатские государства тоже ищут путь к морю через Индию и Пакистан. В свою очередь, Индия и Пакистан испытывают растущий интерес к экономическому сотрудничеству с Центральной Азией, особенно в области транспорта и энергии. С этой точки зрения и Индия, и Пакистан также легко вписываются в структуру ШОС. Вступление этих двух стран в ШОС однозначно привело бы к качественным изменениям во всех параметрах и областях ее деятельности — политике, экономике, безопасности, геополитике, людских ресурсах, культуре и т. п.

Вместе с тем в связи с вступлением Индии и Пакистана могут возникнуть проблемы. Во-первых, если Индия станет участником организации отдельно от Пакистана, это может привести к дисбалансу расстановки сил в Южной Азии. А отдельное вступление Пакистана может повлечь за собой осложнение внутренних отношений в самой ШОС. Если же обе эти страны вступят в организацию одновременно, то до появления коренных изменений к лучшему в отношениях между ними ШОС может стать заложницей их многочисленных противоречий и конфликтов. Во-вторых, Южная Азия — регион, по размерам не уступающий Центральной Азии. Там много весьма острых и сложных разногласий, противоречий, конфликтов. Поэтому вполне возможно, что в результате

вступления Индии и Пакистана в ШОС произойдет смещение акцентов деятельности организации с возможным отвлечением внимания на проблемы Южной Азии. В таком случае ШОС не сможет сосредоточенно использовать свои и без того ограниченные ресурсы. В-третьих, так как Индия и Пакистан относятся к числу больших стран и фактически имеют ядерное оружие, их отношения с членами ШОС достаточно сложны. Их вступление может привести к нарушению баланса внутренней структуры организации. И наконец, в-четвертых, с учетом огромного влияния, которое окажет вступление в организацию Индии и Пакистана, возникает вопрос: в состоянии ли ШОС в нынешних своих рамках выдержать такое расширение?

Иран исторически также имеет связи с Центральнoазиатским регионом. Он поддерживает в целом нормальные отношения со всеми странами ШОС. Его платформа относительно борьбы с талибами в Афганистане была во многом созвучна подходу ШОС. Но Иран расположен в Западной Азии, которая политически и географически находится на определенном удалении от ШОС. Иран следует собственным внутренне- и внешнеполитическим курсом, который довольно сложно согласовать с позициями членoв организации. Особенно напряженные отношения у Ирана с США. Он занесен американцами в список стран «оси зла». По всем признакам после иракской войны Соединенные Штаты понемногу переносят свой гнев на Иран, который, возможно, станет целью их следующего удара. Поэтому вступление Ирана в Шанхайскую организацию сотрудничества также может быть осложнено целым рядом проблем.

Закавказье близко к Центральной Азии в геополитическом отношении. Сейчас даже наметилась тенденция рассматривать Центральную Азию и Закавказье в качестве единого геополитического целого. В министерствах иностранных дел некоторых государств эти два региона находятся в ведении одного структурного подразделения. Тем не менее Центральная Азия и Кавказ имеют значительные отличия с точки зрения взглядов на ориентиры развития. Если страны Центральной Азии, без сомнения, считают себя азиатскими государствами, то страны Закавказья могут занимать иную позицию или во всяком случае оставляют это под большим вопросом. По всей вероятности, закавказские страны предпочитают отойти от Азии и приблизиться к Европе как политически, так и экономически, а также в культурном аспекте. Они изо всех сил стремятся придерживаться европейского, а отнюдь не азиатского направления. Поэтому страны Кавказа не обязательно будут в дальнейшем проявлять интерес к вступлению в ШОС. Из трех закавказских государств Азербайджан, чье население исповедует ислам, а язык относится к тюркской группе, в большей или меньшей степени сможет формировать некоторые отношения с ШОС.

Афганистан очень близок к ШОС с точки зрения одной из ее основных задач — борьбы с терроризмом и обеспечения безопасности. Даже после свержения режима талибов эта страна остается самым серьезным источником угрозы для безопасности других государств региона. Пока афганский вопрос окончательно не будет решен, проблема безопасности и стабильности в Центральной Азии останется открытой. Поэтому ШОС всегда уделяла большое внимание афганскому вопросу. Президент Афганистана Хамид Карзай был приглашен в качестве гостя на встречу глав государств ШОС в Ташкенте в 2004 г. Тем не менее, исходя из нынешней обстановки в этой стране, можно предположить, что вступление Афганистана в ШОС породит много проблем. Одна из них заключается в том, что Афганистан в настоящее время находится главным образом под влиянием Соединенных Штатов, и отношение последних будет играть важнейшую роль в вопросе его вступления в ШОС. Во-вторых, если Афганистан все-таки станет членом организации, естественно предположить, что ШОС должна будет принять на себя большую ответственность за обеспечение его безопасности и восстановления. Сомнительно, что ШОС располагает ресурсами и возможностями для выполнения этой трудоемкой и сложной задачи. Тем не менее в будущем при соответствующих изменениях в обстановке вступление Афганистана в Шанхайскую организацию сотрудничества представляется вполне логичным и разумным.

Подводя итоги, можно считать, что основной базой для расширения ШОС в будущем являются окружающие государства — Монголия, Афганистан и страны Южной Азии. Вступление же в организацию других государств и присоединение к ней других регионов — дело весьма проблематичное.

Один из главных стоящих сейчас перед ШОС вопросов таков: какого курса следует придерживаться относительно афганской проблемы? Платформа и принципы подхода ШОС к решению этого вопроса уже достаточно четко определены. Поэтому речь не идет о выработке или корректировке принципиальной стратегической позиции. Нужно определить тактический курс и меры, соответствующие обстановке текущего периода. Афганистан по-прежнему рассматривается как главный источник нестабильности в регионе. Члены ШОС, и в первую очередь страны Центральной Азии, по-прежнему очень настороженно относятся к обстановке в этой стране. Но в настоящее время окончательно решить этот вопрос для ШОС очень трудно. В политическом аспекте участники организации весьма осторожно оценивают возможности углубления проникновения в Афганистан. Еще свежи в памяти уроки, связанные с опытом Советского Союза 1980-х годов. Военный аспект можно не рассматривать уже хотя бы потому, что ШОС просто не располагает соответствующими силами и средствами. В экономическом отношении у ШОС также нет

тех огромных ресурсов, которые необходимы для восстановления Афганистана. Афганский вопрос, таким образом, стал одной из ключевых проблем, влияющих на развитие ШОС. Без решения этой проблемы Центральная Азия не будет по-настоящему стабильной, а безопасность всех остальных государств также нельзя будет считать в полной мере обеспеченной. Кроме того, афганская проблема тесно связана с военным присутствием США в Центральной Азии. По крайней мере формально это единственное основание для сохранения значительных американских сил в регионе. По мнению автора, относительно афганского вопроса сейчас ясно следующее. Во-первых, по ряду причин вероятность окончательного решения проблемы в ближайшее время невелика. Во-вторых, сомнительно, что ШОС способна решить афганский вопрос самостоятельно, без сотрудничества и содействия посторонних государств и организаций. В-третьих, афганский вопрос уже приобрел характер международной проблемы и не может находиться под контролем ШОС. Эти три обстоятельства и следует учитывать при определении курса ШОС.

Еще один вопрос, на который ШОС придется обратить внимание, — нужно ли более активно относиться к обеспечению внутренней стабильности стран Центральноазиатского региона. В функциональном аспекте главными целями ШОС являются борьба с терроризмом и обеспечение безопасности в пограничных районах государств-участников, она не вмешивается во внутренние дела стран региона. Но если предположить, что где-то возникнет обстановка нестабильности из-за каких-либо внутренних проблем (например, вследствие конфликта между государствами или политических противоречий внутри одной из стран либо по другой причине, не связанной непосредственно с террористической деятельностью), то какую позицию должна в этом случае занять ШОС? В такой обстановке организация встает перед сложным выбором. Если она не вмешивается в события, в регионе возникнет нестабильность, что крайне нежелательно. Кроме того, такая обстановка может оказать негативное воздействие и на саму организацию. С другой стороны, если ШОС активно вмешивается, она нарушит базовый принцип своего существования и помимо этого примет на себя ответственность за все связанные с этими событиями политические риски. В принципе, все проблемы, так или иначе связанные с безопасностью и стабильностью в Центральноазиатском регионе, относятся к сфере интересов ШОС. Поэтому возникает необходимость постепенного расширения содержания сотрудничества в области обеспечения безопасности. Одновременно с борьбой с терроризмом и обеспечением безопасности в пограничных районах можно подумать о том, чтобы взять на себя определенную ответственность и за поддержание стабильности и безопасности в регионе в целом. Сотрудничество в рамках ШОС призвано обеспечивать безопасное и стабильное развитие стран Центральной Азии. Если ШОС не сможет взять на себя ответственность за безопасность в регионе, это, несомненно, нанесет ущерб ее престижу региональной организационной структуры, имеющей функции и возможности обеспечения безопасности. Здесь необходимо четко придерживаться следующего принципа: если речь идет об отношениях между двумя государствами, то ШОС может выступать только в роли посредника; если же возникнет конфликт внутри одной страны, который угрожает безопасности и стабильности региона в целом, или в ситуации прослеживается явное вмешательство извне, ШОС может рассмотреть и более активные варианты урегулирования, но в любом случае не должны затрагиваться внутренние дела государств и нарушаться их суверенитет.

ШОС уже начала диалог с другими государствами и международными организациями, сотрудничество с которыми приняло характер повседневной деятельности. Первым шагом к установлению сотрудничества с другими странами стало принятие в 2004 г. на Ташкентской встрече в верхах «Положения о статусе наблюдателя при Шанхайской организации сотрудничества». Тем не менее насущной для ШОС остается необходимость определения своего положения в отношениях с США и Организацией Договора о коллективной безопасности. Отношения с Соединенными Штатами являются самыми сложными, и суть проблемы заключается в определении позиции относительно самого сильного игрока в регионе. Второй вопрос касается всех участников организации за исключением Китая и Узбекистана. Речь идет об установлении координированного партнерства.

Организация Договора о коллективной безопасности наиболее тесно связана с ШОС, так как значительная часть членов одной организации входит и в другую. Кроме того, ОДКБ руководит Россия, которая одновременно является одним из главных участников ШОС. Поэтому неудачное регулирование отношений между этими организациями может вызвать серьезное истощение ресурсов и взаимное перекрытие функций. Между Шанхайской организацией сотрудничества и Организацией Договора о коллективной безопасности просто необходимо наладить самые тесные партнерские отношения. Нелогично было бы положение, при котором ШОС, развивая свои связи с внешним миром, не сотрудничала бы с самой близкой к ней ОДКБ. Обе организации просто обязаны найти такие формы взаимоотношений, сформировать такие структуры сотрудничества, которые заложили бы надежный фундамент для установления долгосрочных тесных партнерских отношений.

Отношения с США остаются самой болезненной и трудноразрешимой проблемой внешней политики ШОС. Организация до сих пор ни разу не высказывала четкой позиции по поводу отношений с Соединенными Штатами. С одной стороны, это пока не самая насущная для нее проблема. С другой стороны, ШОС еще не выработала более или менее определенной платформы по этому вопросу. Отношения ШОС и США в известной степени определяются

двусторонними отношениями с этим государством Китая и России, что уже относится к сфере отношений между великими державами. Поэтому пока не наступит определенность в двусторонних отношениях указанных стран, ШОС будет весьма трудно выработать собственную четкую позицию. Ни Китай, ни Россия не заинтересованы в долгосрочном сохранении военного присутствия США в Центральноазиатском регионе. Но вместе с тем оно уже стало реальностью, и Китаю и России будет трудно повлиять на планы США. ШОС просто не сможет долго игнорировать присутствие США в Центральной Азии. Ей придется занять определенную позицию.

ШОС должна выработать согласованную принципиальную платформу своих отношений с США, что имеет важное концептуальное и практическое значение. Это не означает, что все государства обязаны придерживаться абсолютно идентичного подхода к двусторонним отношениям с Соединенными Штатами и проводить единый внешнеполитический курс. Просто каждое из них должно проявлять взаимопонимание и уважение позиций и интересов всех сторон, обеспечивая тем самым согласованность и единство общих интересов. Исходя из соображений безопасности, экономической выгоды и соблюдения баланса отношений между великими державами, страны Центральной Азии, вообще говоря, не возражают против военного присутствия США, рассчитывая на развитие с ними тесных взаимоотношений. Китай и Россия выражают надежду на то, что после завершения военных действий против талибов в Афганистане американские войска будут выведены из Центральноазиатского региона, но это не означает, что они выступают против того, чтобы Америка играла в нем конструктивную роль. Более того, Китай и Россия уже сотрудничали и продолжают сотрудничать с США в борьбе против «Талибана» и терроризма вообще.

Поэтому между странами ШОС нет принципиальных расхождений относительно развития конструктивного сотрудничества между США и ШОС в Центральноазиатском регионе. Однако, несмотря на то, что военное присутствие США в Центральной Азии играет в определенной степени конструктивную и активную роль, оно может оказывать и негативное воздействие. Положительная роль заключается в том, что с его помощью был разгромлен режим талибов, что, несомненно, благоприятно сказалось на безопасности и стабильности региона, улучшило и расширило условия для его экономического и социального развития. Это в значительной степени способствовало укреплению безопасности всех стран Азии, в том числе Китая и России. Улучшение экономической обстановки и ускорение экономического развития также принесло пользу всем странам Центральной Азии. Возможное негативное воздействие американского военного присутствия заключается в том, что политика двойных стандартов, применяемая американской администрацией в отношении различных террористических группировок, возможно, окажется вдохновляющим фактором для различных сепаратистских движений. Долгосрочное военное присутствие США неизбежно повлечет за собой концентрацию и конкуренцию военных сил разных держав в регионе, что скорее всего не прибавит там стабильности, и если США будут использовать свои геополитические ресурсы для ущемления интересов Китая и России, это приведет к обострению противоречий между великими державами. Американское военное присутствие может также усилить внутривосточную нестабильность в странах региона¹⁰.

Такой двойной смысл военного присутствия США и является предпосылкой для формирования в ШОС согласованной платформы по американскому вопросу. В той части, в которой оно играет конструктивную роль, ШОС должна налаживать сотрудничество, при этом активно выступая против реального и возможного деструктивного американского воздействия на регион. Это в полной мере соответствует и национальным интересам всех участников организации. Политические разногласия в Центральной Азии, нестабильность, вызванная конкуренцией между великими державами, ухудшение отношений Китая и России с остальными странами региона не соответствует интересам ни Китая, ни России, ни, в первую очередь, самих центральноазиатских государств. Поэтому необходимо всемерно содействовать положительному влиянию присутствия США, одновременно активно ограничивая обусловленные им деструктивные факторы.

В вопросах борьбы с терроризмом ШОС должна учитывать один важный аспект. Преимущества работы в этой области в рамках ШОС становятся наиболее очевидными при условии развития всестороннего сотрудничества на межгосударственном уровне. Но в борьбе с терроризмом, которую ведет ШОС, есть также уязвимое место — организация не может применять меры военного характера, она не имеет объединенных сил быстрого реагирования. Главной задачей региональных структур ШОС по борьбе с терроризмом является сбор и анализ информации, а не военные мероприятия. События 11 сентября 2001 г. показали, что в случае широкомасштабного террористического акта с тяжелыми последствиями любая реакция малоэффективна, если ее не подкрепляют меры материального, прежде всего военного характера. Терроризм не знает государственных границ. Террористические группировки Центральноазиатского региона отличаются высокой подвижностью, границы не представляют для них серьезного препятствия. А антитеррористические силы, напротив, обязаны считаться с государственными границами. После любой атаки террористов члены ШОС вынуждены практически самостоятельно принимать ответные меры. Зачастую террористические группировки после совершения теракта уходят в другую страну, что существенно сказывается на эффективности антитеррористических мероприятий.

Поэтому заслуживает внимания вопрос о собственных военных средствах ШОС для борьбы с террористами. Конечно, речь не идет о создании объединенного военного контингента, что весьма проблематично по многим причинам. Более подходящим вариантом является координированная система военных действий против терроризма в рамках ШОС. Кроме того, организации нужно постепенно формировать материальные средства для расширения возможностей борьбы с терроризмом и усиления своего авторитета в этой области, что будет способствовать укреплению безопасности всех стран региона. Организация Договора о коллективной безопасности располагает своей войсковой группировкой. Но, принимая во внимание, что Китай и Узбекистан не являются участниками ОДКБ, ШОС все же следует создать координированный военный механизм для борьбы против терроризма и обладать соответствующими средствами материального характера, что позволит вести реальную борьбу с широкомасштабными террористическими атаками.

Экономическое сотрудничество в рамках ШОС носит региональный характер. На совещании глав правительств членов ШОС в 2003 г. была утверждена «Долгосрочная программа торгово-экономического сотрудничества государств — участников Шанхайской организации сотрудничества». Премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао выступил с предложением о постепенном создании в процессе развития организации свободной торгово-экономической зоны, что стало бы начальной формой региональной экономической интеграции. Региональное сотрудничество в области экономики широко распространено во всем мире, и Центральная Азия не может быть вне этого процесса. Тем не менее, подобно областям политики и безопасности, в сфере развития экономической интеграции в рамках ШОС также возникает много разноплановых проблем. В Центральной Азии идет процесс регионального сотрудничества с прицелом на перспективную экономическую интеграцию с тремя структурами: ШОС, Евроазиатским экономическим сообществом и Организацией сотрудничества Центральной Азии. Каждый из этих процессов имеет свои нишу и потенциал, но все они находятся в начальной стадии и их перспективы пока неясны, поэтому между ними еще не возникали трения. В будущем возможны самые разные варианты развития событий. В частности, могут появиться противоречия и конкуренция между тремя структурами.

Предположим, что все три процесса сотрудничества будут развиваться успешно. Тогда на определенной стадии неизбежно возникнут точки соприкосновения между ними. И если на ранней стадии взаимоотношения не будут упорядочены, это вполне может привести к неконструктивной конкуренции. Если же все три процесса будут разумно взаимно отрегулированы и согласованы, а функции распределены и акценты расставлены, то сотрудничество в рамках всех трех структур сможет развиваться параллельно и без конфликтов. В этом случае не возникнет вопрос, в какой экономической круг войдет Центральная Азия — китайский или российский. Есть еще один вариант развития событий: слияние процессов интеграции в рамках трех структур в единый процесс экономического сотрудничества. Первого варианта следует всеми силами избегать, необходимо ориентироваться на достижение результатов, соответствующих второму или третьему вариантам. Они представляются приемлемыми и возможными как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Центральная Азия располагает всеми предпосылками для успешного разностороннего развития. В экономическом отношении она имеет возможность ориентироваться как на север, так и на юг. Это вполне естественно и очень выгодно. Если удастся обеспечить эффективное развитие по обоим направлениям, страны Центральной Азии станут связующим звеном между Россией и Китаем, что создаст благоприятные условия для развития региональной интеграции в целом.

Китай и ШОС

ШОС имеет для Китая существенное и многостороннее значение. Она служит платформой реализации внешнеполитического курса КНР в Центральной Азии. Интересы Китая в ШОС полностью вписываются в круг его интересов в Центральноазиатском регионе. Это обеспечение безопасности в приграничных районах, борьба с терроризмом, обеспечение безопасности и стабильности в регионе, поддержание добрососедских отношений между Китаем, Россией и центральноазиатскими государствами, развитие экономического сотрудничества и т. п.

После обретения центральноазиатскими государствами независимости у Китая не было серьезных препятствий в развитии отношений с ними. По соображениям, связанным с историей, традициями, безопасностью, экономикой и т. д., двусторонние связи Китая и стран Центральной Азии с самого начала получили активное развитие, и сейчас Китай поддерживает дружественные отношения со всеми государствами региона. Однако до создания ШОС не было многоплановой универсальной структуры, связывающей Китай с Центральной Азией как единым целым. Это не мешало развитию двусторонних связей, но до известной степени ограничивало решение общих региональных проблем. ШОС обеспечила возможность многостороннего сотрудничества, позволила Китаю вести диалог со странами региона в целом.

В том, что касается китайско-российских отношений, ШОС является для Китая еще одной структурой сотрудничества с Россией. Обе страны имеют в Центральной Азии важные интересы. Россия располагает в Центральной Азии особым влиянием. Регион занимает ведущее место в российской внешнеполитической стратегии. После прихода к власти В. Путина Россия преисполнена решимости восстановить свое особое положение в регионе. Усилия в этом направлении заметно возросли. Страны Центральной Азии — соседи Китая. Поэтому для него естественно развивать тесные отношения с этими государствами. Он не может не внедряться в регион и не стремиться усилить там свое влияние. Таким образом, интересы России и Китая в Центральной Азии неизбежно пересекаются. В связи с этим многие аналитики, особенно на Западе, высказывают предположение, что Центральная Азия в будущем может превратиться в яблоко раздора между двумя странами, что столкновение их интересов там неизбежно. Учитывая геополитические факторы, действительно можно считать, что у Китая и России есть потенциальные предпосылки для конкуренции. Но это тем более должно побуждать обе державы к сотрудничеству для исключения или максимального смягчения соответствующих потенциальных факторов. ШОС может послужить структурой, совмещающей и балансирующей интересы Китая и России, создающей новые общие цели в регионе. Она также предоставляет возможности для регулярных консультаций и совещаний в самых разных областях на различных уровнях. Это, безусловно, помогает им лучше узнать и понять друг друга. Таким образом можно свести к минимуму вероятность столкновения интересов двух великих держав. Тесное сотрудничество в рамках ШОС позволит в полной мере обеспечить интересы каждой из них и достичь взаимовыгодного результата. Нужно также отметить, что геополитика — не единственная логика, которой государства руководствуются в современных международных отношениях. После «холодной войны» растет стремление к сотрудничеству вместо конфронтации. Китай, в свою очередь, представляет многоплановый интерес для ШОС и оказывает на нее заметное влияние.

В Центральноазиатском регионе представлено много региональных организаций. Они имеют своих лидеров и выраженные тенденции деятельности. Например, лидером СНГ и Организации договора о коллективной безопасности, как и Евразийского экономического сообщества, является Россия. ГУАМ (союз Грузии, Украины, Азербайджана и Молдавии) поддерживают Соединенные Штаты, во главе «Партнерства во имя мира» стоит НАТО. ШОС в корне отличается от этих структур, в ней нет единоличного лидера. И в значительной мере эта ее особенность объясняется участием Китая. Китай придает ШОС внутреннюю сбалансированность. В этой структуре состоят две великие державы — Китай и Россия, которые представляют собой примерно равновеликие силы. Поэтому влияние любого государства на политические тенденции ШОС крайне незначительно. Это обстоятельство имеет огромное значение для членов организации и отношений между ними. В ней практически отсутствует уклон в сторону политики отдельных государств, нет зависимости от внутреннего и внешнеполитического курса участников. Данный фактор особенно важен для тех стран Центральной Азии, которые надеются сохранить независимый внешнеполитический курс.

Немало аналитиков считают, что лидером ШОС является Китай. В качестве доводов приводится, например, следующее: организация носит имя китайского города, штаб-квартира ее секретариата находится в столице Китая, секретарем организации также назначен бывший высокопоставленный чиновник МИДа КНР. Однако такая точка зрения неточна. Конечно, нельзя не признать важную роль, которую Китай играет в ШОС. Но она проявляется главным образом в том, что Китай постоянно вносит инициативы по важнейшим вопросам, активно стимулирует развитие организации и, кроме того, всегда проявляет готовность принимать на себя долю ответственности, соразмерную его возможностям. Но Китай не имеет никаких особых полномочий в отношении решающих процедур развития организации и структурных преимуществ в ее органах. Он никогда не занимал положения единоличного лидера, не стремился и не стремится к этому. Важнейшим основным принципом ШОС является равноправие ее членов. Это одна из главных причин, по которой организацию признают центральноазиатские государства. Китай не может нарушить данный принцип. В ШОС входят разные по способу развития и возможностям страны. Некоторые ученые делят участников организации на три группы. В первую входят Китай и Россия, во вторую — Казахстан и Узбекистан, в третью — Киргизия и Таджикистан¹¹. По мнению автора этих строк, приведенный анализ сделан на основе сопоставления мощи государств, но это не критерий разделения полномочий в ШОС. Тем не менее даже при разделении по такому критерию Россия и Китай все равно попадают в одну группу. Они действительно являются великими державами и несут равную ответственность в рамках ШОС. Кроме того, рабочими языками организации являются китайский и русский. Китай и Россия также несут одинаковые расходы, идущие на деятельность секретариата и региональной антитеррористической структуры ШОС.

С другой стороны, уважая принцип равноправия всех участников организации, Китай должен вносить как можно больший вклад в ее развитие. После событий 11 сентября ШОС подверглась критике за пассивность в отношении развития обстановки в Центральной Азии. Поэтому необходима энергичная позиция какого-либо ее участника, что стимулировало бы другие страны на обсуждение, согласование и утверждение общей позиции относительно

важнейших международных событий. В противном случае организация не сможет действовать активно. В этом смысле Китай должен взять на себя определенную ответственность. В международных отношениях КНР придерживается принципа не становиться «головой», т. е. не принимать на себя роль лидера, что соответствует общему принципу китайского внешнеполитического курса. Тем не менее в ШОС ответственность Китая заключается в том, чтобы активизировать ее деятельность и развитие. Если Китай не решится принять на себя такую функцию, то у других государств тем более не будет стимулов к этому.

Участие КНР в ШОС в определенной степени влияет и на формирование международного имиджа организации. Если бы Китай не вошел в нее, вполне возможно, что на международной арене она выглядела бы структурой, имеющей закрытый характер, как, например, Содружество независимых государств, имеющее ограниченные специфические функции. СНГ — организация, в принципе закрытая для международного сообщества, в ее работе могут участвовать только входящие в нее страны. Кроме того, это содружество призвано решать ограниченный круг весьма специфических задач, которые касаются только его членов. Участие Китая в работе ШОС открывает ей дверь на международную арену. Во многом благодаря этому ШОС не воспринимается международным сообществом как закрытая структура, подобная СНГ или ОДКБ. ШОС также выполняет задачи, совершенно отличные от задач СНГ, которые имеют только внутреннее значение. Это позволило обеспечить широкое международное признание и предоставило другим государствам и международным структурам возможность вести с ней диалог и строить отношения сотрудничества.

Участие Китая привнесло в ШОС одно новое стратегическое направление. Если бы Китай в нее не входил, ее деятельность и влияние ограничивались бы с юга границей КНР со странами Центральной Азии. Участие же Китая позволяет значительно расширить рамки организации. Она получает возможность распространить свое влияние не только на территорию собственно Китая, но и дальше — на Юго-Восточную и Северо-Восточную Азию в южном направлении и на Южную Азию — в западном.

Учитывая особое положение Китая в Азии и специфику его внешнеполитического курса, можно считать, что участие Китая в работе ШОС увеличило ее возможности в решении региональных проблем и развитии регионального сотрудничества. Например, Пакистан — это государство, которое непосредственно связано с проблемой обеспечения безопасности Центральной Азии. Китай много лет поддерживает с Пакистаном хорошие и тесные отношения. Используя китайские связи, ШОС имеет возможность активно развивать отношения с этой страной. Китай также является важным государством Азиатско-Тихоокеанского региона. Это ценно для развития сотрудничества и открытости участников ШОС с АТР. По мере непрерывного прогресса процессов глобализации и региональной интеграции Китай может стать главным связующим звеном стран Центральной Азии с АТР.

Участие Китая в работе ШОС предоставляет и новые экономические возможности. Китай быстро развивается, и его участие в ШОС — важный фактор экономического сотрудничества. Китай может сыграть роль одного из экономических локомотивов в регионе, он является поставщиком товарных, финансовых и технических ресурсов в Центральную Азию, а с другой стороны, может рассматриваться как огромный потенциальный рынок для центральноазиатских товаров. Страны региона расположены в центральной части континента, не имеют прямого выхода к морю, поэтому транспортные вопросы играют значительную роль в их экономическом развитии. Целью транспортного строительства является не только открытие прямого выхода к морю, что экономически чрезвычайно важно, но и занятие ключевых позиций в соединении Европы с АТР. Для Центральной Азии очень выгодно, когда через ее территорию проходят так называемые евроазиатские континентальные мосты, по которым идут грузы между этими двумя развитыми регионами. Но без участия Китая эти мосты не смогли бы полноценно работать, и Центральная Азия потеряла бы ключевое значение в соединении Европы и АТР.

Интересы и положение Китая в Центральной Азии

Стратегические интересы Китая в Центральноазиатском регионе вполне очевидны и прозрачны: во-первых, сдерживать сепаратистские силы «Восточного Туркестана», во-вторых, обеспечить такой уровень безопасности, при котором Центральная Азия являлась бы надежным тылом Китая, в-третьих, развивать многоплановые экономические отношения, превращая регион в объект сотрудничества в области внешней торговли и один из источников импорта энергии.

Сдерживание сепаратистских сил «Восточного Туркестана». Движение «Восточный Туркестан» ставит своей целью создание независимого государства, не гнушаясь при этом применять насилие и террор. Название «Восточный Туркестан» появилось в XVIII в., его тогда использовали российские и европейские исследователи для обозначения территории на юге нынешнего Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР в отличие от среднеазиатского За-

падного Туркестана. В нынешнем виде движение «Восточный Туркестан» появилось в начале XX в. Затем дважды, в 1933 и 1944 гг., провозглашалась «Республика Восточный Туркестан», и это можно рассматривать в качестве самых ранних практических проявлений современного движения¹². Начиная с 1990-х годов на фоне общего подъема международного терроризма активность деятельности «Восточного Туркестана» повысилась, он превратился в крупную террористическую, сепаратистскую и экстремистскую группировку, которая стала представлять угрозу государственному единству Китая и социальной стабильности на северо-западе страны. С 1990 по 2001 гг. террористы «Восточного Туркестана» провели в Синьцзян-Уйгурском автономном районе более 200 террористических актов, в результате чего погибли 162 человека и 440 получили ранения¹³.

Борьба с сепаратизмом и обеспечение государственного единства на Северо-Западе является задачей китайского государства начиная с эпохи династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.). На протяжении всей истории Китая этот регион являлся объектом постоянных атак. Сепаратистские движения различались по составу и форме деятельности, но совпадали по сути. Таким образом, борьба китайского государства с «Восточным Туркестаном» имеет глубокие корни. С этой точки зрения меры по обеспечению единства Китая в северо-западных районах являются продолжением той борьбы, которая ведется более двух тысячелетий, и продолжением той исторической стратегии, которой Китай следует уже много веков.

Центральноазиатский регион имеет тесные связи с движением «Восточный Туркестан». Многочисленные террористические и религиозные экстремистские группировки дислоцируются как в соседних Кашмире, Пакистане, Афганистане, так и на территории Аравийского полуострова и Ближнего Востока. После того как в начале 1990-х годов обрели независимость пять центральноазиатских государств, в которых ислам является главной религией, Центральная Азия превратилась в новое геополитическое пространство, входящее в мусульманский мир. Новообразованные государства были очень слабы в политическом, экономическом и идеологическом отношениях и были не в состоянии оградить себя от натиска различных экстремистских и радикально-религиозных сил. Эти страны представляли собой как бы огромное незанятое пространство с широко распахнутыми дверями, в которые устремились международные террористы и религиозные экстремисты всех мастей. В благоприятных внешних и внутренних условиях быстро разрастались внутренние террористические и экстремистские силы. Всего за несколько лет Центральная Азия стала напоминать такие регионы, как Южная Азия, Западная Азия и Ближний Восток, превратившись в один из секторов единого пространства активной деятельности международных террористов и религиозных экстремистов.

По историческим, национальным, культурным, языковым и религиозным причинам движение «Восточный Туркестан» имеет тесные связи в странах Центральной Азии. Активное восстановление исторических традиций в сферах политики, культуры и религии, а также связанное с этим быстрое развитие сил международного терроризма и религиозного экстремизма превратили ее в важнейший фактор внешнего воздействия на безопасность северо-западных районов Китая. С одной стороны, Центральная Азия является одной из важнейших зарубежных баз движения «Восточный Туркестан». Многие его группировки используют опорные пункты, созданные на территории центральноазиатских стран¹⁴. «Восточный Туркестан» получает идеологическую поддержку и существенную материальную помощь от международных террористических организаций этого региона. Если сепаратисты из группировок «Восточного Туркестана» вынуждены бежать из Китая, они, как правило, находят убежище в странах Центральной Азии¹⁵. С другой стороны, Центральная Азия является каналом постоянной связи «Восточного Туркестана» с силами международного терроризма и, таким образом, главным направлением его проникновения на территорию Китая. Международные террористы через Центральноазиатский регион поставляют оружие и подрывные материалы в КНР. Из Центральной Азии осуществляется управление деятельностью террористов в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и на других территориях Китая.

В связи с этим Китай стремится не допустить превращения Центральной Азии в зарубежную базу «Восточного Туркестана» и канал его взаимодействия с силами международных террористических организаций. Поэтому одна из основных целей внешней политики Китая в отношении Центральной Азии заключается в недопущении на территории региона деятельности, ставящей под угрозу территориальную целостность КНР, а также в том, чтобы все центральноазиатские государства отказались от поддержки китайских сепаратистов, ограничили или запретили деятельность «Восточного Туркестана», препятствовали проникновению сил международного терроризма с их территории в Китай.

Таким образом, если рассматривать вопрос в более широком аспекте, безопасность стран Центральной Азии напрямую связана с безопасностью Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, и нестабильность в Центральноазиатском регионе оказывает непосредственное влияние на безопасность всего Северо-Запада Китая. Поэтому КНР стремится к созданию единой региональной структуры безопасности с участием России и государств Центральной Азии для принятия организованных коллективных мер по обеспечению безопасности в регионе. Это соответствует и интересам центральноазиатских государств. В этом также состоит одна из основных функций ШОС.

Гарантии безопасности Центральной Азии, обеспечивающие надежный стратегический тыл Китая. Эта цель также принадлежит к сфере государственных интересов КНР, но ее следует отнести к задачам большой стратегии и геополитики. Поэтому ее содержание несколько отличается от рассмотренной выше задачи обеспечения государственной безопасности посредством борьбы с движением «Восточный Туркестан». Под этим углом зрения Центральная Азия во внешней политике КНР приобретает новое место, представляет иные стратегические функции и интересы.

Особенность внешнеполитической стратегии Китая состоит в том, что с точки зрения главных стратегических задач, которые стоят перед страной сейчас и в ближайшем будущем, а также с учетом стратегических внешних факторов, оказывающих на Китай наибольшее давление, самыми важными и активными стратегическими направлениями для КНР следует считать южное и восточное. Самая важная и сложная задача внешнеполитической стратегии Китая — не допустить обретения Тайванем статуса независимого государства, постоянно готовиться к возможному суровому вызову, который Тайвань может бросить континенту. А главным внешнеполитическим фактором серьезного стратегического давления на Китай является тайная или откровенная, прямая или косвенная поддержка Тайваня Соединенными Штатами, в результате чего может возникнуть стратегическое противостояние Китая и США, а также конфронтационная американская политика в отношении Китая, направленная на сдерживание его подъема, которая также может вылиться в стратегический конфликт между двумя странами.

Поэтому Китаю крайне необходимо обеспечить мир и стабильность на остальных стратегических направлениях. Таким образом, сформировалось концептуальное различие между стратегическим фронтом и тылом китайской внешней политики, хотя в современных условиях подобное разделение уже не столь однозначно и просто, как в недалеком прошлом. Центральная Азия соприкасается с северо-западом Китая. Здесь имеется протяженный участок границы. Это относительно самостоятельный геополитический регион в ближайшем окружении Китая, он образует основную составляющую северо-западного стратегического направления КНР. В соответствии с особенностями стратегических интересов Китая и геополитическим положением Центральноазиатского региона последний можно рассматривать в качестве стратегического тыла КНР. Только такое положение дел, при котором Центральная Азия действительно будет являться стабильным тылом Китая, сможет в полной мере соответствовать стратегическим интересам КНР.

Для этого необходимы следующие условия. Во-первых, окончательное решение пограничных споров Китая и стран Центральной Азии (эта задача уже полностью решена), поддержание обстановки мира и безопасности в пограничных районах. Данное условие является основополагающим для развития отношений Китая со странами региона. Этот вопрос также окончательно решен. Во-вторых, необходимо создать условия для формирования дружественного внешнеполитического курса государств Центральной Азии по отношению к Китаю и сформировать добрососедские двусторонние отношения между Китаем и этими странами. Наконец, необходимо не допустить попадания Центральной Азии под контроль любой державы или союза государств, враждебно относящихся к Китаю. Все эти задачи определяют новые базовые принципы и цели внешнеполитического курса, проводимого Китаем в отношении стран Центральной Азии.

Развитие экономического сотрудничества со странами Центральной Азии и превращение ее в один из основных источников импорта энергии. Региональная экономическая кооперация представляет для Китая широкий экономический интерес. От сотрудничества со странами Центральной Азии наибольшие выгоды получают северо-западные районы Китая и прежде всего Синьцзян-Уйгурский автономный район¹⁶. Северо-западные районы находятся на значительном удалении от развитой в экономическом отношении приморской зоны КНР, а страны Центральной Азии — их непосредственные соседи. Экономические связи Северо-Запада с восточными районами Китая характеризуются определенными сложностями, связанными с большой удаленностью, а Центральная Азия — его близкий и естественный партнер. Это важный фактор экономических интересов Китая в Центральноазиатском регионе.

Энергетика — важнейшая составляющая экономического сотрудничества Китая со странами Центральной Азии. Гарантия надежного энергетического снабжения быстро развивающейся экономики КНР является долгосрочной задачей, имеющей стратегически важное значение. Китай стал импортером нефти в 1993 г. С тех пор размеры его импорта нефтепродуктов непрерывно возрастают. С 1997 по 2003 гг. страна ежегодно импортировала сырой нефти соответственно 35,47, 27,32, 36,61, 70,26, 60,25, 69,40, 91,12 млн т. Объем импорта нефти в 2002 г. вдвое превысил показатель 1997 г. В 2004 г. импорт сырой нефти превысил 100 млн т, что почти в три раза больше, чем в 1997 г. Сейчас в обеспечении своих потребностей в энергоресурсах Китай в очень большой степени ориентируется на внешний рынок. Его энергетическая зависимость от внешнего рынка стабильно превышает 50%.

В настоящее время 50% импорта сырой нефти в стране приходится на Ближний Восток, несколько более 22% поступает из Африки. Таким образом, совокупная доля ближневосточного и африканского рынков в импорте нефти превышает 70%, что, конечно, очень много¹⁷. С учетом нестабильности, которая свойственна этим двум

регионам, и принимая во внимание риск, связанный с дальними морскими маршрутами, такое положение содержит потенциальную угрозу стабильности поставок энергоресурсов в КНР. Поэтому обеспечение энергетической безопасности — задача стратегической важности. Речь идет не о том, чтобы уменьшить импорт энергоносителей с Ближнего Востока и из Африки, скорее всего они останутся важнейшими импортерами нефти в Китай и в будущем. Требуется найти новых импортеров, чтобы диверсифицировать основные энергетические источники и создать более рациональную структуру импорта энергии. Таким образом Китай сможет уменьшить риски и гарантировать относительно стабильные поставки энергии.

Россия и Центральная Азия являются самыми перспективными партнерами для Китая. Китай и Россия начали обсуждать строительство нефтепровода «Ангарск — Дацин» еще в 1994 г. по инициативе российской стороны. Это был первый крупный объект сотрудничества между двумя странами в сфере энергоресурсов. Если бы удалось успешно реализовать планы по сооружению этого нефтепровода, ежегодный объем импорта нефти из России в Китай до 2010 г. мог бы превысить 20 млн т. При прогнозируемом общем ежегодном объеме импорта Китая приблизительно 150 млн т российская доля только по этому проекту составила бы около 15%. Но, несмотря на многолетние работы и многочисленные заявления двух правительств и глав государств, Россия отказалась от него и решила строить нефтепровод «Тайшет — Находка». Это не означает, что Россия перестанет быть одним из важных источников импорта нефти для Китая, но ясно, что сотрудничество двух стран по этому вопросу пойдет по другому варианту. Пока неясно, будет ли строиться нефтепровод-ответвление в Китай.

Сотрудничество в области импорта энергоресурсов со странами Центральной Азии, особенно с Казахстаном, тоже имеет большое значение для Китая. Если бы ежегодный объем импорта нефти из региона составил 10—20 млн т, его доля составила бы около 10%. После обеспечения стабильных поставок нефти из России и стран Центральной Азии Китай мог бы считать проблему диверсификации долгосрочного обеспечения энергоресурсами в большой степени решенной, тем самым значительно уменьшив свою зависимость от рисков, связанных с нестабильностью международной обстановки. В основном был бы сформирован компенсирующий вариант обеспечения энергоресурсами. Однако до настоящего времени эти проблемы не решены. В китайско-российском сотрудничестве в области энергоносителей факторы неопределенности слишком велики, Центральная Азия также еще не стала крупным поставщиком энергоресурсов в Китай. То количество нефти, которое Китай в настоящее время ввозит из Центральной Азии, никак не назовешь стратегическим объемом. Импорт нефти из Центральной Азии в 2003 г. составил лишь около 2 млн т. Но ситуация меняется в желаемую сторону.

В 1997 г. Китай и Казахстан подписали соглашение о сооружении нефтепровода общей протяженностью более 3 тыс. км от г. Алашанькоу на китайской территории до побережья Каспийского моря в Казахстане. Планировалось завершить его в 2005 г. Однако оказалось, что затраты на строительство не окупятся объемами перекачиваемой нефти, и проект был отложен. В июне 2003 г. во время визита в Казахстан председателя КНР Ху Цзиньтао было решено продолжить строительства. Оно должно быть завершено в три этапа. Первая очередь нефтепровода протяженностью 449 км от Атасу до Кенкияка уже построена. В сентябре 2004 г. началось строительство второй очереди от Алашанькоу до казахстанского поселка Атасу. Общая длина этого участка — 1300 км, завершить строительство планируется в 2005 г. После этого начнется сооружение третьей, завершающей очереди от Атасу до Кенкияка. В случае успешного ввода нефтепровода в строй по нему уже на первом этапе будет ежегодно перекачиваться 10 млн т нефти. В дальнейшем этот показатель будет увеличен до 20 млн т и более. Таким образом, уже в недалеком будущем Казахстан может стать одним из крупнейших партнеров Китая в области энергетического сотрудничества. В последние годы нефтедобыча в Казахстане уверенно растет, эта тенденция наверняка сохранится и в будущем, что создаст необходимые предпосылки для обеспечения бесперебойных поставок¹⁸.

Внедрение Китая в Центральноазиатский регион является естественным результатом обретения независимости государствами Центральной Азии. После того как эти страны сделали самостоятельными, Китай стал пользоваться определенным влиянием в регионе. Во-первых, это объясняется географической близостью. Пограничный вопрос — важнейший во взаимоотношениях между Китаем и странами Центральной Азии. Эти государства получили независимость как раз во время китайско-советских переговоров по пограничным вопросам. Во-вторых, после решения проблем границ сохранились тесные контакты между Китаем и центральноазиатскими республиками в сфере обеспечения безопасности в пограничных районах. В-третьих, национальные меньшинства северо-западных районов КНР тесно связаны с Центральной Азией в этнической, религиозной, культурной, исторической и прочих сферах. В этом плане между Китаем и Центральной Азией тоже образовались определенные специфические взаимоотношения. В-четвертых, в история Китая и Центральной Азии много общего. За последние полвека в естественных связях Китая и этих стран произошел разрыв. Но сложившиеся отношения оказались настолько прочны, что они не были разорваны вовсе, а лишь глубоко законсервировались. Когда страны региона обрели независимость, историческая память стимулировала сближение Китая и Центральной Азии. Великий шелковый путь

начал восстанавливаться в умах людей. Все указанные причины привели к тому, что сразу после выхода центральноазиатских государств на международную арену Китай естественным образом оказался державой, приобретшей значительное влияние в регионе.

По экономическому положению центральноазиатские страны в бытность свою в составе Советского Союза относились к сравнительно отсталым территориям. После распада СССР и разрыва экономических связей на всем постсоветском пространстве начался экономический крах. Так как экономическая основа центральноазиатских республик и без того была слаба, последствия кризиса для жизни народов этих стран оказались наиболее глубокими, происходило обнищание населения. В такой обстановке товары китайского производства благодаря низкой цене стали активно распространяться на центральноазиатском рынке, превратившись в очень важный источник удовлетворения потребностей простых людей. Постепенно набрала силу торговля Китая с центральноазиатскими странами, особенно в приграничных районах. Развитие торгово-экономических связей стало важным каналом вхождения КНР в Центральную Азию. По мнению директора Института стратегических исследований при президенте Казахстана М. Ашимбаева, именно торговля потребительскими товарами позволила Китаю укрепиться в Центральноазиатском регионе¹⁹.

В середине 1990-х годов после захвата власти в Афганистане талибами возникла серьезная угроза безопасности и суверенитету центральноазиатских стран. Деструктивная деятельность террористов, сепаратистов и экстремистов стала угрожающе нарастать. Это привело к формированию угроз для России, Китая и центральноазиатских государств. Как уже указывалось, после завершения переговоров по вопросам пограничной безопасности между Китаем, Россией и тремя государствами Центральной Азии для продолжения переговоров и противостояния террористической угрозе в 1996 г. была образована «Шанхайская пятерка», ставшая важной для Китая структурой в аспекте обеспечения собственной безопасности. В 2001 г. «Шанхайская пятерка» была реорганизована в региональную организацию сотрудничества. Образование ШОС означало прогресс в стратегической политике Китая в регионе, прорыв в развитии дипломатических отношений со странами Центральной Азии. ШОС предоставила Китаю структурное обеспечение безопасности, обеспечила институциональную основу для его участия в центральноазиатских делах, сформировала платформу для развития сотрудничества со странами Центральной Азии. Создание ШОС также означало достижение стратегического согласия между Китаем и Россией. Сформировался стратегический баланс между двумя великими державами. Оба государства признали интересы друг друга в регионе и установили отношения стратегического сотрудничества.

После событий 11 сентября 2001 г. режим талибов покинул политическую арену. Американские войска вошли на территорию Центральной Азии. В сфере безопасности и в геополитической обстановке произошли огромные изменения. Они в особенности проявились в неожиданном тесном сотрудничестве между Россией и США в Центральной Азии, а также в том, что государства региона потянулись к США, и влияние этой страны значительно возросло. Эти перемены существенно воздействовали на положение Китая в Центральной Азии. По мнению многих аналитиков, после 11 сентября роль ШОС как структуры, обеспечивающей региональную безопасность, резко уменьшилась, в значительной степени прекратился рост влияния Китая в регионе, наметилось серьезное неблагоприятное изменение его стратегических позиций. По оценкам профессора Ю. Рюмера, «...до событий 11 сентября Китай был полномочным представителем в регионе. В настоящее время Китай обнаружил, что его действия и полномочия здесь значительно ограничены, в результате чего он оказался в подвешенном состоянии. Теперь он может выступать только на вторых ролях, не претендуя на исполнение главной роли в происходящих здесь событиях... Независимо от того, какую пользу может Китай извлечь из действий американских войск, поражение талибов, несомненно, нанесло удар и по уйгурским сепаратистам, что благоприятно сказывается на обстановке в КНР. Тем не менее преимущества, которые получила здесь Америка, являются серьезным уроном для Китая, который претендует на статус сверхдержавы азиатского континента»²⁰.

Конечно, перемены в Центральной Азии после 11 сентября были для Китая неожиданными. Тем не менее, как бы странно это ни звучало, шок, произведенный этими событиями в КНР, равно как и собственная оценка Китаем своего положения в регионе после этих событий, отнюдь не настолько пессимистичны, как предполагают некоторые теоретики. Причины столь противоречивых оценок заключаются в том, что западные ученые рассматривают китайско-американские отношения в основном в геополитическом аспекте, главным образом учитывая положение государств с точки зрения конкуренции. Китай же, несмотря на значительное внимание, которое он уделяет геополитическим факторам, не рассматривает свои отношения с США как отношения естественной конкуренции и противостояния. Тем более Китай не принимает каждое соприкосновение интересов двух стран в любом регионе и в любых условиях как столкновение, естественно вытекающее из конкуренции между ними. Кроме того, западные исследователи имеют довольно специфическое представление о стратегических интересах Китая в Центральной Азии, что не всегда приводит к точным оценкам позиции Китая по отношению к этому региону. Многие считают,

что целью КНР в Центральной Азии является установление контроля над этим регионом. В действительности Китай не преследует такую цель, он не стремится к стратегическому господству, поэтому не так остро реагирует на резкие перемены, произошедшие в регионе после 11 сентября. Китай достаточно спокоен и уверен в своих позициях. События 11 сентября действительно поставили его в новые геополитические условия в Центральной Азии, причинили серьезный ущерб его позициям, но его стратегическое положение в регионе коренным образом от этого не пострадало. Отношения Китая с Россией не изменились в результате улучшения отношений между Россией и США. Не было заметного ущерба и отношениям Китая со странами Центральной Азии. Вопреки прогнозам некоторых аналитиков ШОС не развалилась, а продолжает существовать и развиваться. Кроме того, шоковые реакции, вызванными событиями 11 сентября, имели временный характер. Они пройдут. Благодаря своему географическому, геополитическому, экономическому положению в более отдаленной перспективе Китай не просто останется в Центральной Азии — его влияние в регионе будет расти.

Интересы и положение России в Центральной Азии

Интересы России в Центральной Азии достаточно сложны. С одной стороны, их формирование происходило в непростых исторических, культурных и идеологических условиях. С другой стороны, Россия и страны региона по-прежнему находятся на стадии политического и экономического реформирования и трансформации. После того как республики Центральной Азии получили независимость, возникла проблема определения Россией отношений с ними. Этот процесс пока окончательно не завершен и находится в развитии.

Становление интересов России в Центральной Азии непосредственно связано с историческими факторами, и это в значительной мере объясняет, почему они не всегда определяются соображениями непосредственной выгоды и во многом зависят от эмоциональных и психологических аспектов. Иными словами, эти интересы лишь отчасти можно рассматривать как практические, они во многом неопределенны и неосязаемы и, конечно, не в полной мере осуществимы.

Основа российских интересов — стремление к сохранению особых отношений между Россией и Центральной Азией в политической, экономической, оборонной, культурной и даже языковой сферах. Конечная цель российской политики в регионе состоит в интеграции в экономике, политике и обеспечении безопасности. Ранее все центральноазиатские государства были частью Советского Союза, теперь они члены СНГ, «ближнее зарубежье» для российской дипломатии, являясь самым приоритетным направлением российской дипломатии. Это четко следует из первых двух основополагающих внешнеполитических документов, появившихся при президенте В. Путине, — «Концепции национальной безопасности Российской Федерации» и «Концепции внешней политики Российской Федерации», подписанных им соответственно 10 января и 28 июня 2000 г. Такой же вывод следует сделать и из посланий президента Федеральному собранию 2000—2005 гг., хотя там используется термин «СНГ» вместо «ближнего зарубежья». С точки зрения стратегических представлений «ближнее зарубежье» — последний рубеж стратегического отступления России после ее ухода с традиционно подконтрольных зарубежных территорий и из Восточной Европы. Потеряв «ближнее зарубежье», Россия лишится последних буферных зон, и ее стратегическая оборонительная линия будет проходить по государственной границе. «Ближнее зарубежье» также является важной базой возможного возрождения России. Восстановление ее стратегического влияния должно начаться именно отсюда. В настоящее время «ближнее зарубежье» — это главная сцена, где идет самая активная конкуренция между Россией, с одной стороны, и США и Западом — с другой. Можно сказать, что часть «ближнего зарубежья» Россия уже потеряла и в определенном смысле эта часть стала «ближним зарубежьем» для НАТО и Европы. Но Центральная Азия остается более стабильным регионом по отношению к России. Это только усиливает ее значимость для российской дипломатии.

За время более чем полуторавекового правления России в Центральной Азии, особенно в течение продлившегося свыше 70 лет советского периода, сложилась определенная близость между Россией и республиками региона в политике, экономике, военной сфере, культуре, языке, общественной жизни и идеологии. В результате в России сформировались особые чувства и представления, связанные с этими странами. Это сказывается и на осознании интересов России в Центральной Азии. Многие русские сейчас, уже более чем через десять лет после обретения странами региона независимости, по-прежнему не склонны рассматривать отношения с ними как с равноправными независимыми государствами²¹. Российские политические круги рассматривают Центральную Азию в большей или меньшей степени как особую часть России.

Тем не менее эти интересы базируются на концептуальной основе, которая является наследием прошлого. Поэтому, хотя такая концепция отражает в целом действительное отношение России, она в известной степени уже не

соответствует реальной обстановке. Изменения концепции, как правило, вытекают из практики, но бывает, что они отстают от жизни. В Центральноазиатском регионе произошли огромные изменения, этот процесс продолжается. Россия постепенно, медленно, но неизбежно пересмотрит подход к странам Центральной Азии, что, несомненно, отразится и на интересах, которые она там преследует.

Главное место в текущих интересах России занимают вопросы безопасности. Они особенно актуальны в условиях слабости нынешнего российского государства. Центральная Азия имеет многоуровневое значение для российской безопасности. Одна из проблем — угроза России со стороны международного терроризма и религиозного экстремизма. Центральная Азия близко расположена к Кавказу и южным районам России, в которых сосредоточена основная масса ее 20-миллионного мусульманского населения. Сочетание таких факторов, как географическая и религиозная близость, сходство национального состава и слабость государственного контроля, позволяет международным террористам и религиозным экстремистам легко просачиваться (духовно и материально) через Центральную Азию на Кавказ и в южные районы России. Афганистан, Центральная Азия и Кавказ — части одной нестабильной полосы. Чеченская проблема, одна из самых трудноразрешимых для России, связана как с внутренними, так и с внешними факторами, к числу которых относится поддержка сепаратистов со стороны международного терроризма.

Существуют два основных канала, по которым международный терроризм проникает в Россию. Один из них проходит через Закавказье, другой — через Центральную Азию. Контрабанда наркотиков из Центральной Азии также представляет серьезную угрозу безопасности. Этот регион примыкает к Афганистану, одному из самых продуктивных в мире источников наркотиков. Здесь, в «золотом полумесяце», производится до 70% опиума и огромное количество героина. Часть этих наркотиков по «северному маршруту» через Центральную Азию попадает в Россию. Затем они частично переправляются в Европу, но значительный объем реализуется и в России и образует основной источник незаконной реализации наркотических средств в стране. Проблема наркотиков в современном российском обществе уже стала острой и продолжает усугубляться. Россия в настоящее время рассматривает ее как угрозу национальной безопасности.

Третьим уровнем государственных интересов России в Центральной Азии, связанных с проблемами безопасности, является региональная стабильность. Все пять новых государств региона — близкие соседи России. Государственная власть там еще не окрепла, экономическое положение остается сложным. Велико социальное расслоение, создающее благоприятную почву для терроризма и экстремизма. В регионе присутствует множество неявных факторов нестабильности. Все это оказывает непосредственное влияние на Россию. Кроме того, поскольку между Центральной Азией и Россией существуют особые отношения и связанные с ними обязательства сторон, беспорядки в этих странах, вполне вероятно, могут повлечь прямое вмешательство России, что ляжет на нее тяжелым политическим и экономическим бременем. Такое развитие событий, конечно, крайне нежелательно для российских властей.

Наконец, в сфере безопасности России входит поддержание Центральной Азии в качестве своего «заднего двора», что подразумевает недопущение попадания региона под контроль другой великой державы, равно как и создания геополитической стратегической угрозы интересам России. После событий 11 сентября 2001 г. Россия допустила размещение военной группировки США в Центральной Азии для свержения талибов в Афганистане, что способствовало устранению или по крайней мере уменьшению угрозы со стороны международного терроризма и соответствовало интересам ее государственной безопасности. В тех условиях Россия при всем желании не смогла бы воспрепятствовать вводу американских войск в Центральную Азию. США создали военные базы на территории Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. Тем не менее Россия выражает надежду, что военное присутствие Соединенных Штатов не будет долгосрочным²². После разгрома талибов положение дел с безопасностью в Центральной Азии изменилось к лучшему. Силам террористов был нанесен непоправимый ущерб. Несмотря на это, в октябре 2003 г. Россия создала в Киргизии свою военную базу, на которой дислоцируются боевые самолеты. Это нельзя расценивать иначе как явное проявление стремления укрепить геополитическое влияние в регионе и воспрепятствовать получению другой великой державой стратегических преимуществ.

Экономические интересы России в Центральной Азии имеют вполне практический характер. Главный из них — не простое наращивание объемов товарооборота, а удержание экономики стран региона в русле российской экономической системы, достижение их интеграции с Россией. Абсолютные объемы внешней торговли России с центральноазиатскими государствами невелики, но она по-прежнему является их важнейшим торговым партнером. Самый высокий товарооборот с Россией имеет Казахстан — примерно 4,5 млрд долл. в год. Годовой товарооборот между Россией и другим крупным государством Центральной Азии, Узбекистаном, составляет около 1 млрд долл. Экономика других стран региона слабее, соответственно мал и абсолютный объем товарооборота между ними и Россией. Тем не менее, будучи прежде частью Советского Союза, а теперь СНГ, страны Центральноазиатского региона подвержены наиболее значительному влиянию экономики России, являясь естественным продолжением ее

экономического пространства. В то же время они представляют собой потенциальную опору для восстановления и расширения экономики России. Одной из целей, постоянно преследуемых Россией, является создание и сохранение единого экономического пространства СНГ. Несмотря на то что экономические связи России со странами Центральной Азии во многом ослабели более чем за десятилетие, они по-прежнему продолжают поддерживать очень тесные отношения и имеют наибольшую перспективу для вхождения в единое экономическое пространство, создаваемое Россией. Центральноазиатский регион располагает богатыми природными ресурсами и запасами полезных ископаемых. Здесь в больших объемах производятся нефть, природный газ, золото, хлопок и т. п. Вместе с тем Центральная Азия — это рынок сбыта российской техники и промышленных товаров, а также источник некоторых ресурсов, в которых Россия испытывает недостаток, — хлопка, овощей, продуктов питания и т. п.

Другая область экономических интересов России в Центральной Азии связана с энергией. Регион очень богат нефтью и природным газом, но пути их транспортировки раньше полностью контролировались Россией. Используя свои преимущества географического положения и контроля над объектами капитального строительства, Россия практически полностью монополизировала транспортировку энергоносителей из Центральной Азии, что обеспечивает ей мощный рычаг воздействия на политику стран региона и огромную экономическую выгоду. Центральная Азия заинтересована в диверсификации транспортировки своих энергоносителей. С появлением альтернативной сети транспортных трубопроводов Россия, с одной стороны, понесет экономический ущерб от сокращения объемов транспортируемых с Каспия природного газа и нефти, с другой — потеряет часть влияния в регионе. Россия сначала негативно относилась к стремлению центральноазиатских стран найти альтернативные маршруты транспортировки энергоносителей и пыталась предпринять ограничительные меры. Но после прихода к власти В. Путина произошел переход к активному курсу, политике сотрудничества между странами. Главным инструментом контроля стали сотрудничество и разработка совместных проектов. Участие России в проекте добычи и транспортировки каспийских энергоносителей стало ее новым экономическим интересом.

В Центральной Азии проживает большое количество русских, что также обуславливает особые интересы России. После распада СССР в бывших советских республиках осталось примерно 20 млн русских, из них около половины проживали на территории Центральной Азии: в Казахстане — 6 млн, в Узбекистане — 1,66 млн, в Киргизии — 910 тыс., в Таджикистане — 390 тыс., в Туркмении — 340 тыс. Русские в Центральной Азии составляли 20% населения, а в некоторых странах, например, в Казахстане, их численность даже превышала число жителей коренной национальности²³. В течение последнего десятилетия многие русские покинули Центральную Азию, но значительное их количество по разным причинам осталось. Сейчас во всех странах Центральной Азии проживает более 6 млн русских, т. е. примерно 12% населения²⁴. Обеспечение прав и равного положения русских в этих странах делается все более важной составляющей государственной политики России, становясь отдельным направлением ее интересов. В то же время многочисленное русское население также становится связующим звеном в развитии отношений с Центральной Азией и эффективным средством расширения влияния России.

Рассматривая процесс в целом, можно сравнить положение России и Китая в Центральной Азии и определить, какие изменения произошли после распада Советского Союза. Если, например, значение Китая в регионе, где он прежде практически отсутствовал, постепенно возрастает, то Россия, напротив, в этом отношении переживает регресс, она все более утрачивает свое некогда безраздельное влияние. Этот процесс представляется вполне естественным. Во времена СССР регион полностью входил в сферу его интересов. Присутствие там других государств было исключено. После получения государствами Центральной Азии независимости Россия утратила монополию, но влияние других стран в регионе долгие годы оставалось практически нулевым. Сейчас они начали внедряться в Центральную Азию. В политическом аспекте безраздельное господство России закончилось. Центральноазиатские государства стремились к независимости и пытались всеми силами освободиться от российского контроля. Туркмения объявила о курсе активного нейтралитета, Узбекистан старался держаться от России на определенной дистанции. Россия была вынуждена вывести все свои воинские контингенты из стран региона за исключением Таджикистана. В экономическом отношении уровень сотрудничества России со странами Центральной Азии неуклонно снижался. В таких областях, как религия, культура и идеология, центральноазиатские народы в основном вернулись к исламу, который вытеснил российскую культуру из повседневной жизни. Русский язык, хотя он по-прежнему повсеместно распространен, утратил статус государственного. Русские в массовом порядке потеряли государственные и общественные руководящие должности и были заменены представителями коренных национальностей. Они перестали быть приоритетной нацией. При этом по различным причинам, связанным с изменениями социальной обстановки, многие из них уезжали в Россию. Вот один из комментариев российской прессы: «В России даже и сейчас сохраняется нестабильная политическая обстановка, непривлекательное экономическое положение, образ жизни и жизненный уровень большинства населения отнюдь не вызывает восторга и зависти у населения среднеазиатских государств, культура и образование на низком уровне. И наконец, даже российские вооруженные

силы уже далеко не являются предметом гордости и примером для подражания»²⁵. Все это также стало естественной причиной сокращения российского влияния в Центральной Азии.

Непрерывное ухудшение положения России в Центральной Азии и падение ее авторитета продолжались до конца 1990-х годов, после чего начались изменения. В 2000 г. к власти пришел В. Путин, после чего Москва стала уделять больше внимания СНГ и, соответственно, Центральной Азии. Произошла также корректировка стратегического курса. Россия повернулась лицом к Центральной Азии и стала проводить по отношению к региону более взвешенный курс, уменьшила свое давление. Прямой силовой прессинг был заменен сочетанием принципиальной твердости и гибкости, направленной на то, чтобы сделать Россию привлекательной для центральноазиатских стран. Были изменены применявшиеся до тех пор жесткие прямолинейные методы. Произошло перемещение центра тяжести от подталкивания к всесторонней интеграции в рамках СНГ к двустороннему и многостороннему сотрудничеству.

Все это принесло свои плоды. Начиная с 2000 г. в российском присутствии в Центральной Азии намечается тенденция роста, началось развитие двусторонних отношений. Особенно заметное потепление произошло в отношениях с Туркменией и Узбекистаном. В мае 2002 г. В. Путин посетил эти страны. Было подписано соглашение о закупках туркменского природного газа, а также о его транспортировке по российским газопроводам в объеме 50 млрд куб. м. С Узбекистаном было подписано 28 соглашений в области военно-технического сотрудничества. Россия, используя рычаги экономической выгоды и активного сотрудничества, побудила страны Центральной Азии вновь повернуться к ней лицом. Организация Договора о коллективной безопасности под руководством России получила реальное развитие. В области экономического сотрудничества Россия также начала восстанавливать свои позиции. В мае 2000 г. главы России, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и Таджикистана подписали соглашение о преобразовании Таможенного союза в Евразийское экономическое сообщество, что обозначило начало процесса интеграции экономических систем России и центральноазиатских стран. В мае 2001 г. страны ОДКБ, в том числе Россия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан, достигли соглашения о формировании сил быстрого реагирования, что свидетельствовало о новом этапе развития сотрудничества между Россией и другими членами СНГ в военной области. Большую роль в увеличении влияния России в регионе сыграла и ШОС. Даже Узбекистан, который всегда отличался достаточно прохладным отношением к многостороннему сотрудничеству, вступил в эту организацию. Развитие ШОС способствует восстановлению влияния России в регионе. Организация стала дополнительным мостом, соединившим Россию со странами Центральной Азии и предоставившим им возможности для более широкого общения.

Перемены после 11 сентября 2001 г., несомненно, стали значительным испытанием для стратегического статуса России в Центральной Азии. Многие исследователи полагают, что Россия осталась в самом большом выигрыше от последствий этих событий: американцы совершили за русских то, чего те сами давно хотели, но не могли сделать, т. е. ликвидировали режим талибов, который представлял серьезную угрозу безопасности России²⁶. Тем не менее события, происходившие в Центральной Азии после 11 сентября, и связанные с ними перемены причинили России ощутимый ущерб с точки зрения стратегического положения. В противном случае не было бы столь негативной реакции российских элит в связи с изменившейся обстановкой. После того как начали разворачиваться основные события, российские власти опубликовали заявление из пяти пунктов в поддержку США, среди прочего они не возражали против ввода американских войск в регион для разгрома талибов. Россия сделала этот шаг, взвесив все плюсы и минусы. При этом следует заметить, что при всем желании Россия не смогла бы воспрепятствовать вводу американских войск в Центральноазиатский регион. Особенно ничего не могла она поделать с тем, что Узбекистан предоставил США свою территорию для размещения военных баз. Создание американских военных баз в Центральной Азии имеет глубокое значение для России. Это положило конец концепции единоличного права России размещать там войсковые контингенты; таким образом, было покончено с монопольным российским военным присутствием в регионе. Можно сказать, что после этих событий уже не существует российских зон интересов, в которые Америка не осмелилась бы войти. После 11 сентября центральноазиатские страны в той или иной степени повернулись к США. Это также ослабило российские позиции, которые, казалось бы, только начали укрепляться. Несмотря на то что США не дали официальных гарантий безопасности Центральноазиатского региона, само присутствие американских войск в регионе предоставило странам Центральной Азии новый выбор и новую опору в обеспечении безопасности. Это также ослабило роль России как гаранта безопасности региона, особенно уменьшив значение Организации Договора о коллективной безопасности.

Тем не менее, несмотря на то, что стратегическое присутствие и влияние России в регионе неуклонно снижаются, а также на серьезные последствия перемены обстановки после событий 11 сентября, она все-таки остается государством, влияние которого в Центральной Азии по-прежнему остается весьма глубоким.

Россия правила Центральной Азией больше полутора веков. Ее влияние на политические, экономические, военные и культурные отношения между странами региона слишком глубоко, чтобы его было легко нейтрализовать.

Русские знают Центральную Азию лучше, чем любой другой народ. Ведущие социальные слои центральноазиатских стран получили советское образование и до сих пор продолжают получать образование в России. Образованное население Центральной Азии говорит по-русски, слушает русскоязычное радиовещание, смотрит российское телевидение, знает российских политиков и общественных деятелей. У многих в России есть родственники и друзья. Россия, образно выражаясь, для центральноазиатских стран не только близкий сосед, но и дальний родственник. Социальная жизнь народов Центральной Азии тесно связана с российским обществом. У руководителей государств региона не существует языковых барьеров в общении с российскими руководителями, они хорошо понимают друг друга, могут непосредственно общаться в любой области на любом уровне. В этом отношении с Россией не может сравниться ни одна великая держава. Несмотря на то что образованная общественность центральноазиатских стран все больше изучает и использует английский язык, место, которое в социальном общении занимает русский язык, он не утерпит еще долгие годы. Хотя доля торговли со центральноазиатскими странами во внешнеторговом обороте России снижается, она по-прежнему остается их важнейшим внешнеторговым партнером. Россия имеет наибольшую долю во внешнеторговом обороте Узбекистана (16%). Россия также крупнейший торговый партнер Казахстана, занимая в его внешнеторговом обороте около 35%. Несмотря на то что страны Центральной Азии возлагают большие надежды на развитие экономических связей с западными государствами, основным потребителем и рынком сбыта производимых ими товаров по-прежнему является Россия. Главное богатство центральноазиатских государств — природные ресурсы. А контроль над транспортными артериями по-прежнему в основном остается у России. Туркменский природный газ и нефть из Казахстана поступают на международный рынок по трубопроводам, проходящим через российскую территорию, и эта ситуация не изменится до ввода в эксплуатацию трубопровода «Баку — Тбилиси — Джейхан». В вопросах безопасности и обороны центральноазиатские страны до сих пор во многом опираются на Россию. Таджикскую границу по-прежнему охраняют российские пограничники, офицеры центральноазиатских государств проходят подготовку в России, вооружение и военная техника этих государств также в основном российского производства, их поставки, помимо всего прочего, в рамках Организации Договора о коллективной безопасности выполняются по льготным ценам. Россия в Центральной Азии представлена двумя организационными структурами, в которых она занимает ведущее положение, — Евроазиатским экономическим сообществом и Организацией Договора о коллективной безопасности. Это связующие стержни российской и центральноазиатской интеграции.

Очевидно, что обстановка, возникшая в регионе после 11 сентября 2001 г., стимулировала решимость России сохранить и укрепить свое стратегическое присутствие в Центральной Азии. После определенного периода колебаний Россия начала принимать меры по расширению своего присутствия в регионе. Американский исследователь М. Олкотт считает, что ввод войск США в Центральную Азию еще более укрепил основания для наращивания там Россией своего присутствия. Россия убеждала центральноазиатские страны, что усиление ее влияния не имеет гегемонистской подоплеки, а направлено только на поддержание баланса сил в регионе²⁷. В качестве путей достижения своей цели Россия рассматривала усиление Организации Договора о коллективной безопасности, ускорение развития Евроазиатского экономического сообщества параллельно с повышением уровня двусторонних отношений с государствами Центральной Азии. В мае 2002 г. под руководством России статус участников Договора о коллективной безопасности был официально повышен до региональной организации, которая приобрела структурные формы. 23 октября 2003 г. от имени ОДКБ в Киргизии была сформирована база ВВС в Канте, которая стала первой российской военной базой, созданной на территории Центральной Азии после распада СССР.

Президенты В. Путин и А. Акаев участвовали в церемонии открытия базы. База в Канте находится всего в 30 км от военной базы США в Манасе. На ней в начальный период будет дислоцироваться 15 боевых самолетов и 500 военнослужащих²⁸. По словам министра обороны России С. Иванова, в дальнейшем состав базы будет увеличен до 20 самолетов и 700 военнослужащих. В июне 2004 г. на совещании в верхах Организации Договора о коллективной безопасности, проходившем в Алма-Ате, было принято решение о подготовке к формированию коллективных сил по поддержанию мира. В октябре 2004 г. Россия подписала с Киргизией соглашение о бессрочном использовании своей военной базы в Киргизии. Было также заключено соглашение о создании военной базы в Таджикистане, и 17 октября 2004 г. она была официально открыта.

Двусторонние отношения России и государств Центральной Азии также получили развитие после событий 11 сентября. Особенно следует отметить заметное улучшение ее отношений с Узбекистаном и Туркменией. В апреле 2003 г. Россия и Туркмения подписали соглашение о сотрудничестве в области энергоносителей на 25 лет. Заключение долгосрочного соглашения с Россией имеет не только большое экономическое, но и огромное политическое значение. Еще больше внимание общественности привлекли процессы, происходившие в области развития отношений между Россией и Узбекистаном. Узбекистан всегда держался на определенной дистанции, проводя независимый внешнеполитический курс. Узбекистан вышел из Организации Договора о коллективной безопасности в 1999 г.,

он не вошел в Евроазиатское экономическое сообщество. После прихода к власти в России В. Путина в российско-узбекских отношениях наметились положительные изменения. После некоторого периода неопределенности начиная с 2003 г. эти отношения стали быстро развиваться. Наметился явный прогресс в политическом, экономическом и военном сотрудничестве. Декларация об установлении стратегических партнерских отношений между Узбекистаном и Россией, принятая в июне 2004 г., имела огромное значение для политического имиджа связей между двумя странами. Россия и Узбекистан подписали два больших соглашения о сотрудничестве в области энергоресурсов, а также соглашение о сотрудничестве в военно-технической области. В июле 2004 г. президенты В. Путин и И. Каримов на встрече в Крыму договорились о подготовке совместных военных учений. Кроме того, в июне 2004 г. Россия вступила в Центральноазиатскую организацию сотрудничества, став ее официальным членом.

Эти изменения в российско-узбекских отношениях имеют глубокий смысл. Они свидетельствуют, что у России и Узбекистана появились новые точки соприкосновения. Потребности и интересы России очевидны. Что же касается Узбекистана, его заинтересованность может заключаться в следующем. Во-первых, исходя из сбалансированного внешнеполитического курса, Узбекистан рассчитывает на поддержание баланса между великими державами в Центральной Азии. Одностороннее усиление позиций любого государства в регионе приведет к нарушению баланса сил, что принесет Узбекистану больше проблем, чем выгод. С другой стороны, Узбекистан сознает, что, несмотря на то что Америка обеспечивает его внешнюю безопасность и оказывает экономическую поддержку, ее присутствие таит скрытую угрозу его суверенитету. После «революции роз», которая произошла в Грузии в 2003 г. при поддержке США, Узбекистан не мог игнорировать эту угрозу. Во-вторых, российско-узбекское сотрудничество в области энергоносителей, а также в военно-технической области, несомненно, является существенным подспорьем для экономики Узбекистана. Природные ресурсы — главная продукция республики. Предприятия военной промышленности Узбекистана представляют собой часть системы военно-промышленного комплекса бывшего Советского Союза. Без участия России цепочка производства и реализации военно-технической продукции Узбекистана будет разорвана. Ожидается, что военно-техническое сотрудничество двух стран позволит восстановить работу военной промышленности Узбекистана. В-третьих, после некоторого затишья в Узбекистане стал поднимать голову терроризм. В марте — апреле 2004 г. в Ташкенте и Бухаре впервые после 11 сентября прогремели два взрыва. Это означает, что террористическая угроза для Узбекистана вновь возросла. В июле 2004 г. в Ташкенте вновь были совершены три террористических акта. Узбекистану для обеспечения государственной безопасности необходимо сотрудничество с великими державами, особенно с находящимися в Центральной Азии. И в-четвертых, Узбекистан — самый активный стимулятор Центральноазиатской организации сотрудничества, целью которой является объединение всего региона в рамках единой системы интеграции. Участие России в этой организации в определенном смысле также демонстрирует взаимное понимание и поддержку между Россией и Узбекистаном.

Интересы и положение США в Центральной Азии

В первые годы после коллапса Советского Союза интересы США в Центральной Азии еще не были окончательно сформулированы. События 11 сентября 2001 г. значительно увеличили значимость Центральной Азии во внешней политике США.

Борьба с терроризмом. Это один из главных интересов США. События 11 сентября в корне изменили американскую концепцию и стратегию безопасности. Международный терроризм стал главной угрозой национальной безопасности США, а борьба с ним была отнесена к числу стратегических задач государства. Основной целью американских войск, введенных в Центральную Азию, являлось нанесение поражения режиму талибов, а поскольку этот регион непосредственно примыкает к Афганистану, он рассматривался американцами как опорная база. Так как борьба с терроризмом поднялась до уровня стратегической задачи Соединенных Штатов, Центральная Азия приобрела для них большое значение в глобальной борьбе против терроризма. Регион окружен территориями, на которых активны международные террористы, да и сам по себе относится к районам их активной деятельности.

Опасность всплеска террора в Афганистане и в Центральной Азии по-прежнему высока, и задача борьбы с терроризмом носит долгосрочный характер. В этой обстановке стратегическое значение Центральной Азии как плацдарма для борьбы с терроризмом сохраняется. Не подвергая сомнению искренность намерений США в Центральной Азии, можно тем не менее предположить, что удар, нанесенный американцами по талибам и фундаменталистским организациям, является скорее акцией возмездия, чем проявлением планомерной борьбы с террором в чистом виде. Вряд ли он также продиктован стремлением обеспечить безопасность государств региона или выработать определенный курс борьбы с терроризмом. Международный терроризм и до событий 11 сентября представлял собой явную угрозу как для Центральной Азии, так и для мирового сообщества в целом. «Шанхайская пятерка»

провозгласила задачу борьбы с ним еще в 1998 г., но США до 11 сентября 2001 г. не проявляли в этом вопросе заметной активности. После свержения талибов и разгрома «аль-Каиды» обстановка в мире значительно улучшилась, террористам был нанесен сокрушительный удар. Силы всех государств, ведущих борьбу с террором, объединились, терроризм в Центральной Азии пришел в упадок.

В это время было крайне необходимо закрепить достигнутые успехи. Но вместо этого американцы, не считаясь с мнениями других государств, развязали войну в Ираке, которая привела к новым изменениям в раскладе международных сил по борьбе с терроризмом, причем на этот раз последствия, похоже, оказались негативными. Иракская война началась под лозунгом борьбы с терроризмом, но по сей день не обнаружено конкретных подтверждений связи режима Саддама Хусейна с событиями 11 сентября. Не найдено и доказательств того, что иракский режим располагал оружием массового уничтожения. Правительство США сейчас в качестве единственного аргумента, оправдывающего эту войну, приводит необходимость свержения диктаторского режима. Война в Ираке практически не является войной с терроризмом, это война за контроль над мировыми энергетическими ресурсами. Она не только не способствовала достижению антитеррористических целей, но и привела к большим жертвам среди мирного населения и, более того, к активизации террористического сопротивления. При этом произошел раскол в международных антитеррористических силах. В такой обстановке террористы в Центральной Азии вновь стали проявлять активность. Терракты, совершенные смертниками в Узбекистане в 2004 г., подтверждают, что терроризм оправляется от поражения, нанесенного ему после 11 сентября 2001 г.

Контроль над энергоресурсами Каспийского бассейна. Важной частью стратегической идеологии Соединенных Штатов является контроль над мировыми энергоресурсами, в том числе над месторождениями бассейна Каспийского моря. Это направление деятельности было развернуто задолго до 11 сентября. США стали активно внедряться в разработку каспийских месторождений сразу после распада Советского Союза²⁹. После 11 сентября стремление США к контролю над мировыми энергоресурсами стало проявляться еще очевиднее. Терракты, совершенные 11 сентября, наглядно показали, что международные террористы располагают огромными возможностями, и это не может не вызывать обеспокоенность за стабильность на Ближнем Востоке. Ближневосточный регион — основной источник мировых запасов нефти. На него приходится более 20% американского импорта нефти. Но обстановка на Ближнем Востоке слишком неспокойна, причем нестабильность там постоянно возрастает.

После 11 сентября в США остро встал вопрос о возможных перебоях в поставках ближневосточной нефти, и возрос интерес к энергоносителям из других регионов, в том числе из России, Африки, Центральной Азии и бассейна Каспийского моря. Центральная Азия и Каспийский бассейн располагают вторыми в мире по величине запасами нефти после ближневосточных. Установление контроля над запасами центральноазиатских и каспийских месторождений — часть более общего плана американцев. Стремление США к контролю над энергоносителями объясняется не только желанием полностью обеспечить внутренние потребности. Энергоносители можно использовать как мощное средство давления в международных делах. Если США смогут контролировать основные мировые запасы энергоносителей, они получат огромное влияние на все основные государства и регионы, в том числе и на такие великие державы, как Китай, Россия и страны Западной Европы. На импортеров энергоносителей можно оказывать давление, регулируя цены или устанавливая квоты на продажу, на экспортеров в случае контроля над их запасами сырья можно воздействовать, снижая цены. Поэтому стратегические намерения США в отношении Центральной Азии и Каспийского бассейна в этом аспекте вполне объяснимы³⁰. Один из эффективных способов контроля над энергоресурсами — контроль путей их транспортировки. Стремление США контролировать нефте- и газопроводы в регионе преследует именно эту цель.

Стратегические геополитические намерения. Если рассматривать цели США в Центральной Азии только с точки зрения борьбы с терроризмом, не принимая во внимание геополитические аспекты, анализ получится крайне наивным. Геополитические интересы относятся к важнейшим устремлениям США в Центральной Азии. Соединенные Штаты находятся от нее на огромном удалении и не имеют с ней значительных исторических и стратегических связей. После 11 сентября Америка под флагом борьбы с терроризмом неожиданно ввела туда войска, вторгшись тем самым в традиционную сферу влияния России. Что касается Китая, то Соединенные Штаты появились прямо у него в тылу, максимально приблизившись к границам. Никогда в Центральной Азии не было непосредственного военного присутствия США, тем более они не создавали там военных баз. Эти базы в стратегическом отношении дают американцам возможность мониторинга, ограничения роста влияния Китая и России, стимулирования независимого от России политического курса центральноазиатских государств, недопущения создания Россией и Китаем союзов, имеющих антиамериканскую направленность. Несмотря на заявления США о том, что присутствие американских войск в регионе не направлено против России или Китая, что, более того, Америка надеется на сотрудничество с ними, сам факт появления американских войск непосредственно у границ России и Китая и в близлежащих районах неизбежно создает вполне определенную геополитическую ситуацию. Так, по мнению про-

фессора Эндрю Басевича, «[американское] правительство начало эту войну, с одной стороны, для искоренения сил терроризма, а с другой — для обеспечения других стратегических интересов США в этом регионе»³¹. Несомненно, основную часть этих «других интересов» составляют геополитические устремления.

Американское присутствие в Центральной Азии в стратегическом аспекте значительно отличается от российского и китайского. Соединенные Штаты для стран региона не являются ни бывшим единым с ними государством, подобно России, ни близким соседом, имеющим во многом общие исторические корни, как Китай. У Америки никогда не было с Центральной Азией тесных связей. Профессор Чарльз Фэрбенкс считает, что до событий 11 сентября 2001 г. Центральная Азия в представлении многих американцев была лишь неким очень далеким местом, многие из них даже не могли выговорить названия стран этого региона и отыскать его на карте³². В первые годы после распада СССР на фоне огромных геополитических перемен США было не до этого отдаленного края. В то время главным для американцев было справиться с гигантским вызовом, связанным с Россией. Основное внимание было сосредоточено на том, чтобы советское ядерное оружие после развала СССР не распространилось по миру. Поэтому центром всех усилий американской дипломатии в этом регионе тогда, несомненно, являлась Россия. Этот курс получил название «Россия — прежде всего». В стратегическом аспекте США мало проявляли себя в Центральной Азии, их позиционирование в регионе не было четко оформлено. Главные усилия американцев тогда были направлены на то, чтобы не допустить сохранения ядерного оружия у Казахстана, на поддержание независимости новых государств и стабильности в регионе в целом. Кроме того, США проявляли большой интерес к энергоресурсам Центральной Азии. По оценке профессоров Сванта Корнелла и Реджина Спектора, «...основные задачи [США] в начале и середине 1990-х годов в регионе заключались в формировании правовой основы для развития двусторонних связей и оказания экономической помощи. Кроме того, усилия были направлены на вывод ядерного оружия из стран Средней Азии, прежде всего из Казахстана, и разработку каспийских месторождений»³³. Тогда США не придавали большого стратегического значения Центральноазиатскому региону, не тратили на него существенных усилий и ресурсов, происходящие там события их не очень беспокоили. Государственный секретарь США Дж. Бейкер посетил страны Центральной Азии в 1992 г., т. е. почти сразу вслед за получением ими независимости. После этого официальный представитель американской администрации (госсекретарь Мадлен Олбрайт) впервые прибыл в регион с официальным визитом только в апреле 2000 г.

Во второй половине 1990-х годов США стали уделять Центральной Азии больше внимания. Волнения, связанные с распадом Советского Союза, к тому времени в основном улеглись, и у Америки появилась возможность заняться проблемами других регионов; американо-российские отношения после первой волны подъема стали постепенно охлаждаться, оба государства перешли к состоянию «холодного мира», США начали усиливать геополитическое давление на Россию, в Афганистане пришли к власти талибы, в Центральной Азии стал поднимать голову терроризм, угроза нестабильности в регионе нарастала. В марте 1997 г. советник президента США по национальной безопасности заявил, что Центральная Азия становится одним из приоритетных направлений внешней политики Соединенных Штатов, что вообще стало первым официальным заявлением представителя администрации, определявшим место, которое Центральная Азия занимает в американской внешней политике. В июле того же года заместитель госсекретаря Струоб Тэлботт официально определил курс США по отношению к Центральной Азии³⁴.

США начали наращивать усилия по проникновению в регион. Американцы поощряли формирование центральноазиатскими государствами структур экономического сотрудничества без участия России (Центральноазиатское экономическое сообщество), стимулировали строительство нефтепровода «Баку — Джейхан» для транспортировки нефти в обход российской территории, стремясь всеми средствами ограничить контроль России над энергоресурсами региона. В ноябре 1999 г. во время совещания в верхах ОБСЕ, проходившего в Стамбуле, руководители соответствующих государств подписали соглашение о строительстве этого нефтепровода. На церемонии подписания присутствовал президент США Билл Клинтон. С 1997 г. американские войска принимали участия в совместных учениях «Центразбат». Принято считать, что эти учения проводятся в рамках программы «Партнерство во имя мира», созданной по инициативе НАТО, но на практике их обеспечивали и руководили ими США. 500 хорошо подготовленных военнослужащих 82-й воздушно-десантной дивизии Вооруженных сил США совершили беспосадочный перелет (более 12 тыс. км) с американской территории в Центральную Азию. Это самая большая дальность прямой переброски войсковых формирований за всю историю военных учений, в которых участвовали подразделения армии Соединенных Штатов. Именно после этих учений американцы впервые намекнули о намерении разместить в регионе свой войсковой контингент³⁵.

Одновременно активное проникновение в Центральную Азию началось и со стороны НАТО. После вступления Киргизии в апреле 2001 г. в программу «Партнерство во имя мира» членами этой неофициальной структуры НАТО по обеспечению безопасности стали все государства региона. С 1992 по 1999 г. США истратили примерно 1,9 млрд долл. на свои цели в Центральной Азии и на Кавказе. Эти деньги в основном пошли на реформы в области

демократии и формирования рыночной экономики³⁶. Тем не менее до 11 сентября 2001 г., несмотря на все усилия, Соединенным Штатам удалось добиться лишь ограниченных результатов в Центральноазиатском регионе, и они не достигли заметного усиления своего стратегического положения³⁷.

Теракты в США резко переместили Центральноазиатский регион с периферии в самый центр американской внешней политики. «До событий 11 сентября центральноазиатские страны — Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан — были для США так же далеки, как обратная сторона Луны, происходившие там события мало беспокоили Соединенные Штаты. Ни их прошлое, ни настоящее Америке ни о чем не говорили, для нее они были просто закрытыми, бедными, далекими, опасными и слабыми мусульманскими странами. Но сегодня эти страны находятся на приоритетном направлении американской внешней политики, и Америка в очередной раз столкнулась с ситуацией, когда она вторгается с применением военной силы в регион, о котором ее чиновники почти ничего не знают»³⁸. С размещением военных баз в Центральной Азии позиции США значительно укрепились. По некоторым оценкам, Соединенные Штаты потеснили в регионе Россию и Китай. Они «стали для этого региона реальным защитником и гарантом»³⁹. Хотя Китай и Россия по-прежнему занимают в Центральной Азии важное место, после 11 сентября наиболее выгодное стратегическое положение там у США. Баланс сил между тремя великими державами — Китаем, Россией и США — изменился в пользу Америки.

Возможно ли сотрудничество Китая, России и США в Центральной Азии

Китай, Россия и США — важнейшие великие державы, имеющие отношение к Центральной Азии. Европа также проявляет растущий интерес к этому региону, что стало особенно заметно после событий 11 сентября 2001 г., причем уровень заинтересованности и участия европейцев постоянно повышается. Вполне возможно, что через некоторое время Европа станет четвертой силой в отношениях великих держав в регионе. Кроме того, сильные государства регионального значения, такие как Турция и Иран, имеющие особые исторически обусловленные отношения с Центральной Азией, также проявляют к ней интерес, активно участвуют в делах региона. Однако они не являются великими державами и не могут пользоваться таким влиянием, как Китай, Россия и США. Возрастающий интерес отмечается и со стороны Индии и Японии, которые тоже расширяют масштабы проникновения в Центральную Азию, но также не играют в регионе определяющей роли.

Начиная с декабря 1991 г., когда республики Центральной Азии получили независимость после распада Советского Союза, Китай, Россия и США начали расширять свое проникновение в регион, используя для этого различные пути, формы и средства. У всех трех держав в регионе имеются значительные интересы. Каждая из них формировала собственную платформу и занимала определенное место в Центральной Азии. События 11 сентября 2001 г. изменили геополитическую ситуацию в Центральной Азии в пользу США, но никто не покинул сцену, так что присутствие каждой из этих стран в регионе будет долгосрочным и стратегическим.

Совместное присутствие трех великих держав в одном регионе остро поставило вопрос, каким образом они намерены строить отношения между собой. Это касается не только их интересов, непосредственно затрагивая проблемы стабильности и безопасности. Современная ситуация в Центральной Азии напоминает «большую игру», происходившую в регионе в XIX в. Термин «большая игра» в последнее время часто используется средствами массовой информации, и отнюдь не случайно. Многие аналитики считают, что призрак новой конфронтации между великими державами бродит по Центральной Азии. Они предсказывают, что новая «большая игра» приближается.

Нельзя сказать, что такого рода беспокойство лишено оснований. Долгосрочное присутствие американских войск в Центральной Азии — весьма неприятный геополитический фактор для России и Китая. Оно оказывает непосредственное влияние на стратегический расклад и стратегическое планирование Китая и России в аспекте обеспечения собственной безопасности.

Есть причины для беспокойства и с точки зрения развития обстановки. После 11 сентября Центральная Азия превратилась в район сосредоточения крупных войсковых группировок великих держав. Союзными вооруженными силами во главе с США в регионе было создано пять военных баз. Россия также от имени ОДКБ создала военную базу в Киргизии и собственную военную базу в Таджикистане. Значительно усилена российская 201-я мотострелковая дивизия, дислоцирующаяся в этой стране. Хотя Китай не имеет в регионе военных баз, он также проводил совместные с Киргизией военные учения в районе границы. Все военные объекты великих держав на территории Центральной Азии и проводимые ими войсковые мероприятия имеют целью борьбу с терроризмом, но при этом они формируют новую обстановку. Ни в одном другом регионе мира не сосредоточено столько военных баз и крупных войсковых контингентов одновременно США и России. После того как борьба с террористами в Афганистане военными методами в принципе была завершена, эти войсковые объекты могут стать причиной

взаимного недоверия и серьезных разногласий, если не будет найдено веское обоснование их дальнейшего присутствия.

Китай, Россия и США стратегически столкнулись в Центральной Азии. Все они останутся в регионе надолго. Независимо от того, совпадают их интересы или расходятся, им приходится иметь дело друг с другом. Возможно несколько вариантов развития отношений между тремя державами в Центральной Азии: открытое соперничество, невнятные стратегические отношения, формирование рамок сотрудничества.

Возможность открытого противостояния Китая, России и США ограничивается целым рядом факторов. В общем, отношения, складывающиеся между этими тремя государствами в Центральноазиатском регионе, по большей части зависят от их общих взаимоотношений. Иными словами, ухудшение отношений между Китаем, Россией и США приведет к напряженности и обострению отношений между ними в Центральной Азии; если же отношения между тремя великими державами будут улучшаться, возникновение открытого противостояния представляется маловероятным. С другой стороны, несмотря на то что каждая из великих держав всячески стремится закрепиться в Центральной Азии (особенно Россия и США), ни одна из трех стран не заинтересована в том, чтобы локальные проблемы испортили глобальные двусторонние отношения. Особенности конфигурации отношений в регионе также уменьшают возможность возникновения между ними открытых конфликтов. Ни одна из этих стран не имеет намерений присоединиться к кому-то в его борьбе против другой страны. Более того, ни одна из них не желает, чтобы две другие объединились против нее в открытом противостоянии. Вместе с тем ни одна из трех держав не хотела бы видеть Центральную Азию под контролем какой-либо одной страны. Учет взаимных интересов позволяет сформировать более или менее сбалансированную обстановку в отношениях между великими державами в регионе и уменьшить возможность возникновения открытого противостояния.

Невнятные стратегические отношения характеризуются отсутствием ясно выраженной формы, неясностью и неопределенностью. Нынешние отношения между Китаем, Россией и США в Центральноазиатском регионе относятся именно к такому типу. Но это не результат инициативного выбора или политики, а скорее всего следствие того, что страны еще не определили до конца своих позиций. Невнятные стратегические отношения могут также являться продуктом вполне рассчитанных намерений и определенного стратегического курса. Поэтому они могут и в будущем сохраняться в течение определенного времени или даже стать постоянными.

Тем не менее вполне возможно, что невнятные стратегические отношения характерны только для переходного периода. Как самые влиятельные державы в регионе Китай, Россия и США имеют друг для друга серьезное долгосрочное значение. Не исключено, что в будущем они попробуют облечь свои отношения в рамки определенного механизма или достигнуть какого-то консенсуса, чтобы избежать опасности возникновения нестабильности или неопределенности. Формирование такого механизма было бы полезно для всех трех держав.

Имеется немало предпосылок для формирования в Центральноазиатском регионе институционального механизма между Китаем, Россией и США. Более того, есть даже необходимость создания такого механизма.

Китай, Россия и США в настоящее время не имеют стратегических намерений войти в конфликт друг с другом в Центральной Азии. Это основной субъективный фактор формирования стратегического диалога, а возможно, даже сотрудничества между тремя странами. Американское военное присутствие в Центральной Азии образовалось за спиной Китая и России. Тем самым США вторглись в стратегический тыловой район двух великих держав. Помимо борьбы с терроризмом это присутствие является также частью плана глобальной стратегической перестановки сил США. Но Соединенные Штаты в настоящее время не заинтересованы в открытой конфронтации с Китаем и Россией. Стремясь к сохранению военного присутствия в Центральной Азии и укреплению своих позиций в регионе, США демонстрируют отсутствие враждебных намерений в отношении этих двух государств и показывают, что не собираются наносить ущерб их стратегическим интересам. Более того, Соединенные Штаты ищут возможности сотрудничества с ними.

Для России неприемлемо долгосрочное военное присутствие США в Центральной Азии. После развертывания там американской войсковой группировки этот процесс распространяется далее на Кавказ и уже происходит в Грузии. В то же время Россия постепенно сдала позиции в Восточной Европе и Прибалтике. Это означает всестороннее вторжение американцев в зону ближнего окружения России включая Украину, Кавказ и Центральную Азию и, соответственно, дальнейшее устранение российского контроля в этих стратегически важных регионах. По оценкам немецкого аналитика, «...цели России и США в этом регионе диаметрально противоположны. Россия планирует прочно закрепиться на юге Кавказа и в Средней Азии, используя для этого политические и экономические формы влияния, с целью воссоздания интегрированной системы в рамках бывшего Советского Союза, в то время как США преследуют совершенно противоположные интересы, которые заключаются в недопущении объединения Россией своего бывшего советского окружения»⁴⁰. Но Россия не в силах воспрепятствовать американскому военному присутствию в Центральной Азии и Закавказье. В конечном счете ей придется смириться с

реальностью и вести диалог с США как с партнером или противником, имеющим равные права на военное присутствие в этих регионах.

Для Китая долгосрочное военное присутствие США в Центральной Азии также неприемлемо. Конечно, наличие американского военного контингента в регионе не в такой степени беспокоит китайцев, как это многие пытаются представить, но оно все-таки меняет стратегическую расстановку сил не в их пользу. В условиях нормальных отношений КНР и США эта угроза носит для Китая скрытый характер. Но в серьезной кризисной ситуации военное присутствие США будет стратегически сковывать Китай и создавать для него угрозу с тыла. Поэтому долгосрочное американское военное присутствие имеет для Китая двойное значение: оказывая определенное положительное влияние на обстановку в регионе, оно одновременно играет роль скрытого долгосрочного негативного фактора в стратегическом плане. Тем не менее, подобно России, Китаю также придется смириться с присутствием американской военной группировки в Центральной Азии и определять свой внешнеполитический курс с учетом неизбежности этого фактора. Принятие де-факто американского военного присутствия не обязательно приведет к противостоянию Китая и США, вполне возможно и развитие определенных форм сотрудничества. Все это не означает, что Китай согласится с самим фактом долгосрочного пребывания американского войскового контингента в регионе, он просто проявит реалистичный подход и воспримет ситуацию как должное, т. е. постарается максимально использовать те положительные возможности, которые можно извлечь из сложившейся ситуации и максимально нейтрализовать воздействие отрицательных факторов.

В Центральной Азии существует широкая область общих интересов и взаимной выгоды Китая, России и США. К ним относятся борьба с терроризмом, контрабандой наркотиков, обеспечение региональной безопасности, препятствование распространению религиозного экстремизма и др. Все это создает объективные предпосылки для стратегического диалога, а возможно, и сотрудничества между тремя странами. Самым крупным общим для них интересом в регионе можно считать борьбу с терроризмом, которая одновременно является областью, наиболее приемлемой для создания отношений сотрудничества между ними. Борьба с терроризмом в Центральной Азии совпадает с целями антитеррористической деятельности США в глобальном масштабе. Они также соответствуют интересам России, устраняя источник террористической угрозы на южном направлении, и способствуют установлению контроля Китая над силами сепаратистов «Восточного Туркестана».

Другая общая цель трех великих держав в Центральной Азии — обеспечение безопасности, стабильности и развития региона. Конечно, они вкладывают не совсем одинаковый смысл в эти понятия. Но стабильность и безопасность все-таки соответствует их насущным интересам и идет на пользу каждой из них. Региональная стабильность и борьба с терроризмом тесно взаимосвязаны. Центральноазиатские государства еще слабы, они сталкиваются с множеством политических, экономических, религиозных, национальных и социальных проблем. Им трудно самостоятельно препятствовать проникновению терроризма и экстремизма извне, да и сами они создают благоприятную почву для распространения этих явлений. Как только где-то в регионе возникают волнения или беспорядки, там тут же почти наверняка появляются террористы и религиозные экстремисты. Все это представляет угрозу безопасности не только государств региона, но и Китая, России и США.

Три великие державы также должны вместе противостоять нетрадиционным угрозам и решать глобальные проблемы, к числу которых относятся борьба с производством и контрабандой наркотиков, а также защита окружающей среды и т. д. По этим вопросам между ними нет принципиальных разногласий. Обобщая изложенное, можно предположить, что главными областями сотрудничества между Китаем, Россией и США в Центральной Азии могут быть борьба с терроризмом, обеспечение стабильности, противодействие нетрадиционным угрозам и решение проблем защиты окружающей среды и т. д.

Китай, Россия и США уже сформировали трехстороннюю конфигурацию сосуществования в Центральной Азии. Масштабы присутствия в регионе каждой из этих стран неодинаковы. Тем не менее ни одна из них не может быть полностью вытеснена оттуда. США обладают мощными экономическими, военными и политическими ресурсами; Россия имеет тесные политические, экономические, военные и культурные связи, сложившиеся более чем за полтора века; у Китая со странами региона развитая общая транспортная сеть, а также географические преимущества, не говоря уже о постоянно возрастающем торгово-экономическом сотрудничестве. Каждая из трех великих держав не желает возникновения монополии любой другой великой державы на влияние в Центральной Азии и в то же время осознает нереальность вытеснения из региона любой из них. Это еще одна предпосылка для мирного сосуществования Китая, России и США. Центральноазиатские государства относятся к этим державам неодинаково, но общим для всех является наличие и развитие полноценных дипломатических отношений с ними. Кроме того, все страны региона стремятся к поддержанию стратегического баланса присутствия великих держав, что максимально соответствует их интересам и дает большие политические и экономические выгоды. В то же время страны региона не хотят конфликтов между великими державами, поскольку сами рискуют больше всего постра-

дать от такого развития событий. В этом также состоит залог долгосрочного совместного присутствия в регионе и сотрудничества Китая, России и США.

Между Китаем, Россией и США в Центральной Азии еще не сформировались упорядоченные отношения в рамках какой-либо структуры или вне таковой. Главная причина такого положения заключается в том, что пока отсутствует база для непосредственных отношений в регионе.

Еще не решен болезненный вопрос о легитимности долгосрочного военного присутствия США в Центральной Азии. Здесь речь идет не о легитимности с точки зрения международного права, а о признании этого фактора Китаем и Россией. Соединенные Штаты с самого начала дали обещание, что их военное присутствие будет временным и не повредит интересам России и Китая. Эти две страны тоже настаивали на выводе американских войск сразу после завершения войсковых операций в Афганистане. Развитие событий показало, что США перестраивают расстановку своих сил в глобальном масштабе. Вполне вероятно, что в их планы входит сохранение долгосрочного военного присутствия в Центральной Азии. Уже не вызывает сомнений, что американский войсковой контингент остается в регионе надолго. Китай и Россия не могут этого не понимать, но они не могут и изменить свои позиции и согласиться с долгосрочным размещением войск США в своем стратегическом тылу. Все это создает несколько двусмысленную ситуацию. Соединенные Штаты, собираясь сохранить свое долгосрочное военное присутствие, тем не менее открыто не заявляют об этом. Китай и Россия постоянно выражают надежду, что Америка выполнит свои обещания. Поэтому вопрос о признании де-юре уже фактически свершившегося факта долгосрочного военного присутствия США в Центральной Азии оказывается, пожалуй, той точкой, которая препятствует нормализации отношений между тремя державами. Если этот вопрос не будет решен, Китаю и России будет трудно вести стратегический диалог с США.

У трех держав отсутствует подходящая для ведения диалога платформа. У Китая и России имеется ШОС и другие каналы для регулярного диалога. Но в том, что касается отношений Китая с США, России с США и отношений между тремя сторонами, эти три страны не имеют подходящих площадок для развития сотрудничества.

Вопрос о легитимности долгосрочного военного присутствия США в Центральной Азии может со временем решиться автоматически. Исходя из практических соображений, все три государства, возможно, будут избегать обострения этой темы или попросту ее игнорировать, создавая тем самым условия для стратегического сотрудничества.

Другая сложная проблема — каким образом осуществлять такое сотрудничество на практике, т. е. в каких формах, какими методами и по каким конкретным вопросам оно должно проходить. После разгрома режима талибов Китай, Россия и США лишились единой конкретной цели в борьбе с терроризмом. Поэтому первоочередным вопросом становится то, каким образом дальше вести совместную борьбу с террористами и обеспечивать стабильность в Центральной Азии⁴¹. Трехстороннее сотрудничество в Центральной Азии — это практически проблема отношений с США, поскольку вопрос о сотрудничестве между Китаем и Россией в основном решен, эти два государства уже создали стабильные организационные рамки. В таких условиях диалог (сотрудничество) между Китаем и США или между Россией и США таит в себе негативные риски: это может привести к недоверию в отношениях между Китаем и Россией, повредить сложившемуся партнерству между ними. Поэтому в идеале следует параллельно обеспечить отношения двустороннего и трехстороннего сотрудничества.

Трехстороннее сотрудничество Китая, России и США может осуществляться в формах диалога, взаимного обмена, консультаций, содействия. Сейчас сотрудничество более глубокого характера на уровне трехсторонних отношений не представляется реальным. Создание отдельной региональной трехсторонней структуры, в которую входили бы только Китай, Россия и США, тоже не кажется нужным и необходимым. Структура, за рамками которой оказались бы остальные страны Центральной Азии и другие государства, не будет эффективной. Более полезным для трех держав было бы формирование неофициального механизма диалога в рамках какой-то многосторонней структуры сотрудничества. В настоящее время имеются две такие структуры: ШОС и «Партнерство во имя мира» при НАТО. Китай и Россия уже являются членами ШОС. Требуется только ограниченное участие в ее работе США. Например, Соединенные Штаты могли бы получить статус наблюдателя или ассоциированного члена ШОС. Что касается «Партнерства во имя мира», его членами являются Россия и США. Необходимо привлечение к работе этого механизма Китая⁴². Таким образом, обе названные структуры представляют собой возможный вариант для выбора.

Следует отметить, что любой из этих вариантов сам по себе является серьезным выбором, значение которого выходит за рамки формирования механизма трехстороннего сотрудничества между Китаем, Россией и США. Их реализация может вызвать много других проблем. Поэтому при рассмотрении указанных вариантов их прежде всего необходимо стратегически оценить. Ограниченное участие США в работе ШОС может привести к упрочению ее международного положения и повышению авторитета. Кроме того, это позволит организации развиваться

в качестве структуры, в полной мере обеспечивающей региональную безопасность. Неблагоприятные факторы такого выбора состоят в том, что в случае участия США в ее работе возможно распыление организационного ядра, образование множественных центров влияния, что может привести к снижению сплоченности и эффективности ШОС. Гипотетическое присоединение Китая к программе «Партнерство во имя мира» Центральной Азии предоставит возможность сотрудничества между ШОС и НАТО, что целесообразно для ШОС, потому что с точки зрения долгосрочных перспектив расширение НАТО и распространение его деятельности на Центральную Азию трудно будет остановить. Поэтому вопрос о возможном диалоге или сотрудничестве с НАТО в регионе тоже встанет. Негативным следствием такого варианта выбора может быть снижение значимости и роли ШОС в регионе при неблагоприятном развитии ситуации.

Наличие общих интересов в Центральной Азии Китая, России и США не означает, что сотрудничество между ними может непрерывно углубляться. Во-первых, если трехстороннее сотрудничество состоится, оно будет носить пассивный или вынужденный характер. Во-вторых, в регионе существуют структурные противоречия между Китаем, Россией и США. Имеются две противоположные зоны: в одной из них их интересы совпадают, а в другой расходятся. Это и обуславливает сложность отношений между тремя державами. Когда они развивают сотрудничество на основе общих интересов, одновременно усиливаются негативные эффекты и противоречия. Например, сотрудничество Китая, России и США в области борьбы с терроризмом и поддержания стабильности в Центральной Азии соответствует интересам безопасности Китая и России. Это довод в пользу долгосрочного американского военного присутствия, но с точки зрения традиционной геополитики долгосрочное военное присутствие США в Центральной Азии не в интересах Китая и России. В этом, безусловно, играет свою роль логика игры с нулевой суммой, но нет причин полагать, что ее участники в данном случае откажутся от этой логики. Американские ученые открыто говорят: «Россия планирует достичь равновесия с нами на пространстве постсоветской “интеграции”... поэтому курс, имеющий основной целью предотвращение и сдерживание деятельности террористов, одновременно можно рассматривать в качестве неотъемлемого ограничивающего фактора, направленного против имперских амбиций России в этом регионе»⁴³.

Все изложенное также относится к борьбе за сферы влияния. Поэтому чем больше будет углубляться сотрудничество между Китаем, Россией и США в Центральной Азии, тем острее будут проявляться противоречия между ними. Чем дальше будут простирались их совместные интересы, тем больше им придется отклоняться от собственных интересов в других областях. Основной причиной такого взаимоисключающего соотношения интересов является коренное противоречие между традиционной и нетрадиционной безопасностью, между новым подходом к безопасности, с одной стороны, и прагматизмом и геополитической логикой — с другой. Отсюда следует, что сотрудничество между Китаем, Россией и США имеет определенные ограничения как по ширине, так и по глубине охвата. Формирование реальных отношений всестороннего сотрудничества между ними представляется весьма проблематичным. В то же время указанные противоречия обуславливают нестабильность отношений сотрудничества между тремя странами. В повседневном процессе их деятельности в Центральноазиатском регионе проблемы традиционной и нетрадиционной безопасности будут постоянно чередоваться. Соответственно будут изменяться и акценты отношений, например, между США и Россией, что непосредственно скажется на стабильности в отношениях трех государств. Удастся ли Китаю, России и США преодолеть такую ситуацию в будущем? Это зависит от глобальных отношений между ними, от того, смогут ли они достичь стратегического взаимопонимания и изменить идеологию и саму логику подхода к международным отношениям.

Политика Китая в Центральной Азии

После обретения государствами Центральной Азии независимости в регионе усилилось влияние международных террористов, сепаратистов и религиозных экстремистов, в нем также широко распространились контрабанда наркотиков и нелегальная торговля оружием. Все это создало серьезную угрозу безопасности окружающих стран, в том числе и Китая. КНР не желает, чтобы Центральная Азия попала под контроль террористических, сепаратистских и религиозных экстремистских движений.

Перед всеми государствами региона стоят серьезные внутренние проблемы. В некоторых из них слаба структура органов управления, наблюдаются серьезные внутренние противоречия, политизация религии, бедность и раскол общества. Яркий пример — Таджикистан. Эта небольшая страна с населением не более 5 млн человек после получения независимости пять лет находилась в состоянии гражданской войны, которая принесла неисчислимые жертвы и огромный материальный ущерб. В настоящее время центральноазиатские государства идут по пути постепенного укрепления стабильности, но деструктивные факторы там по-прежнему существуют.

Между странами Центральной Азии за многие века сложились тесные отношения в политической, экономической, религиозной и культурной областях. Но вместе с тем имеются и многочисленные противоречия и проблемы по национальным и религиозным вопросам, территориальные проблемы и споры по поводу водных ресурсов. Все это уже обусловило многочисленные конфликты. Например, небольшая по площади, но густонаселенная Ферганская долина находится на территории трех государств — Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. В ней попеременно проживают узбеки, таджики и киргизы, четкие границы отсутствуют. Там уже произошло много конфликтов на национальной и территориальной почве, а также в связи с природопользованием. Китай надеется, что между всеми государствами региона будут установлены добрососедские отношения, которые позволят решить все имеющиеся проблемы.

Получив независимость, страны Центральной Азии попали в тяжелое экономическое положение, валовой национальный продукт резко сократился. С 1995 г. положение во всех государствах региона стало активно меняться к лучшему, во второй половине 1990-х годов повсеместно наблюдались восстановление и рост производства, но экономические проблемы по-прежнему оставались самыми серьезными. Безработица, нищета, резкое расслоение общества стали основными причинами политической нестабильности и социальной напряженности, создавая благоприятные условия для деятельности международного терроризма, сепаратизма, национализма и религиозного экстремизма. Без нормального экономического развития стран региона Китай не может строить с ними успешные отношения на долгосрочной основе. Китай надеется на успешное развитие экономики стран региона, что создаст благоприятные условия для экономического сотрудничества.

В новой геополитической обстановке после «холодной войны» регион вновь приобрел большое стратегическое значение. Центральная Азия — один из главных источников природных ресурсов в XX в. Это вызвало повышенное внимание к ней со стороны великих держав, интересы которых очевидным образом пересекаются в регионе. Китай не хотел бы конфронтации, из-за которой в регионе увеличится нестабильность.

Политическая и экономическая ситуация в Центральноазиатском регионе за последние несколько лет улучшилась, но ей еще в значительной степени присуща неопределенность, обусловленная самыми разнообразными факторами, в том числе слабостью государственного строительства, серьезностью экономических проблем, расслоением и связанной с ним поляризацией общества, остротой социальных проблем, сложностью межгосударственных отношений, постоянной угрозой всплеска терроризма и религиозного экстремизма. Обстановку в регионе дополнительно осложняют соперничество великих держав.

Центральная Азия приобретает все большую важность для внешней политики Китая. Тому существует несколько причин.

1. Регион играет важную и долгосрочную роль в области безопасности. С одной стороны, слабость центральноазиатских государств и специфика их географического положения превращают регион в заложника террористических сил на сопредельных территориях. С другой стороны, Центральная Азия представляет собой важный форпост борьбы против международного терроризма.

2. Центральная Азия — один из регионов, где широко и концентрированно представлены интересы как великих держав, так и сильных государств регионального значения. Речь идет о России, Китае, США, странах Евросоюза, НАТО, а также Индии, Иране, Турции, Японии. Все они активно расширяют свое присутствие и влияние в регионе. Центральная Азия также является местом потенциальных противоречий и конфликтов между великими державами, особенно это касается российско-американских, китайско-американских и российско-китайских отношений.

3. Поскольку военное присутствие США в Центральной Азии приняло долгосрочный характер, изменяется и положение региона, прежде считавшегося надежным тылом Китая. Если он будет втянут в серьезный конфликт или противостояние в связи с тайваньской или иной проблемой, Центральная Азия вполне может превратиться для него из тыла в передний край.

4. Сырьевые ресурсы Центральной Азии крайне важны для Китая. Сейчас принимаются активные меры по реализации плана ввоза сырой нефти из Центральной Азии. Строительство трубопровода из Казахстана в Синьцзян-Уйгурский автономный район при благоприятном развитии событий будет завершено в ближайшие несколько лет. Это будет первый нефтепровод, проложенный в Китай из-за рубежа. Одновременно возрастет значение Центральноазиатского региона для экономики и экономической безопасности КНР. В связи с этим Центральная Азия станет средоточием ключевых интересов для Китая.

Вследствие возрастающего стратегического значения Центральной Азии для внешней политики Китая ее роль и место могут быть в будущем переоценены. После того как Азия стала базой импорта нефти, проблемы безопасности для Китая там уже не будут сводиться только к терроризму, а включают и безопасность китайских инвестиций, безопасность энергетического обеспечения и экономическую безопасность. По мере углубления связей политические, экономические и дипломатические изменения курса этих государств будут сильнее сказываться на Китае, в связи

с чем он будет обращать больше внимания на внутривосточную обстановку в странах региона. В то же время по мере расширения своих интересов в Центральной Азии Китай неизбежно вступит в более тесные и сложные отношения с другими великими державами. Импульс и к сотрудничеству, и к конкуренции с ними будет расти.

Основные направления внешней политики Китая в Центральной Азии таковы:

- борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом;
- обеспечение безопасности в пограничных районах;
- поддержание стабильности в регионе;
- содействие экономическому развитию;
- обеспечение дружественных отношений стран региона к Китаю;
- недопущение попадания Центральной Азии под монопольный контроль государств, враждебных к Китаю;
- недопущение создания в регионе военных союзов, направленных против Китая;
- обеспечение открытости для Китая энергетических ресурсов региона.

Китай применяет в Центральной Азии как многосторонний, так и двусторонний подходы. Многосторонний вариант отношений главным образом представлен в ШОС, которая сформировала широкую и эффективную платформу для развития связей КНР с государствами Центральной Азии. В организации имеются институциональные рамки, которые позволяют Китаю участвовать в политических и экономических процессах, в обеспечении региональной безопасности. Двусторонний формат, естественно, представлен отношениями КНР с отдельными государствами Центральной Азии. Такие связи не менее важны, им даже в большей степени присущ основополагающий характер. Многосторонние отношения не в состоянии интегрировать все ресурсы и возможности Центральной Азии. Многие вопросы, подлежащие обсуждению с государствами региона, также не могут быть решены в рамках многосторонних отношений. Оба подхода имеют собственные предназначение и особенности, взаимно дополняя и стимулируя друг друга.

Китай в Центральной Азии обладает стабильными и солидными дипломатическими ресурсами, которые имеют определенные специфические особенности.

Китай не просто сосед для стран Центральной Азии, это также великая держава. Данное обстоятельство дает Китаю определенное геополитическое преимущество, которое заключается в том, что он является важным естественным и постоянно действующим фактором в делах региона. Как бы ни складывалась обстановка, Китай не может уйти оттуда и в любом случае будет продолжать оказывать там определенное влияние.

Китай — незаменимый партнер стран Центральной Азии с точки зрения обеспечения безопасности в пограничных районах, а также надежный гарант региональной безопасности. Китай имеет общую границу с тремя среднеазиатскими государствами, протяженность которой превышает 3 тыс. км. Безопасность этого участка границы имеет огромное значение для каждого из этих государств, а единственным партнером для ее обеспечения может быть только Китай. Китай также один из гарантов региональной безопасности в целом. Посредством двусторонних отношений и в рамках ШОС Китай является важнейшим компонентом центральноазиатской региональной системы обеспечения безопасности.

Как великая держава Китай также предоставляет центральноазиатским государствам возможности в осуществлении их дипломатической деятельности. Это также причина, по которой Китай нужен и полезен Центральной Азии. КНР может сыграть положительную роль в обеспечении баланса сил великих держав в регионе, а также оказать благоприятное воздействие на развитие сбалансированных и дружественных дипломатических отношений между центральноазиатскими государствами. В то же время сама культура китайской дипломатии близка странам Центральной Азии. Китай не стремится к господству в регионе, к тому, чтобы сильный поглощал слабого, не навязывает свою волю, не вмешивается во внутренние дела соседей. Он одинаково относится ко всем, стремится к решению любых вопросов путем переговоров и консультаций, выступает за справедливость. Все это постепенно создает ему авторитет в международных делах. «Мягкая сила» является важным дипломатическим ресурсом Китая в его отношениях со странами Центральной Азии.

Но все же основным дипломатическим и политическим ресурсом Китая являются его экономические возможности. КНР уже представляет собой масштабную экономическую силу, к тому же имеющую огромный потенциал дальнейшего роста. Развитие экономики Китая естественным образом расширяет его влияние на соседей. Китай — один из крупнейших торговых партнеров стран региона, он войдет в число важных инвесторов в их экономику, он оказывает и будет оказывать им все более значительную экономическую поддержку. Китай представляет собой обширный рынок сбыта для центральноазиатских энергоносителей и других минеральных ресурсов, наконец, он играет роль одного из важнейших транспортных каналов, связывающих страны региона с внешним миром. Можно с уверенностью предположить, что усиление влияния Китая в Центральной Азии во многом будет происходить за счет усиления его влияния в сфере экономики. Тем не менее КНР не может резко,

в одночасье, расширить свое экономическое присутствие в Центральной Азии. Оно будет нарастать постепенно, в ходе длительного развития.

Есть у Китая и уязвимые позиции. Они главным образом связаны с тем, что в течение многих десятилетий отношения КНР со странами региона были фактически разорваны, в результате чего возникла глубокая отчужденность, которую нельзя преодолеть за короткое время. База двусторонних отношений еще не стала достаточно прочной. Пока отмечается низкий уровень взаимопонимания в обществах стран-партнеров, особенно в центральноазиатских государствах. Представление о Китае в общественном мнении Центральной Азии пока строится по старым стереотипам, сохраняется инерция прежнего мышления. Несмотря на быстрое развитие экономики, инвестиционные и экономические возможности КНР еще весьма ограничены. Для молодого поколения жителей центральноазиатских стран политическая культура и социальный строй Китая не отличаются большой привлекательностью. Наличие общей протяженной границы при активизации обмена между странами также может стать фактором, обуславливающим межгосударственные проблемы и противоречия.

Дипломатическим ресурсам Китая в Центральной Азии присущи и определенные преимущества, и слабости. Преимущества носят долгосрочный характер, но от них не приходится ожидать быстрой отдачи. Недостаточность ресурсов Китая ограничивает его возможности, но этот фактор может ослабляться с течением времени, и дипломатические возможности Китая должны в долгосрочной перспективе принести большую отдачу.

Китай придерживается трех принципов в отношениях с государствами Центральной Азии: «дружить с соседями», «дать соседям чувство успокоения», «помогать соседям богатеть». Применительно к более слабым государствам региона эти принципы особенно уместны. Принцип «дружить с соседями» означает стремление к формированию дружественных отношений со всеми соседними государствами; принцип «дать соседям чувство успокоения» подразумевает, что находящиеся рядом государства должны чувствовать себя спокойно и безопасно. Многие соседи Китая не могут не ощущать свою слабость на фоне государства с огромным населением, большой территорией, сильной совокупной мощью. Китай надеется посредством доброй воли, честности и открытости в отношениях с соседями, соблюдения принципов равноправия и сотрудничества убедить эти государства в их безопасности. Принцип «помогать соседям богатеть», естественно, больше относится к экономике. Он заключается в том, что Китай в процессе собственного быстрого экономического развития должен помогать соседним государствам, чтобы они также могли извлечь выгоду из развития китайской экономики. Другой смысл этого принципа состоит в развитии отношений двустороннего экономического сотрудничества с учетом интересов соседей. Указанные три принципа — не пропагандистская декларация, а компоненты реального курса, который Китай планирует воплощать в жизнь.

В настоящее время сердцевиной отношений Китая со странами Центральной Азии является развитие экономических связей. У КНР нет с этими государствами серьезных политических проблем. Пограничные вопросы полностью решены. Безопасность в пограничных районах обеспечивается институциональным механизмом. Со всеми странами региона Китай поддерживает ровные дружественные отношения. Расширение экономического сотрудничества позволит в решающей степени поднять межгосударственные отношения на новый уровень. Экономические отношения КНР и стран Центральной Азии за последнее десятилетие получили заметное развитие. В 1992 г. внешнеторговый оборот Китая с четырьмя государствами Центральной Азии (за исключением Туркмении) несколько превышал 0,5 млрд долл., а в 2002 г. он составил уже более 23 млрд долл.

Тем не менее в процессе развития торговых и экономических связей с центральноазиатскими государствами перед Китаем встают новые проблемы. За прошедшее десятилетие торговля шла главным образом в простой товарной форме, в основном в виде приграничной «народной» торговли, которая сложилась в специфических условиях того периода и охватывала преимущественно дешевые товары народного потребления, реализация которых происходила по большей части на рынках. Эта форма торговли обеспечивала потребности социальных слоев с низким уровнем доходов, позволила многим малообеспеченным семьям пережить трудные времена и сыграла тем самым огромную положительную роль. В будущем «народная» торговля, ставшая уже традиционной, также будет развиваться. Однако уже созрели условия для перехода на более высокий уровень экономического сотрудничества. Все очевиднее становится ограниченный и примитивный характер «народной» торговли. С одной стороны, по мере повышения требований государственных органов и усиления накладываемых ими ограничений в отношении качества себестоимость товаров, реализуемых на центральноазиатском рынке посредством «народной» торговли, стала увеличиваться. Соответственно возрастает и их цена на рынке. Репутация качества китайских товаров на рынках Центральной Азии невысока. Их конкурентоспособность обеспечивается главным образом низкими ценами. Поэтому если цена превысит определенный уровень, их просто перестанут покупать. С другой стороны, по мере постепенного улучшения экономической ситуации в центральноазиатских странах доходы их населения также постепенно растут, и потребность в дешевых товарах китайского производства снижается. Конечно, чтобы этот процесс стал очевидным, потребуется время, но он уже идет. Таким образом, вполне вероятно постепенное

сокращение доли китайских товаров на центральноазиатском рынке. «Народная» торговля — одна из основных форм присутствия Китая на рынках Центральной Азии. Уменьшение ее окажет ощутимое экономическое влияние на китайское присутствие в регионе. Аналогичная ситуация с китайскими товарами наблюдается на российском рынке. Единственное отличие состоит в том, что в Центральной Азии этот процесс будет протекать медленнее. Китай должен принять адекватные меры, учитывающие такое положение дел.

Реакция центральноазиатских стран на быстрое развитие китайской экономики неоднозначна. С одной стороны, стремительный экономический рост Китая открывает перед ними много возможностей. С другой стороны, у них возникает ощущение определенного дискомфорта, связанное с опасениями, что вследствие быстрого экономического развития Китай превратит регион в свой сырьевой придаток. Экономика стран Центральной Азии относительно слаба, промышленность не развита должным образом, низок уровень развития высоких технологий. Стремительные экономические достижения Китая не могут не вызывать у них беспокойства. В этом состоит еще одна проблема, стоящая перед Китаем. Конечно, структурные особенности экономики центральноазиатских стран сложились не сейчас. Они являются наследием прошлого. Центральная Азия и до получения независимости была очень слабо развита в сферах промышленности и науки, в системе советской экономики она играла роль сырьевой базы. Поэтому взыскивать вину за это на Китай, как сейчас делают некоторые ученые, несправедливо. Проблема с преобладанием сырьевого сектора в экономике государств Центральной Азии распространяется не только на отношения с Китаем, но и с другими странами. Западные государства также инвестируют средства главным образом в разработку природных ресурсов центральноазиатских стран.

Китаю необходимо постоянно корректировать свой курс в зависимости от изменений обстановки для оптимизации структуры своего экономического сотрудничества со странами Центральной Азии. Параллельно с продолжением развития «народной» торговли Китай в дальнейшем должен уделять больше внимания развитию иных форм экономических отношений с ними. Особое внимание следует обратить на инвестиции и совместные проекты. Это основной путь повышения уровня торгово-экономического сотрудничества, а также главная предпосылка формирования долгосрочных и стабильных отношений в этой области. Он принесет не только экономические, но и политические выгоды.

В процессе налаживания двустороннего сотрудничества в форме инвестиций и совместных проектов Китаю придется столкнуться с множеством проблем, связанных с оптимизацией механизма управления проектами и разработкой соответствующей инвестиционной политики. Для стран Центральной Азии они заключаются в создании благоприятного инвестиционного климата. Обстановка в регионе достаточно сложна. В связи с этим и риски, связанные с инвестициями, высоки. Поэтому целесообразность вложения капитала здесь определяется соображениями предполагаемой выгоды проекта. Если прибыль очевидна, капиталом можно рискнуть, иначе в таких условиях вкладывать деньги бессмысленно. По мере улучшения инвестиционного климата и экономической обстановки в странах Центральной Азии вполне вероятно увеличение размеров китайских инвестиций. Китай в настоящее время не является экспортером капитала. Тем не менее вследствие быстрого развития экономики его инвестиционная способность явно увеличивается. В последние годы зарубежные инвестиции КНР заметно возросли, в том числе в страны Центральной Азии и Россию. Например, запланированы инвестиции в китайско-российский совместный проект приграничного торгового комплекса «Пограничный — Суйфэньхэ» в размере 600 млн долл., из которых 80% внесет китайская сторона. Другой крупный проект, финансируемый одной шанхайской компанией в С.-Петербурге, тоже рассчитан на несколько сот миллионов долларов. Следует заметить, что эти достаточно крупные проекты являются результатами самостоятельной деятельности компаний. В прошлом в целях ускорения развития экономического сотрудничества со странами Центральной Азии и Россией китайские правительственные органы решали вопрос об участии предприятий в совместных проектах административным или полуконандным способом. Практика показала низкую эффективность такого подхода. За исключением крупных объектов государственного значения задачей правительства должно стать привлечение предприятий к сотрудничеству, обеспечение их необходимой информацией, консультациями, предложениями и другими услугами, оказание помощи предприятию по исключению чрезмерных рисков.

Для расширения масштабов и повышения качественного уровня торгово-экономического сотрудничества со странами Центральной Азии Китаю, с одной стороны, необходимо более широко привлекать народный капитал, с другой — больше вовлекать в процесс южные и восточные приморские провинции страны. Негосударственные предприятия уже обеспечивают более половины экономики КНР. Капитал этих предприятий располагает огромными возможностями. Народный капитал подвижнее, формы его использования более гибки, от его применения достигается больший эффект, он лучше приспосабливается к разнообразным экономическим условиям, больше соответствует условиям экономики переходного периода. Приграничные провинции — главная сила торгово-экономического сотрудничества Китая с Центральной Азией. Южные и восточные приморские провинции Китая

расположены далеко от Центральноазиатского региона, но располагают самыми значительными в стране научно-техническим потенциалом и инвестиционными возможностями. Максимальное привлечение научно-технических достижений и инвестиционного капитала южных и восточных приморских провинций крайне необходимо.

Важной проблемой является изменение отношения к качеству китайских товаров. Их репутация на центральноазиатском рынке, как уже указывалось, отнюдь не безупречна. Ответственность за это лежит прежде всего на самом Китае, особенно в связи с тем, что в первой половине 1990-х годов значительная часть китайских товаров низкого качества устремилась на рынок стран СНГ. Авторитет долго зарабатывается, а потерять его очень легко. Восстановить же утраченную репутацию весьма трудно. Но здесь нужно провести четкое разграничение: сорт и качество товаров — не одно и то же. Низкосортная продукция не является товаром, не соответствующим требованиям качества. Просто товары бывают высокого и низкого сорта. Факторы себестоимости и ценообразования таких товаров неодинаковы, равно как и применяемые к ним критерии качества. Понятие «хороший товар» должно означать «соответствующий стандартным требованиям качества», и, наоборот, «плохой товар» — тот, который не соответствует требованиям стандартов.

Китай представлен на рынках Центральной Азии главным образом низкосортными товарами. Это определяется несколькими причинами: во-первых, в Китае имеется много дешевой рабочей силы, поэтому он крупнейший в мире производитель низкосортных товаров. Во-вторых, центральноазиатский потребительский рынок характеризуется низкой покупательной способностью, здесь велика потребность именно в дешевых низкосортных товарах. В-третьих, вследствие близости регионов деятельность по реализации китайских товаров здесь удобна для мелких торговцев. В соответствии со сложившейся репутацией китайской продукции центральноазиатские потребители в основном приобретают несложные и недорогие товары. Высокотехнологичные товары (такие как электронные и электротехнические изделия) составляют крайне незначительную долю в общем объеме торговли. Следует заметить, что в Китае производятся и товары высокого качества. Общий уровень качества китайских товаров постоянно повышается. Качество бытовой техники и электроники китайского производства в настоящее время уже находится на достаточно высоком уровне. Товары китайского производства занимают значительное место на рынках Западной Европы и США. Главной проблемой сделанных в Китае товаров технического назначения при их реализации на центральноазиатских рынках сейчас все-таки остается их традиционная общая репутация. По ценам они успешно конкурируют с продукцией других стран. Им не хватает только признания покупателей. Китай должен предпринять все усилия для устранения этой ситуации, постепенно формировать новый облик своих товаров, что также является одним из условий достижения прорыва в экономическом сотрудничестве со странами Центральной Азии.

В области межгосударственных отношений Китаю, возможно, придется столкнуться с новой проблемой — каким образом сохранить сбалансированные отношения с Казахстаном и Узбекистаном. Китай стремится проводить внешнеполитический курс, направленный на развитие отношений дружбы и сотрудничества со всеми странами региона, поддерживая баланс в двусторонних отношениях с ними. Казахстан и Узбекистан — крупнейшие государства Центральной Азии. У Китая сложились с ними хорошие отношения на государственном уровне. Отсутствуют серьезные разногласия и в политическом плане. Сейчас проблема заключается в том, что по объективным причинам масштабы общих интересов Китая с Казахстаном увеличиваются намного быстрее, чем с Узбекистаном.

У Казахстана с Китаем наиболее протяженный общий участок границы (более 1700 км). Там расположено самое большое число пограничных пунктов пропуска. Кроме того, на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая проживает более миллиона казахов. При этом, с одной стороны, у Китая с Казахстаном происходит весьма активный обмен по самым простым процедурам. Между народами двух стран установились тесные контакты. Оживленно развивается приграничная торговля, приносящая немалый доход. С другой стороны, по тем же причинам между двумя государствами возникает немало проблем. По своим комплексным возможностям Китай намного превосходит Казахстан. Поэтому среди определенной части населения Казахстана получила распространение теория «китайской угрозы». Некоторые пропагандируют ее по политическим мотивам. Другие воспринимают ее просто потому, что не обладают достаточными знаниями о Китае. Те, кто знает Китай, хорошо понимают, что у него нет никаких причин и намерений угрожать Казахстану. Теория «китайской угрозы» не имеет под собой реальной почвы, это чисто умозрительное построение. По мере развития китайско-казахстанских отношений и улучшения взаимопонимания между народами двух стран эта теория в военном аспекте уже практически утратила свое значение. Но сейчас появилась теория «китайской угрозы» в экономической сфере, согласно которой Китай стремится превратить Казахстан в свой сырьевой придаток. Кроме того, в отношениях двух стран постоянно возникают проблемы, связанные с миграцией населения и использованием водных ресурсов. Следует отметить, что теория «китайской угрозы» не представляет доминирующую в Казахстане точку зрения, она также никак не проявляет себя в официальном внешнеполитическом курсе страны. Ведущие государственные и общественные деятели Казахстана не считают, что Китай представляет для него какую-то угрозу, полагая, что сотрудничество с

Китаем открывает для Казахстана широкие возможности. Непрерывное развитие отношений между двумя странами — наглядное тому подтверждение.

Казахстан — важное для Китая государство. Интересы Китая в Центральной Азии наиболее очевидно проявляются именно в Казахстане. Во-первых, с точки зрения обеспечения безопасности в пограничных районах. Во-вторых, в аспекте борьбы с террористической угрозой. Именно в Казахстане осуществляют свою незаконную деятельность сепаратисты из организации «Восточный Туркестан». Он является главным каналом оказания помощи «Восточному Туркестану» силами международного терроризма и играет важную роль в плане контроля над этим движением. В-третьих, Казахстан — самый крупный торгово-экономический партнер Китая в Центральной Азии. Товарооборот между двумя странами в 2003 г. составил 3,3 млрд долл., превысив в четыре-пять раз общий товарооборот Китая со всеми остальными странами региона. Таким образом, в области развития экономического сотрудничества с Китаем Казахстан намного опередил остальные государства Центральной Азии. В-четвертых, Казахстан — важнейший центральноазиатский партнер Китая по сотрудничеству в области энергоносителей. В этой области два государства достигли принципиального прорыва. В ближайшие несколько лет объем экспорта нефти из Казахстана в Китай может превысить 10 млн т в год. Соответственно значительно вырастет и практическая составляющая интересов Китая в Казахстане.

С Узбекистаном у Китая сложились весьма дружественные отношения. Тем не менее положение дел в отношениях Китая с Узбекистаном имеет отличия от ситуации с Казахстаном. Совместные интересы Китая и Узбекистана больше проявляются в сферах политики, региональной безопасности и борьбы с терроризмом. Китай не имеет общей границы с Узбекистаном. В этом отношении отмечается меньше проблем и беспокойства, поскольку отсутствуют пограничные споры и прочие разногласия, такие как вопросы использования водных ресурсов, загрязнения окружающей среды и т. п. В Узбекистане очень мало сторонников теории «китайской угрозы». Но, с другой стороны, между двумя странами отсутствует непосредственное сухопутное транспортное сообщение, нет удобных условий для активного обмена, что не способствует расширению отношений сотрудничества. Не наблюдается и активной приграничной торговли и международного обмена. Процесс торгово-экономического сотрудничества между двумя государствами протекает довольно вяло. Товарооборот в 2003 г. составил всего около 300 млн долл., что в десять раз меньше объема торговли Китая с Казахстаном. В сфере разработки сырьевых ресурсов Узбекистан обладает определенными запасами природного газа и нефти, но в этой области пока нет крупных объектов сотрудничества.

Указанные факторы привели к большому контрасту в области сотрудничества Китая с Казахстаном и Узбекистаном. Совместные интересы Китая и Казахстана гораздо шире и глубже, их отношения развиваются намного более быстрыми темпами. В будущем это различие может увеличиться. Завершение строительства и ввод в эксплуатацию нефтепровода из Казахстана в Китай приведет не просто к росту объемов торговли. Нефть — стратегическое сырье, она оказывает значительное влияние на политические отношения, что приведет к усилению политических и экономических позиций Казахстана во внешней политике Китая. Это, конечно, не может повредить отношениям Китая с Узбекистаном. Они по-прежнему будут важными и дружественными. Но при сравнительном рассмотрении положение Узбекистана станет относительно менее значимым. Это может привести к определенному дисбалансу.

Обеспечение сбалансированного развития отношений с Казахстаном и Узбекистаном — задача, на которую китайской дипломатии в ближайшее время следует обратить пристальное внимание. Параллельно с укреплением связей с Казахстаном нужно активно стимулировать развитие экономических отношений с Узбекистаном, приложить усилия для повышения уровня торгово-экономического сотрудничества с этим государством. Особо важную роль здесь играет железнодорожное и автомобильное сообщение, развитие которого является неременным условием расширения китайско-узбекского экономического сотрудничества. По некоторым предположениям, если будет решен вопрос прямого железнодорожного сообщения между Китаем и Узбекистаном, ситуация с товарооборотом между ними может очень быстро улучшиться. С другой стороны, у Узбекистана есть свои экономические особенности и преимущества. Для их максимального использования необходимо найти потенциал и точки опоры в целях значительного расширения экономических связей между двумя странами, обеспечить прогресс в китайско-узбекском экономическом сотрудничестве.

Подобным же образом Китай должен укрепить отношения с Киргизией и Таджикистаном. В этих странах имеются весьма ограниченные запасы природного газа и нефти, поэтому сотрудничество в области их разработки не представляется главной и перспективной сферой. Необходимо отыскать другие формы и акценты сотрудничества. Отношения Китая с Киргизией и Таджикистаном, экономическими субъектами меньшего масштаба, находятся на ином уровне по сравнению с Казахстаном и Узбекистаном. Поэтому сотрудничество Китая с Киргизией и Таджикистаном мало зависит от внешних факторов, что позволяет без особых проблем обеспечить его стабильность.

Отношения Китая и России в Центральной Азии. Китай рассматривает Россию в качестве стратегического партнера в регионе. Сотрудничество между двумя государствами в Центральной Азии началось с решения вопросов

укрепления доверия в военной области и сокращения войсковых контингентов в пограничных районах. Так как на пограничных переговорах Россия вместе с Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном представляла одну сторону, темы китайско-российского сотрудничества естественным образом распространились и на Центральноазиатский регион. Вопросы обеспечения безопасности и укрепления мер военного доверия в пограничных районах в будущем также составили важное содержание российско-китайских отношений.

Главные институциональные рамки сотрудничества Китая и России в Центральной Азии представлены Шанхайской организацией сотрудничества. Несмотря на то что эта организация включает Китай, Россию и еще четыре государства, ее геополитическим центром является Центральная Азия. Поэтому сотрудничество Китая и России в рамках ШОС в большой степени относится к этому региону. С момента создания «Шанхайской пятёрки» прошло почти десять лет. История этой организации является также и историей китайско-российского сотрудничества в Центральной Азии.

Сотрудничество Китая и России в Центральной Азии определяется стратегическим партнерством между ними. Стратегическое партнерство вообще является руководящим и основополагающим принципом китайско-российских отношений. У Китая и России в Центральной Азии имеются важные общие интересы, что создает реальные основы для их сотрудничества в регионе.

Во-первых, это обеспечение безопасности в пограничных районах. Центральноазиатский участок границы между Россией и Китаем имеет протяженность всего около 50 км. Тем не менее Китай и Россия — основные исполнительные государства двух соглашений по безопасности в районах бывшей советско-китайской границы, именно они несут главную ответственность за любое их нарушение.

Во-вторых, Центральная Азия представляет собой важное звено в деятельности международного терроризма и играет важную роль в обеспечении интересов двух великих держав в сфере безопасности. Активность террористов на территории региона в равной степени угрожает безопасности и России, и Китая, поэтому борьба с терроризмом относится к долгосрочным интересам обеих держав.

В-третьих, региональная безопасность и стабильность включают в себя помимо терроризма много других факторов. Нестабильность в регионе способна привести к нарастанию волны терроризма, сепаратизма и экстремизма, ситуация может выйти из-под контроля. Поэтому поддержание обстановки безопасности и стабильности в Центральной Азии соответствует общим интересам Китая и России. Это, конечно, не означает вмешательство двух держав во внутренние дела и политическое развитие государств региона, но и Китаю, и России следует играть активную конструктивную роль в обеспечении безопасности и стабильности этих стран, что должно выражаться в недопущении вторжения внешних сил, содействии в урегулировании спорных вопросов, предотвращении серьезных межгосударственных конфликтов и т. п.

В-четвертых, Китай и Россия имеют сходное мнение по поводу долгосрочного военного присутствия США в регионе. Американское военное присутствие создает геополитические проблемы для Китая и России, вызывая общую озабоченность обеих стран. Китай и Россия не вынашивают планов создания в Центральной Азии некоего союза, направленного против интересов США. Но они рассматривают долгосрочное военное присутствие США в регионе как потенциальную геополитическую угрозу. Связи между Китаем и Россией в Центральной Азии гораздо теснее, чем их отношения с США. Такое положение дел сформировалось задолго до событий 11 сентября и не претерпело затем существенных изменений. Многие аналитики тогда делали весьма оптимистические прогнозы относительно перспектив российско-американского сотрудничества в Центральной Азии, полагая, что в новых условиях оно получит приоритет по сравнению с отношениями между Китаем и Россией. Однако эти прогнозы оказались несостоятельными. Сотрудничество России и Соединенных Штатов в Центральной Азии носило ситуативный характер, более того, на фоне долгосрочного сохранения американского военного присутствия в регионе сотрудничество между Китаем и Россией еще более укрепилось. Отношения между тремя великими державами в регионе в принципе соответствуют структуре международных отношений после «холодной войны». Не изменятся общие рамки отношений между Китаем, Россией и США на международной арене — не будет меняться и характер их сотрудничества в Центральноазиатском регионе.

Китай и Россия испытывают потребность во взаимном сотрудничестве в Центральной Азии. Но, по мнению многих аналитиков, в китайско-российских отношениях присутствуют элементы противоречий и конкуренции. Некоторые эксперты даже полагают, что регион может стать для них яблоком раздора. Этот вопрос уже затрагивался в настоящей работе. Конечно, полностью отрицать такую возможность нельзя. Исходя из обстановки и условий, в которых находятся Китай и Россия, можно предположить, что их влияние в регионе будет возрастать. Это означает, что число вопросов, по которым Китай и Россия будут «сталкиваться» между собой, увеличится. Причем пересечение и столкновение интересов со временем будет становиться все более очевидным. Это может привести к усилению факторов, обуславливающих противоречия и конкуренцию.

Дальнейшее развитие событий в большей степени зависит от позиции России по отношению к китайскому присутствию в Центральной Азии, а не от подхода Китая. Фундаментальный курс, неуклонно проводимый Китаем, заключается в развитии нормальных дружественных отношений со всеми государствами региона, он не высказывает свои амбиции или намерения конкурировать с кем-нибудь в Центральной Азии. Ситуация в России иная. Она по-прежнему находится в шоке от развала «империи» — Советского Союза. Такое положение сохранится, очевидно, еще надолго. После распада СССР Россия по-прежнему продолжает рассматривать страны СНГ в качестве своей сферы влияния или, иначе говоря, зоны особых интересов. Кроме того, в России вынашивают планы новой интеграции в рамках СНГ. На этом фоне Россия особенно настороженно относится к присутствию в регионе любой другой великой державы. В результате возникает ряд вопросов. Несмотря на то что Россия признала присутствие Китая в Центральной Азии и даже эффективно сотрудничает с ним, воспримет ли она адекватно усиление здесь китайского влияния, и если да, то до какой степени? Намерена ли Россия в дальнейшем углублять свое сотрудничество с Китаем в Центральной Азии? Особенно остро эти вопросы встают в контексте восстановления мощи российского государства. Не приведет ли это к изменениям в политическом курсе в регионе и, соответственно, в отношениях России и Китая? На эти вопросы пока практически невозможно дать определенный ответ.

Столкновение интересов и конфликты между Россией и Китаем в Центральной Азии отнюдь не являются неизбежным вариантом развития событий, потому что основанием для таких прогнозов главным образом являются логика и правила «игры с нулевой суммой». А эта логика, как уже указывалось, не соответствует новым условиям, сложившимся по окончании «холодной войны». Тем более она не может соответствовать современным отношениям между Китаем и Россией.

Необходимо учитывать, что развитие связей Китая с центральноазиатскими республиками — процесс не только естественный, но и неизбежный. Существует точка зрения, согласно которой Китай непосредственно не относится к Центральноазиатскому региону. При этом подразумевается, что у Китая нет веских причин, чтобы обосновать необходимость своего участия в его делах. Подобные суждения не соответствуют реальному положению вещей и не являются корректными. С какой бы точки зрения ни рассматривать эту проблему — с исторической, географической, культурной, политической, экономической, связанной с безопасностью, — легко видеть, что Китай не только не «посторонний» по отношению к Центральной Азии, но, напротив, имеет с ней тесные отношения.

Между Китаем и странами Центральной Азии существуют давние исторические связи. Начиная с династии Хань, т. е. со II в. до н. э., наблюдается активный обмен между Китаем и Центральноазиатским регионом. Расцвет Великого шелкового пути пришелся именно на то время и продолжался более тысячи лет. Он превратился в дорогу постоянного общения, связывавшую Китай и страны Центральной Азии. Лишь последние полтора столетия вследствие того, что центральноазиатские государства утратили независимость, исторически сложившиеся отношения Китая с регионом прервались.

Китай является важным для Центральной Азии соседом. Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР географически составляет единое целое с Центральноазиатским регионом. Народы, проживающие на этой территории Китая и в сопредельных с ней центральноазиатских странах, исторически неразрывно связаны. В Синьцзян-Уйгурском автономном районе проживают уйгуры, казахи, узбеки, киргизы и таджики. Они имеют с народами, проживающими на территории Центральной Азии, одинаковые или очень похожие исторические, религиозные и культурные особенности, говорят на тех же языках.

У Китая есть все предпосылки для развития отношений с центральноазиатскими государствами. Но связи Китая с этими странами не причинят ущерб интересам других государств, в том числе и России. Принципиальной целью его деятельности в регионе является обеспечение стабильности, стимулирование процветания экономики и поддержание дружественных отношений. Развитие связей КНР со странами региона на практике приносит России объективную пользу. Во-первых, Китай «снабжает» регион стабильностью и развитием, что полностью соответствует интересам России. Во-вторых, присутствие Китая в Центральной Азии не бросает вызов балансу в отношениях между великими державами, а, наоборот, способствует их стабильности, что создает благоприятную стратегическую обстановку в регионе и для России. В-третьих, китайское присутствие содействует формированию сбалансированных отношений центральноазиатских государств с великими державами, что также косвенным образом работает на углубление отношений России со странами Центральной Азии. В экономическом аспекте Китай и Россия могут действовать в регионе одновременно и параллельно. Практика международных отношений показывает, что экономика одного региона может одновременно развиваться в нескольких направлениях, причем в этом случае вовсе не обязательно возникновение каких-либо противоречий. Более того, эти направления могут в совокупности даже усиливать положительное влияние развития. Многоплановое развитие способствует росту экономики, а в мощной экономике содержатся большой потенциал и широкие возможности. Поэтому такой курс развития приводит не к сужению интересов всех заинтересованных государств, а, напротив, к их расширению.

Китай и Россия — крупнейшие соседи Центральной Азии. Оба государства рассчитывают на долгосрочное присутствие в регионе. И Китай, и Россия имеют здесь стратегические интересы. И они должны понимать, что отношения сотрудничества соответствуют интересам каждой стороны, а конфликты и противостояние могут нанести им только ущерб. К тому же сотрудничество Китая и России в центральноазиатском регионе может привести к появлению новых интересов и возможностей. Если Китай и Россия смогут сохранить трезвое стратегическое мышление, преодолеть традиционно сложившуюся за годы «холодной войны» идеологию «игры с нулевой суммой», они имеют серьезные шансы на сохранение долгосрочного сотрудничества и дружественных отношений в Центральной Азии.

Отношения Китая и США в Центральной Азии. В настоящее время Китай практически не имеет сформировавшихся отношений с США в Центральной Азии. Проще говоря, нет никаких контактов между ними ни в политическом, ни в дипломатическом, ни в военном аспектах. Америка начала проникновение в регион сразу после распада Советского Союза, но до 11 сентября 2001 г. ее присутствие там проявлялось главным образом в политическом и экономическом аспектах. Военного присутствия не было, несмотря на то, что американские войска принимали участие в совместных учениях «Центразбат». После 11 сентября американские войска были введены на территорию Центральной Азии, и Китай оказался перед лицом обстоятельств, которые возникли помимо его воли. КНР выразила поддержку действиям США по свержению «Талибана» в Афганистане и сотрудничала с ними в этой области, но это сотрудничество не имело никаких структурных рамок.

В настоящее время перед Китаем стоит вопрос оценки влияния, оказываемого американским военным присутствием в Центральной Азии. Какую позицию следует КНР занять по этому вопросу?

Американское военное присутствие имеет для Китая, как уже указывалось, и положительные, и отрицательные аспекты. Помимо геополитической составляющей, о которой речь шла в предыдущих разделах, оно чревато и другими реальными или потенциальными неблагоприятными последствиями. Так, при использовании двойных стандартов, которые так часто проявляются в американской политике в отношении международного терроризма, военное присутствие США может играть не позитивную, а негативную роль для Китая в его борьбе с сепаратистским движением «Восточный Туркестан». Кроме того, американское присутствие в регионе, который Китай рассматривает как один из основных источников импорта энергии, не может его не беспокоить. Далее, военное присутствие США имеет также политический и экономический эффект: если США, пользуясь своим влиянием, будут стремиться сформировать проамериканские власти в странах региона, это может негативно сказаться на отношениях Китая и стран Центральной Азии. При определенных условиях регион может оказаться в роли, по выражению известного американского стратега З. Бжезинского, пешки на «большой шахматной доске» в игре США против Китая. Присутствие американских войск в регионе также резко обостряет военную конкуренцию между великими державами, повышая уровень милитаризации Центральной Азии. В результате этих процессов войсковые контингенты многих государств оказались вблизи от китайских границ.

Изложенная оценка является основой региональной политики Китая по отношению к США. Принципиальная позиция Китая по отношению к Соединенным Штатам в Центральной Азии должна формироваться на основе следующих подходов.

Долгосрочное военное присутствие США в регионе для Китая нежелательно. КНР считает, что нахождение американских войск должно носить ограниченный и временный характер. Их основным предназначением является разгром сил талибов и группировок «аль-Каиды», уничтожение террористов на территории Афганистана. После восстановления стабильности в этой стране США должны вывести свои войска из Центральной Азии. Это полностью соответствует тем заверениям, которые американская администрация давала перед вводом своих войск. Китай приложит все усилия, чтобы американцы не отказались от своего обещания. Конечно, такая позиция КНР вовсе не обязательно приведет к изменению планов США по наращиванию долгосрочного военного присутствия в Центральной Азии. Тем не менее Китай должен ее твердо отстаивать.

Китай также будет настаивать на том, чтобы американское военное присутствие в Центральной Азии функционально было строго ограничено рамками борьбы с терроризмом. Ни при каких обстоятельствах нельзя допускать изменения и расширения функций американского военного контингента, что подразумевает недопустимость отвлечения войск от выполнения непосредственных антитеррористических задач и постановку перед ними задач иного характера, свойственных обычному предназначению вооруженных сил.

Борьба с терроризмом в Афганистане со всей очевидностью приняла затяжной характер. Обстановка в стране определяется ее внутренними проблемами и во многом зависит от окружающих стран и влияния сил международного терроризма, который остается важнейшим внешним источником угрозы безопасности и стабильности для Центральной Азии. Даже после восстановления нормальной государственной власти Афганистану понадобится много времени для восстановления. С точки зрения как внутренних, так и внешних факторов начавшиеся там про-

цессы еще нельзя считать необратимыми. В течение продолжительного периода афганское государство практически не сможет без посторонней помощи сохранять стабильность в стране. Для обеспечения государственной безопасности Афганистана в этот период, конечно, понадобится поддержка внешних сил. Этот фактор обуславливает необходимость военного присутствия США в регионе. В настоящее время войска США уже не ведут активных боевых действий, а выполняют функции сдерживания. Они практически переведены в режим повседневной войсковой деятельности. В этой ситуации Китай должен потребовать от США (по крайней мере теоретически) не изменять предназначения своей войсковой группировки в регионе.

Китай намерен сотрудничать с США в налаживании стабильности в Афганистане, содействии послевоенному восстановлению страны и борьбе с международным терроризмом. Это не противоречит отрицательной позиции Китая относительно сохранения долгосрочного военного присутствия США в Центральноазиатском регионе. Китайско-американское сотрудничество в указанных областях, с одной стороны, будет способствовать укреплению безопасности и стабильности, соответствовать интересам обеспечения безопасности и стабильности в северо-западных районах Китая. С другой стороны, окончательное решение афганской проблемы создаст теоретические предпосылки для вывода американских войск из региона (или по крайней мере уменьшения их присутствия).

При решении проблем, связанных с китайско-американскими отношениями в Центральной Азии, КНР должна рассматривать их во взаимосвязи с общим состоянием глобальных отношений двух стран. В условиях стабильных отношений не составит труда поддерживать на стабильном уровне и отношения в Центральноазиатском регионе. В связи с американским военным присутствием в регионе Китай должен соблюдать принцип извлечения максимальной выгоды и нейтрализации негативных факторов. У него нет причин обострять вопросы, связанные с американским военным присутствием, и выводить их на уровень важнейших проблем в двусторонних отношениях. В региональном аспекте Китай должен использовать спокойный и прагматичный подход, не допуская при этом, чтобы данная проблема превратилась в серьезную помеху положительному развитию отношений между двумя странами.

Китай должен также проводить активные консультации с центральноазиатскими государствами о военном присутствии США. Американские войска расположены на территории этих стран, поэтому их позиция и политика в отношении американского военного присутствия будут играть определяющую роль в решении проблемы. Китаю необходимо достичь взаимопонимания с центральноазиатскими государствами, исходя из принципов взаимного уважения и соблюдения интересов. Нужно обеспечить принципиальное согласие по этому вопросу с тем, чтобы максимально ограничить влияние негативных факторов американского присутствия. Необходимо, чтобы центральноазиатские страны поняли: присутствие американских войск на их территории имеет двоякий смысл. С одной стороны, участие США в борьбе с терроризмом благоприятно сказывается на условиях безопасности в Центральной Азии, с другой стороны, присутствие военного контингента США может привести к постепенной концентрации войсковых группировок великих держав в регионе, активизировать конкуренцию между ними и повысить вероятность возникновения конфликтов, что может нанести ущерб безопасности государств Центральной Азии и их интересам.

Примечания

¹ Так, заместитель директора Института США и Канады РАН А. Богатуров считал, что «Шанхайская пятерка» еще очень слаба, а база и условия для формирования региональной организации сотрудничества еще не созрели. Слишком быстрый организационный рост и превышение уровня поставленных задач могут привести к возникновению серьезных проблем. Поэтому срочное преобразование существующей структуры в региональную организацию просто недопустимо. А руководитель сектора внешнеполитического курса и международных отношений Института стратегических исследований при президенте Казахстана Тукумов полагал, что развитие обстановки в Центральноазиатском регионе диктует насущную необходимость преобразования «Шанхайской пятерки» в региональную организацию сотрудничества. Эта точка зрения прозвучала на втором международном семинаре по проблемам Средней Азии, проведенном Шанхайским научно-исследовательским институтом международных проблем в апреле 2004 г.

² Bates G., Oresman M. China's New Journey to the West: China's Emergence in Central Asia and Implications for U.S. Interests // CSIS Report. — 2003. — Aug. — P. 14.

³ Аллисон Р. Центральная Азия и Закавказье: Региональное сотрудничество и фактор российской политики. — М., 2004. — С. 11. — (Раб. материалы / Моск. Центр Карнегии; Вып. 10).

⁴ Так, по мнению вице-президента Внешнеполитической ассоциации Сергея Кортунова, после событий 11 сентября ШОС фактически развалилась. См.: Российско-американское партнерство и борьба 21 века // Междунар. жизнь. — 2002. — Вып. 4. — С. 69.

⁵ США выработали свою политическую стратегию в Центральной Азии и на Закавказье только в 1997 г. В марте 1997 г. советник президента США по вопросам национальной безопасности высказался в том смысле, что политика в Центральной

Азии и Закавказье является приоритетным направлением американской дипломатии и США намерены постепенно проникать в эти регионы. После получения независимости бывшими республиками Союза государственный секретарь США Дж. Бейкер впервые посетил их в 1992 г. А следующий официальный визит госсекретаря в этот регион состоялся только в апреле 2004 г. См.: *The Security of the Caspian Sea Region / SIPRI*. — [S. l.]: Oxford Univ. Press, 2001. — P. 19.

⁶ Сборник материалов международного семинара по обстановке в Центральной Азии и ШОС / Под ред. Юй Синьтяня и Чжао Хуашэна; Шанхайский ин-т междунар. исслед. — Шанхай, 2003. — С. 92.

⁷ Так, бывший министр иностранных дел Киргизии Абдуразаков полагает, что обеспечение безопасности в Центральной Азии складывается в настоящее время из четырех основных факторов: антитеррористического союза, возглавляемого США, программы НАТО «Партнерство во имя мира», Договора о коллективной безопасности стран СНГ и ШОС. Такая структура обеспечения безопасности полностью соответствует интересам среднеазиатских государств. См.: Сборник материалов международного семинара по обстановке в Центральной Азии и ШОС. — С. 228—229.

⁸ Например, Паули Джонс Луонг из Йельского университета США и Эрика Вейнтбал из Университета штата Делавэр полагают, что с точки зрения долгосрочных перспектив даже успешный исход военных действий против талибов в Афганистане не только не ослабит позиции исламских экстремистов в Узбекистане, но даже может привести к их укреплению (*Luong P. J., Weintbal E. New Friends, New Fears in Central Asia // Foreign Affairs*. — 2002. — March/Apr. — P. 64).

⁹ На встрече в С.-Петербурге все главы среднеазиатских стран дали позитивную оценку ШОС. Президент Казахстана Н. Назарбаев выразил полную поддержку деятельности организации от лица правительства Казахстана; президент Киргизии А. Акаев заявил, что ШОС уже прошла проверку временем и превратилась в самостоятельную международную организацию; президент Таджикистана Э. Рахмонов высказал надежду на расширение сотрудничества в рамках организации; президент Узбекистана И. Каримов выразил надежду, что если ШОС сумеет приспособиться к изменениям обстановки после 11 сентября 2001 г., она вполне может стать авторитетной международной организацией (по материалам сайта <http://www.strana.ru>, 6 июля 2002 г.).

¹⁰ После событий 11 сентября 2001 г. внутривластная нестабильность в странах Центральной Азии резко возросла. В ноябре 2001 г. разразился политический кризис в Казахстане, который привел к отставке правительства. В марте 2002 г. произошли волнения в Киргизии, в результате столкновений между полицией и демонстрантами были жертвы. Политические выступления происходили и позже. В Туркмении оппозиционная группировка, возглавляемая бывшим министром иностранных дел Хамуратовым, активизировала за рубежом свои антиправительственные действия. В Узбекистане резко обострилось противостояние между оппозицией и властью. Усиление внутривластных конфликтов в странах Центральной Азии произошло отнюдь не случайно, огромную роль в них сыграл фактор американского присутствия. Помощник государственного секретаря США Б. Линн Паскоу, ответственный за вопросы Центральной Азии, заявил, что, несмотря на развитие политического и военного сотрудничества США со странами Центральной Азии, они отнюдь не намерены изменять свою позицию по отношению к государствам региона в вопросах проведения демократических и рыночных реформ и соблюдения прав человека (<http://www.usinfo.state.gov/2002.6.14>). Американское военное и политическое сотрудничество со странами Центральной Азии, политика США в отношении соблюдения прав человека стали вдохновляющими факторами не только для властей, но и для оппозиции стран региона.

¹¹ По результатам анализа, выполненного профессором МГИМО С. Лузяниным.

¹² См.: *Фань Чжипин*. Наступление религиозных националистов в Южной и Средней Азии. — [Б. м.]: Синьцзян. нар. изд-во, 2003. — С. 291. — На кит. яз.

¹³ Террористам из «Восточного Туркестана» не уйти от ответственности / Канцелярия СМИ Госсовета КНР // Жэньминь жибао. — 2002. — 22 янв. — На кит. яз.

¹⁴ См.: *Сыроежкин К. Л.* Мифы и реальности этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. — Алматы: Дайк пресс, 2003.

¹⁵ Среднеазиатская организация «Восточного Туркестана» главным образом состоит из активистов движения, бежавших из Китая. В 1960-х годах в условиях тогдашнего противостояния между Китаем и СССР многие жители Синьцзян-Уйгурского автономного района уходили в среднеазиатские республики СССР. Там были созданы некоторые группировки «Восточного Туркестана». Тем не менее большинство граждан КНР, бежавших в Среднюю Азию, не являются членами группировок «Восточного Туркестана». В 1980—1990-е годы Средняя Азия вновь стала убежищем для сепаратистов из этой организации, которые и сформировали костяк современного движения «Восточный Туркестан». В связи с нестабильным характером организации и постоянно происходящими в ней изменениями точные данные о ее количественном составе отсутствуют. Различные источники приводят самые противоречивые данные. Согласно исследованиям Ма Дачжэна в 2002 г. организация насчитывала 11 группировок, 4 из которых вели активную террористическую деятельность (*Ма Дачжэн*. Государственные интересы превыше всего. — [Б. м.]: Синьцзян. нар. изд-во, 2002. — С. 193. — На кит. яз.).

¹⁶ В настоящее время в Синьцзян-Уйгурском автономном районе действует 17 официально утвержденных пограничных пунктов пропуска государственного значения, из них 11 находятся на границе с центральноазиатскими странами. Кроме того, имеется 11 пунктов пропуска местного значения. В обороте приграничной торговли Синьцзян-Уйгурского автономного района доля стран Центральной Азии составляет 60%. С 1991 по 2000 гг. объем внешней торговли автономного района со странами этого

региона составил 7 млрд долл. Средний ежегодный рост — примерно 45%. В 2003 г. общий объем внешнеторговых операций Синьцзян-Уйгурского автономного района превысил 3,5 млрд долл., из них на долю Казахстана пришлось 2 млрд. В 2004 г. общий товарооборот автономного района достиг 5,3 млрд долл., из них половина пришлось на Казахстан, а доля Центральной Азии в целом составила 60%.

¹⁷ См.: Тянь Чуньжун. Анализ импорта нефти в КНР за 2002 год // Экономика нефтяной пром-ти Китая. — 2003. — Вып. 3. — С. 26. — На кит. яз.

¹⁸ Ежегодные объемы добычи нефти в Казахстане с 1998 по 2002 гг. составляли соответственно 25,9, 30,1, 35,3, 39,6 и 47,2 млн т (The Economic Intelligence Unity, Country Profile Kazakhstan. — [S. l.], 2003. — P. 46). По прогнозам объемы нефтедобычи в Казахстане в 2010 г. составят 100 млн т, а к 2015 г. возрастут до 150 млн т. Внутренние потребности Казахстана в сырой нефти составляют только около 10 млн т в год.

¹⁹ Сборник материалов международного семинара «Центральная Азия и Шанхайская организация сотрудничества» / Под ред. Юй Синьтянь и Чжао Хуашэн; Шанх. ин-т междунар. исслед. — [Б. м.], 2003. — С. 235.

²⁰ Rumer E. B. Flashman's Revenge: Central Asia after September 11 // Strategic Forum. — 2002. — № 195. — Dec. — P. 3.

²¹ Такая точка зрения высказывалась и президентом В. Путиным на заседании Госсовета в январе 2003 г. См.: Основы новой архитектуры безопасности // Междунар. жизнь. — 2003. — № 3. — С. 4.

²² Последний раз такой подход России проявился 9 октября 2003 г. Министр обороны С. Иванов на совещании министров обороны стран НАТО, проходившем в Колорадо-Спрингс (США), выразил надежду, что американцы выведут свои базы из Центральной Азии после окончательного разгрома талибских террористов.

²³ См.: Народы всех национальностей СССР / АПН СССР. — М., 1989. — С. 75, 67, 117, 123, 137.

²⁴ С 1989 по 1999 гг. русское население Казахстана уменьшилось на 1,5 млн человек, но русские по-прежнему составляют более 30% населения страны. Русское население Киргизии уменьшилось на 150 тыс. человек и составляет 10% вместо прежних 15%. В Узбекистане доля русского населения с 1989 г. уменьшилась с 8,3% до 5%. В Таджикистане до распада Советского Союза проживало 8% русских, сейчас их примерно 2%. См.: Country Profile Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan, Economic Intelligence Unit. — [S. l.], 2003.

²⁵ Хадаренов М. Ненужный союз // Независимая газ. — 2002. — 21 янв.

²⁶ Многие считают, что Россия извлекла наибольшую выгоду из последствий событий 11 сентября, например, профессор Юджин Рюмер. См.: Rumer E. B. Op. cit. — P. 3. Однако такая точка зрения имеет право на существование только в аспекте разгрома режима талибов в Афганистане, она не может быть увязана с проблемами стратегического присутствия и интересов России в Центральной Азии.

²⁷ Олкотт М. Б. Центральная Азия: как превратить бывших подданных в друзей? // Россия: ближайшие десятилетия / Под ред. Э. Качинса и Д. Тренина; Моск. Центр Карнеги. — М., 2004. — С. 132.

²⁸ См.: Стрейшнев Р. Щит для Центральной Азии // Крас. звезда. — 2003. — 24 окт.

²⁹ В разработке нефтяных месторождений Каспийского бассейна в Казахстане приняли участие следующие американские компании: «Chevron», «Exxon-Mobil», «Occidental Petroleum», «Texaco», «CaesarOil», IPI, «Orix/McGee», АМНК (Олкотт М. Б. Казахстан — непройденный путь / Моск. Центр Карнеги. — М., 2003. — С. 299).

³⁰ По мнению профессора Э. Басевича, энергоресурсы относятся к числу важнейших объектов интересов США в Средней Азии. Американцы намерены придать среднеазиатским странам статус государств, находящихся под защитой США, поставив тем самым энергоресурсы региона на службу Америке. В этом случае ни Россия, ни Китай, ни Иран уже не смогли бы воспользоваться среднеазиатскими энергоносителями (Steppes to Empire // The National Interests. — 2002. — Summer. — P. 49).

³¹ Ibid. — P. 40.

³² См.: Fairbanks Ch. Being There // The National Interest. — 2002. — Summer. — P. 39.

³³ Cornell S. E., Spector R. A. Central Asia: more than Islamic Extremists // The Washington Quart. — 2002. — Winter. — P. 201.

³⁴ См.: The Security of the Caspian Sea Region / SIPRI. — [S. l.]: Oxford Univ. Press, 2001. — P. 19.

³⁵ После высадки американских десантников в Центральной Азии командующий Североатлантическими силами США и объединенными силами НАТО Джек Шихан заявил, что если ООН санкционирует совместные действия вооруженных сил среднеазиатских государств в Средней Азии, американцы готовы к ним присоединиться. Робин Бхатти и Рейчел Бронсон считают, что это заявление было, вероятно, первым проявлением намерений США разместить войска в Центральноазиатском регионе (Bhatty R., Bronson R. NATO's Mixed Signal in the Caucasus and Central Asia // Survival. — Т. 42. — № 3. — P. 134).

³⁶ См.: The Security of the Caspian Sea Region. — P. 137.

³⁷ Р. Бхатти и Р. Бронсон также полагают, что после 1998 г. интерес среднеазиатских государств к НАТО в аспекте безопасности стал уменьшаться. В этом отношении они проявляли больший интерес к сотрудничеству с Россией (Bhatty R., Bronson R. Op. cit. — P. 133). После 2000 г. военные учения «Центразбат» практически перестали проводиться.

³⁸ Maynes Ch. W. America discovers Central Asia // Foreign Affairs. — 2003. — March/April. — P. 120.

³⁹ Ibid. — P. 121.

⁴⁰ *Pap A.* «Большая игра» на постсоветском пространстве // НГ-дипкурьер. — 2003. — 29 сент.

⁴¹ По мнению Г. Бейтса и М. Оресмана, «...объекты сотрудничества на базовом уровне между Китаем, Россией и США в Центральной Азии могут включать создание и оснащение совместных блокпостов, поставки вооружения и техники, повышение уровня прозрачности действий войсковых формирований, совместные мероприятия по разминированию приграничной зоны, взаимный обмен информацией о незаконной деятельности в пограничных районах, борьбу с распространением СПИДа, строительство объектов и проведение мероприятий по улучшению социальных условий» (*Bates G., Oresman M. China's New Journey to the West: A Report of the CSIS Freeman Chair in China Studies.* — [S. l.], Aug. 2003. — P. 42).

⁴² В октябре 2003 г. впервые имели место контакты на официальном уровне Китая и НАТО. Это событие имело огромное символическое значение, обозначив перемены во взаимоотношениях между КНР и альянсом, продемонстрировав возможность двустороннего диалога и сотрудничества. Эти встречи создали предпосылки и для сотрудничества Китая с НАТО по проблемам Центральной Азии.

⁴³ *Fairbanks Ch. Being There* // *The National Interest.* — 2002. — Summer. — P. 48.

О Фонде Карнеги

Фонд Карнеги за Международный Мир является неправительственной, внепартийной, некоммерческой организацией со штаб-квартирой в Вашингтоне (США). Фонд был основан в 1910 г. известным предпринимателем и общественным деятелем Эндрю Карнеги для проведения исследований в области международных отношений. Фонд не пользуется какой-либо финансовой поддержкой со стороны государства и не связан ни с одной из политических партий в США или за их пределами. В его компетенцию не входит предоставление грантов (стипендий) или иных видов финансирования. Деятельность Фонда Карнеги заключается в выполнении намеченных его специалистами программ исследований, организации дискуссий, подготовке и выпуске тематических изданий, информировании широкой общественности по различным вопросам внешней политики и международных отношений.

Сотрудниками Фонда Карнеги за Международный Мир являются эксперты, которые используют в своей практике богатый опыт в различных областях деятельности, накопленный ими за годы работы в государственных учреждениях, средствах массовой информации, университетах, международных организациях. Фонд не представляет точку зрения какого-либо правительства и не стоит на какой-либо идеологической или политической платформе, поэтому спектр взглядов его сотрудников довольно широк.

Идея создания Московского Центра Карнеги родилась в 1992 г. с целью реализации широких перспектив сотрудничества, которые открылись перед научными и общественными кругами США, России и новых независимых государств после окончания периода «холодной войны». С 1994 г. в рамках программы по России и Евразии, реализуемой одновременно в Вашингтоне и Москве, Центр Карнеги осуществляет широкую программу общественно-политических и социально-экономических исследований, организует открытые дискуссии, ведет издательскую деятельность.

Основу деятельности Московского Центра Карнеги составляют циклы семинаров по внутренней и внешней политике России, по проблемам нераспространения ядерных и обычных вооружений, российско-американских отношений, безопасности, гражданского общества, а также политических и экономических преобразований на постсоветском пространстве.

CARNEGIE ENDOWMENT FOR INTERNATIONAL PEACE
1779 Massachusetts Avenue, NW Washington, DC 20036, USA
Tel.: (202) 483-7600
Fax: (202) 483-1840
E-mail: info@ceip.org
<http://www.ceip.org>

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ
Россия, 125009, Москва, Тверская ул., 16/2
Тел.: (095) 935-8904
Факс: (095) 935-8906
E-mail: info@carnegie.ru
<http://www.carnegie.ru>

**В серии «Рабочие материалы»
Московского Центра Карнеги вышли:**

2005

Выпуск 1. *Марта Олкотт.* Владимир Путин и нефтяная политика России.

Выпуск 2. Гражданское общество: экономический и политический подходы.

Выпуск 3. Гражданское общество и политические процессы в регионах.

Выпуск 4. *Владимир Милов, Иван Селивахин.* Проблемы энергетической политики России.

2004

Выпуск 1. *Василий Михеев.* Восточно-азиатское сообщество: китайский фактор и выводы для России.

Выпуск 2. *Алексей Малашенко.* Бродит ли призрак «исламской угрозы»?

Выпуск 3. *Ахмед Ахмедов, Евгения Бессонова, Елена Гришина, Ирина Денисова, Денис Некипелов, Иван Черкашин.* Вступление в ВТО и рынок труда в России.

Выпуск 4. *Ксения Юдаева.* Что ждут от ВТО российские предприятия: результаты опроса.

Выпуск 5. *Константин Козлов, Денис Соколов, Ксения Юдаева.* Инновационная активность российских предприятий.

Выпуск 6. *Василий Михеев, Владимир Якубовский, Яков Бергер, Галина Белокурова.* Северо-Восточная Азия: энергетические стратегии безопасности.

Выпуск 7. *Андрей Шлейфер, Дэниел Трейсман.* Обычная страна.

Выпуск 8. *Анатолий Ширяев.* Организационно-методическая концепция реформирования военного образования.

Выпуск 9. Влияние российских групп интересов на политику России в отношении Белоруссии.

Выпуск 10. *Рой Аллисон.* Центральная Азия и Закавказье: региональное сотрудничество и фактор российской политики.

2003

Выпуск 1. *Расселл Питтмен.* Вертикальная реструктуризация инфраструктурных отраслей в странах с переходной экономикой.

Выпуск 2. *Сергей Гуриев, Ольга Лазарева, Андрей Рачинский, Сергей Цухло.* Корпоративное управление в российской промышленности.

Выпуск 3. *Ксения Юдаева, Евгения Бессонова, Константин Козлов, Надежда Иванова, Денис Соколов, Борис Белов.* Секторальный и региональный анализ последствий вступления России в ВТО: оценка издержек и выгод.

Выпуск 4. *Д. В. Васильев, П. Ю. Дробышев, А. В. Конов.* Административная этика как средство противодействия коррупции.

Выпуск 5. *Василий Михеев.* Корейская проблема и возможности ее решения (план «Дорожная карта для Кореи»).

Выпуск 6. *Андерс Ослунд, Эндрю Уорнер.* Расширение Европейского союза: последствия для стран СНГ.